Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Томск — 1994

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

27 МАР 2002
17 ИЮН 2003
26 СЕН 2003
11 МАР 2005
1 АПР 2005
30 МАР 2005

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ ПРОБЛЕМНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

ВЫП. 2

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.

1-418280

Научная библиотека ТГУ Для книг

Томск - 1994

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории
XIX - первой трети XX вв.
Томск: Томский ун-т, 1994. 169 с.

В сборнике помещены статьи по истории хозяйственного освоения Сибири в XIX - первой трети XX вв., т.е. в период зарождения и развития в Сибири товарного рыночного хозяйства. В них изучается опыт государственного и частного предпринимательства в промышленности, транспорте, аграрной сфере Сибири, государственного регулирования хозяйственной деятельности в крае.

Для специалистов-исследователей, преподавателей студентов гуманитарных факультетов вузов.

Рецензенты : доктор исторических наук А.Т.Топчий; кафедра отечественной дореволюционной истории Алтайского государственного университета

Редакционная коллегия: доктор исторических наук В.П.Зиновьев /отв. редактор/; кандидат исторических наук В.А.Бузанова, кандидат исторических наук З.И.Дудукалов, кандидат исторических наук Н.М.Дмитриенко.

© Томский государственный университет , 1994

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является продолжением публикаций результатов разработки сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете в содружестве с учеными других вузов Сибири проблем истории хозяйственного освоения Сибири в XIX – первой трети XX вв.[1]

Сборник состоит из четырех разделов, в первый из которых входят статьи о промышленном и транспортном освоении Сибири. В статье В.П. Зиновьева предлагается концепция истории индустриального развития Сибири в XVII – начале XX вв. Б.К. Андрющенко рассматривает юридические условия найма и правовой статус рабочих кадров в промышленности Сибири в XIX в. А.В.Ремнев в своей статье привел ряд малоизвестных фактов из истории создания и функционирования Комитета Сибирской железной дороги, весьма показательной для изучения политики российских властей в отношении экономического развития Сибири. П.С.Коновалов посвятил статью истории сооружения и эксплуатации одной из крупнейших частных дорог Сибири – Ачинско-Минусинской железнодорожной магистрали.

Во втором разделе сведены статьи по истории сибирского рынка. Е. А.Носова изучает попытки сибирских предпринимателей преодолеть изолированность сибирского рынка от мирового, используя Северный морской путь. В.И.Пронин, автор серии публикаций по истории рынка в Сибири, в этом сборнике предлагает исследование торговли западносибирским хлебом в конце XIX – начале XX вв. Н.М.Дмитриенко сделала попытку осветить на примере Томска историю экономики края в период первой мировой войны. Статья живо напомнит читателю современную ситуацию в стране с развалом хозяйственных связей, ростом дороговизны, спекуляцией, стремлением общества защитить себя самодеятельными объединениями, регулированием потребления на муниципальном и государственном уровнях.

---

1. См.: Проблемы истории дореволюционной Сибири.Томск,1989; Хозяйственное освоение Сибири.История, историография, источники.-Томск, 1991. Вып.2; Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX в.- Новосибирск, 1991.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В разделе "Аграрное освоение Сибири" две статьи : В.И.Пантелеева, который изучает эволюцию земельно-лесного хозяйства казны в Сибири в XIX в., и П.Ф.Никулина, продолжающего публикацию результатов своего статистико-математического исследования аграрных переписей 1916 и 1917 гг. в Сибири. В этом случае П.Ф.Никулин анализирует роль аренды в крестьянском хозяйстве.

В четвертом разделе помещены статьи по истории НЭПа в Сибири. Они касаются различных аспектов этой темы. Н.И.Бурнашева исследует развитие промысловой кооперации в Якутии, Е.А.Андреенко - роль сибирских профессиональных союзов в трудовых конфликтах, Е.В.Демчик - налоговую политику Советского государства в отношении частного капитала, Н.А.Грик - политику высшего партийного руководства страны в отношении рыночной экономики в 1920-е гг.

Редакционная коллегия сборника выражает надежду, что сборник будет полезен историкам и экономистам, всем любителям истории нашего края.

В.П.Зиновьев

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

I. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Зиновьев В.П.

ЭТАПЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Переход человеческой цивилизации от аграрной эпохи своего развития к индустриальной длится уже почти пять веков. Он стал устойчивым процессом в странах Западной Европы в XVI в., обнаружился в России в XVII в., где стал необратимым с начала XVIII в., когда Петр Первый предпринял правительственные меры для насаждения мануфактур, основанных на принудительном труде. Феодальная индустриализация имела ограниченные перспективы, однако сохраняла конкурентоспособность до середины XIX в. Капиталистический уклад хозяйствования в промышленности и транспорте страны, по мнению большинства специалистов, стал существенным явлением с 60-х гг. XVIII в., после запрещения приписки работных людей на недворянские заведения[1]. Другой крупной сферой частного капиталистического предпринимательства в XVII - XVIII вв. был водный транспорт, где число занятых к середине XVIII в. достигло 230-240 тыс. рабочих[2]. В этих двух сферах хозяйственной деятельности и шло образование кадров мануфактурного пролетариата.

По иному шло формирование капиталистического уклада в Сибири. Индустриальное ее развитие, взяв старт, вместе с Россией в целом, в XVII в. как частнокапиталистическое (заводы Тумашевых, Ушаковых, Луданина, Перевалова, И.Шумилова, С.М.Третьякова, И.Штинникова, А.Т.Жилина, С.Максимова, И.Перфильева, К.Ерчанинова, Е.Курдюкова, А.Свечнина, Е.Толстого и др.)[3], продолжилось затем как феодальное предпринимательство Кабинета, казны, дворянства, монастырей. Купечество, в условиях дефицита трудовых ресурсов, также охотно пользовалось внеэкономическими способами рекрутирования рабочей силы. Указ 29 марта 1762 г. не оказал большого влияния на характер формирования кадров работников на купеческих мануфактурах Сибири, так как здесь постоянный приток подневольной рабочей силы давала штрафная колонизация. Несложное производство сибирских "фабрик" и заводов вполне удовлетворялось трудом каторжных, ссыльнопоселенцев и крестьян-недоимщиков. Наряду со скудостью трудовых ресурсов, транспортными трудностями и отсутствием кредита, положение мануфактурной промышленности Сибири усугублялось ее слабыми связями с рынком.

Крупная промышленность Сибири XVIII в. обслуживала, как правило, казенные нужды (монетный двор, географические экспедиции, Нерчинскую каторгу, кабинетские заводы, воинские команды и канцелярии)

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

и потребности немногочисленного слоя чиновников и купечества. На широкого потребителя, конкурируя с корчемством, выходили только две отрасли - винокурение и солепромышленность. Крестьянское и мещанское население обеспечивало себя всем необходимым посредством домашнего и ремесленного производства. Все это обусловило неустойчивость мануфактур, их полную зависимость от казны и произвола властей.

Наиболее известна и показательна в этом плане история Алтайских горных заводов Акинфия Демидова, основанных в 1726 г. по привилегии выданной Бергколлегией, а затем отобранных у Демидовых в 1747 г. Елизаветой Первой под предлогом казенных недоимок в собственность короны [4].

Подобным же образом было ликвидировано крупнейшее в Сибири ХУШ в. частное горнозаводское дело М.В.Сибирякова, который в 1759 г. заключил с казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. Им были найдены 23 месторождения серебросвинцовых руд, в том числе богатейший Михайловский рудник, давший за 1760 - 1790 гг. серебра на 2,5 млн.руб.[5] На рудниках и Воздвиженском заводе Сибиряковы использовали труд крепостных - 48 чел. и работников с казенных Нерчинских заводов - до 300 чел. В 1779 г. "Сенат велел рудники Сибирякова отобрать, а прочее имение взять в секвестр" на основании инструкции командира Нерчинских рудников В.И.Суворова о запрещении строить частные заводы близ казенных. В 1782 г. имущество Сибиряковых возвратили по представлению Бергколлегии, но заводчик уже не нашел средств восстановить сгоревший и обрушившийся Михайловский рудник [6]. В 1790 г. предприятия М.В.Сибирякова прекратили действия. В 1797 г. они были взяты в казну за долги с выплатой владельцам 2,7 тыс. руб. ежегодной ренты. В 1803 г. рудники перешли вместе с Нерчинскими заводами в ведение Кабинета, а в 1811 г. объявлены выморочными и поступили в казну(на самом деле - в Кабинет)[7].

Казна в течении ХУШ в. постепенно монополизировала солепромышленность и винокурение. Например, Усольский или Тасеевский, солеваренный завод, основанный промышленниками А. и И. Билиными в 1641 г., сначала перешел во владение Троицкого монастыря, а затем - в 1761 г. взят в казну [8]. В 1891 г. казна скупила все винокуренные заводы откупщиков Глебова и Походяшина [9].

В ХУШ в. мануфактурная промышленность Сибири практически не использовала наемный труд, поэтому говорить о формировании здесь капиталистического уклада было бы неверно. В 70-е гг. ХУШ в. в Сибири на 32 заводах с рудниками насчитывалось около 7 тыс. работников [10]. Из них по вольному найму работали немногие на частных винокуренных, со-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

леваренных и текстильных предприятиях. Работники из крестьян и мещан чаще всего были из недоимщиков. Например, в 1776 г. на Иркутский винокуренный завод из Томска выслали 8 мещан для отработки подушных денег[11]. В 1812 г. на Краснореченский винокуренный завод власти Томска выслали для отработки долга 5 сидельцев винных лавок и их поручителей и т.д.[12]

Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли в самосадочных степных озерах, рыбные промыслы. По данным комиссии о коммерции в городах Сибири в 60-е гг. ХУШ в. насчитывалось 6555 чел. занятых ремесленным трудом и 3512 наемных работников[13]. Выяснить число работников занятых в других отраслях производства невозможно, таких данных нет. Однако косвенные и отрывочные сведения позволяют сделать вывод, что счет таковых шел на сотни и тысячи. В Тобольской губернии, судя по материалам, найденным Д.И.Копыловым, в 60-е гг. ХУШ в. было занято до 4 тыс. работников на строительстве казенных судов.[14]. С переходом в 1760-е гг. на вольнонаемные подрядные работы, число работников в судостроении уменьшилось, так как 5-7 наемных плотников заменяли 15-20 обязанных. В Западной Сибири в середине ХУШ в. строилось до 300 крупных судов в год, следовательно на их строительство нанимались 1,5 - 2,1 тыс.работников.[15]. В Восточной Сибири во второй половине ХУШ в. строилось не менее 200 судов в год[16], следовательно этим занимались не менее 1 тыс. чел. Суда строились крестьянскими артелями. Есть также свидетельства, что уже появились предприниматели сооружавшие суда на заказ наемными рабочими. Так в 1888 г. томский купец А.И.Шумилов построил для соляного контрагента Казанцева 10 судов за 10 тыс. руб., а всего построил за 1885-1890 гг. 59 судов на Долоновском плотбище и в д. Спириной [17].

Грубая прикидка числа работников, занятых в судоходстве Сибири, показывает, что эта отрасль была наиболее развитой сферой найма. Если принять среднюю численность команды крупного судна - барки, дощаника в 25 чел., то на всех 300 судах Западной Сибири должны были работать 7,5 тыс. чел. [18], из них до 2 тыс. являлись обязанными крестьянами на проводке казенных судов [19]. В Восточной Сибири при средней численности команды судна в 5 чел.[20], было занято не менее 1 тыс. работников. Всего в Сибири во второй половине ХУШ в. насчитывалось около 8,5 тыс. судорабочих.

Только на наемном труде основывались рыбопромышленные заведения. Капиталистические предприятия в отрасли отмечаются в источниках с ХУШ в. Уже в 20-30 гг. томские предприниматели из купцов и дворян кортомили пески по Томи и Оби у местных татар и ставили невода с

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

наемными работниками. В документах упоминаются уставщики с товарищами[21]. В 1791 г. купец А.М.Шумилов арендовал на Оби два песка и неводил рыбу наемными работниками[22]. В низовьях Оби к началу XIX в. сложилась система многолетних договоров об аренде песков у коренных жителей для промыслового лова с сотнями наемных людей. Известны также промыслы графа И.И.Шувалова на Байкале [23].

В целом на 9 тыс. подневольных работников в Сибири в 60-70-е гг. XVIII в. приходилось около 13 тыс. наемных работников. Однако первые были преимущественно постоянными, частью профессиональными, а вторые - временными на сезонных работах, поэтому базы для формирования устойчивых капиталистических отношений и особого уклада экономической жизни в Сибири практически не было.

В первые десятилетия XIX в. сфера феодального предпринимательства в Сибири продолжала расти. Кабинет полностью монополизировал горнозаводское производство. Появились помещичьи винокуренные заводы - Панаевых, Базилевских. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны для утилизации труда ссыльных ремесленные работные дома. В иркутской пересыльной тюрьме и на омской войсковой фабрике арестантов приспособили к сукноделию. Тельминская фабрика на рубеже XVIII-XIX вв. из захудалого купеческого заведения была преобразована казной в один из крупнейших в России центров обрабатывающего производства, действовавший трудом ссыльнокаторжных и приписных крестьян. Хотя грандиозный проект кригсшталмейстера Новицкого не был осуществлен, и, вместо 6 тыс, работников набрали 2,3 тыс., а затем осталось около тысячи, Тельминский комбинат включал суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 70 тыс. руб. продукции в год.[24]

Ссыльные были также основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах, использовались в строительстве зданий и дорог. Так Иркутское губернское управление в 1801 г. сообщало Сенату, что "все казенные работы в его ведомстве как, например, устройство дорог, постройка каменного тюремного замка и казарм, и проч., производится ссыльными, число коих, однако далеко недостаточно." Только на устройстве дорог в этот момент трудились 400 каторжан [25]. На казенных судоверфях в 1801 г. находились 182 колодника.[26] В 1820-е гг. была предпринята попытка сформировать постоянные военнорабочие команды из ссыльных для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1150 таких строителей(табл.1). В начале 30-х гг. XIX в. с открытием золотых россыпей появился новый источник доходов для казны, царской фамилии и дворянства,- золотопромышленность. На землях Кабинета она опиралась исключительно на труд мастеровых и каторжных.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Распространение сферы феодального предпринимательства на новые отрасли промышленности не означало однако его прочности и перспективности. Экономическая целесообразность применения принудительного труда утрачивалась с расширением рынка наемной рабочей силы и ее удешевлением вследствие роста ссылки и переселений. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был малоэффективен, в судостроении и горных работах - в три раза, а в винокурении - в два раза менее производителен чем свободный. Кроме того, требовались расходы на стражу, остроги и казармы. Сначала от услуг тюремного ведомства отказалось судостроение [27], затем были расформированы военно-рабочие команды, сократилось число каторжных на солеваренных заводах, постепенно были ликвидированы почти все казенные винокуренные каторжные заводы. До реформы 1861 г. дожили три из них - Успенский, Екатерининский и Александровский, сосредоточившие все казенное производство вина.

При внешнем благополучии, нарастали кризисные явления в кабинетском хозяйстве. Падение естественной производительности руд возмещалось ростом числа занятых рабочих. Тысяча пуд. серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1819 г. на тот же результат были направлены усилия 17 тыс. мастеровых и 86,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. - 20890 мастеровых и 134029 приписных крестьян [28]. М.М.Сперанский констатировал в отчете об обозрении Сибири: "Можно решительно утверждать, что ни в какой стране на свете не будут обрабатывать серебро, добывая 2 золотника из пуда. Сие могло бы быть только там, где нужно было бы истребить леса и чем-нибудь занять совершенно излишнее и ни к чему другому не способные руки" [29]. Еще более уничтожающей критике он подверг хозяйство Нерчинского округа Кабинета, которое держалось за счет почти дарового труда приписных крестьян, мастеровых и каторжных, принудительного скупа хлеба за бесценок, а также бесплатного пользования природными ресурсами обширного края. Кабинетское хозяйство оставалось выгодным делом для императора, потому что обменный курс серебряных денег к ассигнациям составлял 1 к 4. Финансовые операции с серебром давали ежегодно до 4 млн.руб. прибыли [30]. Кабинет беззастенчиво забирался в государственный карман, модернизируя заводы за счет казны, управляя и охраняя свои владения государственными чиновниками и полицией. При всем при том, серебросвинцовое производство на Алтае переживало застой, а в Нерчинском округе - упадок. Наиболее прибыльной частью кабинетских владений с 30-х гг. XIX в. стали золотые прииски, давшие на Алтае в 1830-1860 гг. 961,5 пуд., а в Забайкалье - 1183,8 пуд. золота [31]. Золотой допинг отсрочил падение горного хозяйства Кабинета.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Нельзя отнести к разряду процветающих и те частные мануфактуры в Сибири первой половины XIX в., что использовали принудительный труд. Рос лишь Тальцинский промышленный комплекс близ Иркутска: стекольное производство возникло в 1784 г., суконное - в 1827 г., фаянсовое - в 1829 г., фарфоровое и лесопильное - в 1850 г. Заводы занимали в 1784 г. 20, в 1814 г. - 40, в 1832 г. - 80, в 1862 г.- 134 обязанных рабочих[32]. Посессионные мануфактуры Тобольской губернии переживали трудности. Несла убытки стекольная фабрика Корнильевых, на вольнонаемный труд в основном перешли бумажные фабрики Дьяконова и Панаевых: из 184 работников в 1831 г. лишь 39 остались приписными[33].

Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, наоборот, росла. Если в 1820-х гг. насчитывалось около 260 относительно крупных предприятий с числом рабочих около 1400, то в 1851 г. - 255 с 1750 работниками и 1200 тыс. руб. суммы производства.[34], а в 1860 г. - 747 предприятий с 3864 работниками и 3,2 млн.руб. суммы производства[35]. Точность приведенных цифр относительна, но это не мешает видеть отчетливую тенденцию увеличения числа занятых работников и роста производства. Можно согласиться с мнением авторов "Истории рабочих Сибири", что во второй четверти XIX в. обрабатывающая промышленность Сибири вступила в мануфактурный период своего развития, что в ряде отраслей промышленности капиталистические мануфактуры заняли господствующее положение[36]. Действительно, в бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах мануфактура заняла ведущие позиции. Однако, на мой взгляд, рискованно утверждение о том, что капиталистическая мануфактура в Сибири в конце 1850-х гг. стала основной формой производства промышленной продукции.[37]. Некоторые ведущие отрасли производства остались в руках феодальных предпринимателей - винокурение, сукноделие, солеварение, с производством до 2 млн. руб. в год без акциза. Мелкое товарное и домашнее производство, размеры которого установить точно невозможно, судя по отдельным примерам, порой во много раз превышало мануфактурное. Только крестьяне Тюменского округа выделывали в три раза больше сукна и в 100 раз больше холста, чем все мануфактуры Сибири.[38]. В мукомольной промышленности крупные мельницы считались единицами, а мелкие крестьянские - тысячами. Ремесленное производство по числу рабочих еще значительно превышало капиталистическую промышленность. В Тюмени насчитывалось 330 наемных рабочих в промышленных заведениях и 1690 - в ремесленных, по данным 1860 г.; в Томске - соответственно 359 и 921, данные 1850 г.; в Тобольске - 140 и 503, данные 1850 г.[39] Не случайно Ю.Гагемейстер отмечал:"Фабричная промышленность в детстве и способы ея до

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

того первобытны, что она с одинаковою выгодою производится и в крестьянской избе, и в городском помещении." [40] Таким образом очевиден вывод, что в обрабатывающей промышленности Сибири ко второй четверти XIX в. сформировался и быстро рос капиталистический уклад, который до реформы 1861 г. так и не стал господствующим.

К этому же времени относится возникновение в Сибири другой отрасли капиталистической промышленности - золотодобычи. В 1812 г. было разрешено русским подданным разрабатывать серебряные и золотые руды. На Урале, а затем и в Западной Сибири развернулись поиски золотоносных месторождений. Первым обнаружил золото в Тюменском округе на р. Ивановой в июне 1824 г. екатеринбургский мещанин Еким Швецов, однако в разработке ему было отказано как не имеющему гильдейского свидетельства. В 1826 г. получили право поиска золота в Тобольской губернии купцы Е. Рязанов, Баландин, Черепанов, Верходанов, а 9 февраля 1827 г. получил такое же право во всех сибирских губерниях верхотурский купец Андрей Яковлевич Попов, с именем которого и связано открытие промышленного золота в Сибири. В 1828 г. вели поиск золота уже 9 предпринимателей, было сделано 180 заявок. Первые, по настоящему удачные, заявки на 11 приисков по притокам Киа - Кундату, Берикулю, Закроме, Сухому Берикулю были сделаны 11 августа 1828 г. компаньоном и племянником Андрея Попова Федотом Ивановичем Поповым. До этого они затратили на разведки золота в Сибири около 330 тыс. рублей [41]. Открытие золота в Сибири следовательно не было игрой случая, а результатом упорных поисков, гигантских затрат капитала и энергии.

Поисковые партии снаряженные частными предпринимателями, казной, Кабинетом в 30-е гг. нашли золото на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье. В 40-е гг. началась разработка золотых приисков в бассейне Лены, а в 50-е гг. разведки золота на Амуре. За два десятилетия среднегодовая добыча золота выросла с 45 пуд. в 1831 -1835 гг. до 1296 пуд. в 1846-1850 гг. К 1856-1860 гг. она несколько снизилась- до 1048 пуд. в год, но составляла около 4/5 общероссийской добычи. В 40-е гг. XIX в. Сибирь была крупнейшим в мире поставщиком золота, она давала 39 % мировой добычи этого металла. В 30-е гг. основным районом золотодобычи была Мариинская тайга, в 40-50-е гг. - Енисейская тайга [42].

Золотопромышленность пореформенной Сибири являлась сферой приложения преимущественно частного капитала, главным образом дворян и купцов, на долю которых пацало 91,3 % или 21462 пуд. золота на 284 млн. руб. добытого в Сибири в 1829-1860 гг. По объему производства (13,6 млн. руб. в 1860 г.) частная золотодобыча превышала все остальные отрасли промышленности региона вместе взятые [43].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В техническом отношении новая для Сибири отрасль горного дела покоилась на мускульном труде тысяч людей и животных. Добыча шла с применением примитивных орудий - лопат, кайл, балд. Порода перевозилась тачками или в телегах-таратайках. Совершенствовалась преимущественно лишь одна операция - промывка золотоносного песка. От вашгердов и бутар с производительностью в несколько десятков и сотен пудов приискатели перешли к чашам и бочкам с производительностью в несколько тысяч пуд. породы в сутки. "Машина" стала цементирующим звеном, сердцем централизованных мануфактур, которыми были сибирские прииски XIX в.

Создание промывальных "машин", работавших на конной или водяной тяге, было несомненным достижением русской технической мысли, ускорило развитие золотопромышленности, но не могло революционизировать всего строя золотого дела, поскольку другие основные операции - добыча и транспортировка песка остались на мускульном уровне и тормозили рост производительности труда. Введение золотопромывальных машин в 30-40-е гг. дало прирост производительности труда на 6-8 %, замена ручной откатки песков конной в таратайках или вагонетках - на 25-33 %, а интенсификация труда - в три раза с 1830-е по 1890-е гг.[44] Применение же таких механизмов как гидромониторы, драги, буры, паровые и электрические двигатели, взрывчатых веществ увеличивало производительность труда в десятки раз. Внедрение этого оборудования и составило суть технического переворота в отрасли в конце XIX в.

Золотодобыча требовала массы рабочих рук, поэтому армия золотопромышленных рабочих росла исключительно быстро. Прииски стали важнейшим центром притяжения наемных рабочих Сибири. В 1830 г. в Томской губернии на частных приисках было 800 рабочих, в 1834 г. - уже 6 тыс., в 1837 г. вместе с Енисейской губернией - 10 тыс., в 1845 г. на всех приисках Сибири - 30 тыс., в 1850 г. - 27,7 тыс., в 1860 г. - 28,3 тыс. рабочих[45].

Кроме золотых приисков, крупной сферой капиталистического предпринимательства в первой половине XIX в. оставалась рыбодобыча, особенно на Байкале, низовьях Оби, в Нарыме, Барабинских озерах.

Капиталистический характер все более приобретал транспорт. Речные перевозки стремительно росли. В 1820 г. насчитывалось 428 судов разного типа, в 1850 г. - 1009, а в 1861 г. - 2891, число работников выросло соответственно с 10-11 тыс. до 22,5 тыс. и до 32,7 тыс.[46] Казенные перевозки свинца, хлеба, вина, соли осуществлялись по подрядам контрагентами из купцов, крестьян и мещан. Здесь сколачивались крупные капиталы[47]. Часть судовладельцев специализировалась на транзите чаев, мануфактуры между Томском и Тюменью. В 1801 г. в Томске числились 10 торговых фирм, занимавшихся перевозками грузов

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

на 15 судах, в том числе Ф.Серебренников и Ф.Закревский. Томская городская дума регулировала порядок контрактации судов и цену фрахта [48]. В 1810 - 1850 гг. перевозками грузов на судах занимались М.Б.,А.М. и Е.Ф.Серебренниковы, Д.И.Тецков, П.Ф.Закревский и др.[49]

Объектом частного предпринимательства в 1820-1830-е гг. XIX в. стали гужевые перевозки, доставка почт. С этого времени начали формироваться капиталы Шешуковых, Пушниковых, Кухтериных, Ботошковых и других доставщиков [50].

Можно с уверенностью сказать, что с 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определяющим в процессе индустриального освоения Сибири. Капиталистическое предпринимательство господствовало в речном транспорте, золотопромышленности, рыболовстве. Феодальное - в горнозаводском деле, солеварении, винокурении, сукноделии вплоть до реформы 1861 г. В других отраслях промышленности капиталистическая мануфактура конкурировала не с феодальноорганизованной промышленностью, а с мелкими товаропроизводителями. При слабой насыщенности рынка, его постоянном расширении за счет переселений , в Сибири эта конкуренция была слабой, все формы товарного производства сохраняли перспективы для роста.

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд на предприятиях Кабинета, на посессионных и помещичьих фабриках, казенных заведениях. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорилось. Положение Сибири как аграрной колонизуемой окраины России определило особенности процесса индустриализации края - его отставание от такового в центре страны и крайнюю неравномерность протекания по географическим районам и отраслям экономики.

Темпы и масштабы капиталистических преобразований в Сибири все более зависели от прочности связи ее с промышленными центрами страны, то есть от состояния транспорта. Последний играл в экономическом освоении Сибири, вследствии ее громадных расстояний исключительно важную роль. От скорости доставки и пропускной способности транспорта зависели темпы аграрной и промышленной колонизации, технического перевооружения промышленности, поскольку машины и оборудование поставлялось из Европейской России и зарубежных государств, скорость и формы товарообмена, условия и объем вложения капиталов.

До начала строительства железных дорог в Сибири основным транспортом был гужевой. Города Сибири связывали 37 трактов. По Московскому тракту через крупнейшие города : Тюмень - Омск - Томск - Красноярск - Иркутск - Читу зимой и летом по прежнему тянулись тысячи возов. При этом грузопоток нарастал. Если в 40 г. Томская таможня зарегистрировала около 21 тыс. возов в 16,7 тыс.т, то в 1866 г. - 35,6 тыс. возов в 28,5 тыс. т, а в конце 80-х гг. - 70 тыс. возов

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

в 56 тыс.т [51]. Привоз кладей в крупные города достигал сотен тысяч возов. Например, в 1888 г. в Иркутск пришло 179 тыс. возов [52]. Основные перевозки были организованы капиталистически, их захватили транспортные фирмы Хаминова, Каменских, Кочешевых в 60-е гг., а позднее - Кухтериных, Королевых, Корнилова, Пушникова, Малых. Извоз привлекал до 100 тыс. человек в год. Крестьяне притрактовых сел говорили, что "кормятся бичиком" [53].

Гужевой транспорт не мог удовлетворить нужды экономики региона, особенно в оптовых и транзитных перевозках. Их механизация в Сибири началась с водного транспорта, который летом даже при мускульном труде сотен бурлаков значительно удешевлял доставку товаров по сравнению с колесными дорогами. В 1844 г. совершил первый рейс между Тюменью и Томском пароход "Основа", появился первый пароход на озере Байкал [54]. В 1860 г. по рекам Западной Сибири плавали 10 пароходов, в 1880 г. - 37, в 1894 г. - 105 пароходов и 200 барж [55]. В 1856 г. появился пароход на Лене, в 1863 г. - на Селенге и Енисее. В 1896 г. на реках Сибири насчитывалось 172 парохода мощностью в 10575 л.с. и 827 грузовых судов общей грузоподъемности в 50 тыс.т. Объем перевозок возрос с 16 тыс.т в 60-е гг. до 40 тыс.т в 70-е гг. и до 320 тыс.т в 1892 г. только в Западной Сибири [56]. Водный транспорт Сибири стал первой отраслью экономики края, где произошел технический переворот [57]. Таким образом, если в классическом английском варианте промышленный переворот последовательно охватывал отрасли легкой промышленности, затем - тяжелой индустрии, транспорта, связи, сельского хозяйства, то на окраинах Российской империи он начинался с транспорта, а в сибирском варианте - с пароходства, которое вместе с железными дорогами создавало условия для промышленной революции в других отраслях.

В промышленности Сибири в 60-90-е гг.XIX в. технический переворот только начинался. В 1865 г. из 1547 предприятий с 49,6 тыс. рабочих, учтенных в Сибири официальной статистикой, лишь 8 или 0,5 % были фабричными и занимали 0,8 тыс. рабочих или 1,6 % от их общего числа. В 1895 г. из 12071 предприятия с 65,6 тыс. рабочих фабричными были 99 или 0,8 % с 9,5 тыс. рабочих или 14,4 % общего числа [58]. Если в промышленности и транспорте России технический переворот совершился к концу XIX в., то в Сибири фабричные предприятия давали основную продукцию лишь в винокурении, мукомольной отрасли, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях, особенно - в Тюмени и Томске. В горнодобывающих отраслях заметным явлением внедрение машин стало с 80-х гг., когда появились первые гидромониторы, золотоизвлекательные фабрики на паровой тяге, широкое применение нашли паровые машины на вспомогательных опера-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

циях и взрывчатые вещества. Однако энерговооруженность сибирской промышленности оставалась исключительно низкой. В 1895 г. в горной промышленности края насчитывалось 154 механических двигателя с 2579 л.с., из которых только 75 в 1,6 тыс. л.с. были паровыми и турбинными. В обрабатывающих отраслях на всех предприятиях насчитывалось 97 паровых машин [59].

Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26 % всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2 % общего числа), а в 1895 г. - 800 мануфактур (6,7 % предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих (56,7 %). Однако по числу в Сибири преобладали мелкие заведения домануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1140 (73,7 % общего числа). И они занимали 6,6 тыс. (11,2 %) рабочих, а в 1895 г. - 11,2 тыс. заведений (92,5 %) занимали 18,9 тыс. (28,8 %) рабочих [60]. Кроме того, в начале 90-х гг. в Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников [61]. Если же учесть, что официальная статистика не регистрировала полностью мелкие заведения ремесленников, крестьян занятых домашней промышленностью, то станет ясно, что крупные предприятия были в Сибири островками в море мелких и мельчайших ремесленных заведений.

Отраслевая структура сибирской промышленности была характерной для отсталых в экономическом отношении областей. Обрабатывающие отрасли уступали добывающим по объему производства, числу занятых рабочих до начала XX в. Преобладали заведения по обработке продукции сельского хозяйства - салотопенные, винокуренные, мыловаренные заводы, мукомольные мельницы, кожевни. Сложные производства - спичечные, стекольные, ткацкие, фарфоро-фаянсовые, бумажные фабрики, металлообрабатывающие предприятия насчитывались единицами из-за недостатка оборудования, сырья, квалифицированных кадров. Неустойчивые вследствие узости рынка и постоянного дефицита оборотных средств предприятия строились комплексными для более рациональной обработки сырья и маневрирования капитала.

Из добывающих отраслей по прежнему наибольшее значение имела добыча и выплавка цветных металлов, прежде всего золота и серебра, имевшая общегосударственное значение. Сибирь давала почти все серебро и больше половины золота страны.

Золотопромышленность развивалась хотя и неравномерно, но в целом поступательно. В 1861 г. добыча золота составила 18,7 т, то в 1870 г. - 25,9 т, в 1880 г. - 27,0 т, в 1890 г. - 21,9 т [62]. Падение кабинетской золотопромышленности компенсировалось частнокапиталистическим предпринимательством, открытием новых месторождений золота. Вместе с выработкой наиболее богатых месторождений основной район золотодобычи продолжал смещение на восток как и в первой половине

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

века. В первое пореформенное десятилетие он находился в Енисейской губернии, с семидесятых годов – в Якутской области, куда до 1898 г. входили Ленские прииски. Золотопромышленность, сохранившая к концу XIX в. спору на мускульный труд, сезонность, техническую отсталость, пришла к серьезному кризису.

Основа дореформенной промышленности Сибири – цветная металлургия с отменой обязательного труда в кабинетских округах оказалась неспособной перестроиться на капиталистические рельсы и находилась во второй половине XIX в. в состоянии глубокого кризиса. С 1861 г. по 1895 г. производство серебра сократилось с 15,5 до 6,4 т, свинца – с 0,8 тыс. т до 0,2 тыс. т, меди – с 0,48 тыс.т до 0,2 тыс.т [63]. Царский Кабинет – владелец основных разведанных полиметаллических месторождений в Сибири предпочитал не вкладывать средства в разработку рудников, а получать феодальную ренту со своих земель. В конце 80-х – начале 90-х гг. закрылись многие рудники на Алтае и в Забайкалье, почти все заводы. Технически отсталое производство серебра на этих заводах стало убыточным в связи с понижением цен на мировом рынке .

В черной металлургии Сибири также шел процесс укрепления частного предпринимательства. Кабинетские заводы – Гурьевский на Алтае и Петровский в Забайкалье сокращали производство, в то время как частные – Николаевский и Абаканский наращивали его. В целом выплавка чугуна увеличилась с 2,8 тыс. т в 1861 г. до 9,4 тыс. т в 1895 г.[64]

Из других отраслей горного дела в Сибири серьезное значение имела соледобыча, увеличившая производство в 60-90-е гг. почти в 3 раза, добыча строительных материалов и графита.

Новый этап в индустриализации Сибири начался с сооружения в 80-90-е гг. XIX в. железных дорог. На средства казны в 1883-1885 гг. была построена Екатеринбург-Тюменская железная дорога, которая соединила Обь-Иртышский и Волжско-Камский водные бассейны, что сразу сказалось на перевооружении промышленности в городах Западной Сибири, на увеличении объема перевозок через Урал [65].

Строительство Транссибирской магистрали стало крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в процессе индустриализации мировой экономики. Можно согласиться с пафосом авторов "Истории Сибири", которые писали: "Сибирская железная дорога – монументальное техническое и инженерное сооружение конца XIX- начала XX в. В ней воедино слились и воплотились передовая русская техническая мысль и труд десятков тысяч рабочих и крестьян России". За 14 лет (1891 – 1904 гг.) было построено 8180 верст основного пути [66].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Железная дорога являлась промышленно-транспортным гигантом. Только на участке Челябинск - Иннокентьевская действовало 16 мастерских, 26 депо, 400 станций и разъездов, т.е. 444 предприятия. Подвижной состав включал 1200 паровозов и 26 тыс. вагонов [67]. В 1904 г. Сибирская и Забайкальская железные дороги нанимали постоянно и временно 88450 чел. [68]

Транссибирская магистраль, связав основные центры Сибири с европейским и мировым рынком, стала той нитью, ухватившись за которую, сибирская окраина стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню. Сравнительно дешевая и надежная доставка оборудования сделала возможным быстрое вооружение промышленности паровыми и электрическими двигателями, новейшими механизмами. Показательно, что внедрение электротехнических новинок опережало морально устаревшую паровую технику. Крупные предприятия строились уже как фабричные, старые мануфактуры переоборудовались в механические заведения. Современники отмечали :"Промышленная жизнь развивается и перескакивает от домашнего производства к высшим (технически) формам капиталистического, рабочий контингент растет..." [69]

К 1908 г. фабрики преобладали в капиталистическом, т.е. фабрично-заводском производстве: 252 фабрики дали 57,7 млн.руб. или 90 % продукции и занимали 14376 рабочих или 78,2 % их общего числа [70]. Фабричное производство сократило не только мануфактурную промышленность, но и потеснило примитивные формы промышленности - ремесло и домашнюю выделку изделий. Есть основания полагать, что фабричное производство к этому времени давало большую часть продукции всех предприятий обрабатывающей промышленности, которых в Сибири насчитывалось более 20 тыс., поскольку губернская статистика оценила на 1907 г. объем производства обрабатывающих отраслей края в 50 млн. руб., то есть в сумму меньшую, чем производительность одних фабрик [71].

Противоречивым было влияние железной дороги на горнозаводское производство. Металлургические заводы, выполняя заказы Комитета Сибирской железной дороги, сначала увеличили выплавку металла до максимальной в своей истории, но затем стали чахнуть, не имея шансов в конкурентной борьбе с более дешевым уральским металлом. Лучший из сибирских металлургических заводов - Николаевский, оборудованный всеми техническими новинками, оказался жертвой краха промышленной империи Мамонтова, в состав которой был включен в 90-е гг. [72]

Горнодобывающая промышленность продолжала сокращать производство: добыча золота снизилась с 21,9 т в 1895 г. до 18,3 т в 1900 г. и до 14.9 т в 1905 г. Точно также падала выплавка серебра, свинца, меди. Кабинет продолжал курс на свертывание своего горного дела, сдавая угодья и месторождения в аренду. Лишь каменноугольная промышленность Сибири росла стремительно на заказах железной дороги.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Если основной причиной краха цветной металлургии Сибири на рубеже XIX-XX вв. явилось полное банкротство феодального предпринимательства, то главной бедой золотого промысла стала запоздалая перестройка после выработки наиболее богатых россыпей. На разработку глубоколежащих пластов, золотоносных рудных жил, механизацию добычи золота из бедных россыпей, разведку месторождений на северо-востоке края требовались миллионные капиталовложения. Большинство золотопромышленников их не имело и вынуждено было закрывать дела, либо сдавать прииски в аренду.

Механизированная добыча россыпного и рудного золота стала основной в Томской и Енисейской губерниях. К 1905 г. здесь действовали 19 драг[73]. В Восточной Сибири подъем золотодобычи был связан с вложением крупных средств в разработку глубоколежащих россыпей Витимского горного округа шахтным способом. Кредит от Государственного банка помог в период кризиса выжить будущему промышленному гиганту-Ленскому золотопромышленному товариществу . Особенность ленской золотопромышленности заключалась в том, что при интенсивном внедрении механизмов в часть основных операций - откачку воды, вентиляцию, транспортировку, обогащение песков, ключевая операция - отбойка песков продолжала оставаться ручной , а это тормозило рост производительности труда [74].

Районами преобладания золотничных работ стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, амурские и приморские горные округа. Этому способствовало наличие здесь сравнительно богатых и доступных россыпей, а также наличие неиссякаемого источника дешевой рабочей силы в лице китайских и корейских сезонников, наем которых обходился дешевле внедрения механизмов.

Механизация горной промышленности Сибири завершилась только в 1930-е гг., а в начале века она находилась в переходном полумеханизированном состоянии. Предприятиями с частичной механизацией были каменноугольные копи, золотые и серебросвинцовоцинковые рудники, шахтные прииски Витимского округа. Именно такие предприятия давали основную часть продукции горного промысла края.

Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие в промышленности, постепенно стали уступать ведущую позицию обрабатывающей промышленности, развивающейся более динамично. В 1900 г. горные отрасли дали еще 65 % суммы производства цензовой промышленности Сибири и Дальнего Востока, но в Западной Сибири уже преобладало обрабатывающее производство. В 1915 г. из 161 млн. руб. суммы производства цензовой промышленности Сибири и Дальнего Востока 103.6 млн.руб. или 65 % дали обрабатывающие отрасли [75]. Но и при этом доля обрабатывающей промышленности края в производстве страны составила 1,4 %,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

а доля Сибири в горном производстве равнялась 13%[76].

Начало XX в. в Сибири характеризовалось быстрым ростом транспортной сети. Интенсивное железнодорожное строительство продолжалось вплоть до 1917 г., его не остановили даже революционные потрясения. Железные дороги строились и в период гражданской войны, такова была их жизненная необходимость. Великая магистраль дополнилась Тюмень-Омской дорогой, второй колеей, Амурской дорогой, Алтайской, Ачинско-Минусинской, Кулундинской, Кольчугинской . Готовились проекты, проводились изыскания десятков новых путей. Многое из задуманного в те годы не выполнено до сих пор.

Железная дорога способствовала росту речного транспорта. Количество пароходов выросло к 1914 г. до 316, кроме того речной флот края имел 96 моторных судов , 771 буксируемое и около 1000 сплавных. Грузооборот достиг почти миллиона тонн[77]. Грузооборот Сибирской железной дороги в это время равнялся 3,6 млн.т , а в 1916 г. - около 7,7 млн.т[78].

Развитие транспорта создало благоприятные условия для роста товарного рыболовства в низовьях рек - Оби, Енисея, Лены, на Байкале. Крупнейшим в Сибири центром товарной рыбопромышленности стал , благодаря близости железной дороги, Барабинский озерный район. Добыча рыбы на капиталистически организованных промыслах в начале XX в. составила около 2 млн. пуд. при 10,4 тыс. рабочих по сравнению с 0,6 млн.пуд. при 3 тыс. рабочих в первой половине XIX в.[79]

Возросшая потребность в строительных материалах и топливе вызвала усиленные лесозаготовки в районе железных дорог, городов, горнодобывающих предприятий, пароходных пристаней. Они велись казной, Кабинетом, частными подрядчиками, крестьянами. Туринский, Тарский округа Тобольской губернии, Каинский, Томский, Мариинский округа Томской, Красноярский, Ачинский округа Енисейской, Нижнеудинский округ Иркутской губернии стали основными районами лесозаготовок.

С проведением железных дорог, ростом переселений, промышленной колонизации в Сибири начался строительный бум. Строительство велось в основном наемными артелями подрядным способом. Появились и постоянные строительные фирмы .

С конца XIX в. в Сибири все больше стала проявляться характерная для промышленной революции тенденция к концентрации экономической активности, населения в городах. Крупными для своего времени промышленными и транспортными центрами стали Тюмень, Омск, Красноярск, Томск, Новониколаевск, Иркутск, Чита. Городское население Сибири с 1897 г. по 1914 г. выросло в 3,1 раза, а сельское - в 1,7 раза, при мощной, преимущественно аграрной, колонизации края[80].

Таким образом в Сибири на рубеже XIX-XX вв. обнаруживаются все

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

признаки промышленной революции, которая в основном завершилась в 30-е гг. XX в. после механизации горнодобывающей и сельскохозяйственных отраслей экономики. Какими методами она завершалась и какими затратами природных и людских ресурсов она сопровождалась, историки сейчас получили возможность выяснить точнее, но это уже другой вопрос.

В целом в истории индустриализации Сибири можно, на основе рассмотренного материала, выделить следующие этапы : 1) ХУП в. - первая четверть ХУШ в. - начало частного раннекапиталистического предпринимательства ; 2) вторая четверть ХУШ в. - первая четверть Х1Х в. - рост, а затем и господство феодального предпринимательства казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности ; 3) вторая четверть Х1Х в. - 1861 г. - кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, обрабатывающей промышленности, золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. - первая половина 90-х гг. Х1Х в. - крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры, начало промышленного переворота в горной и обрабатывающей отраслях производства, железнодорожном сообщении, утверждение пароходства; 5) вторая половина 90-х гг. Х1Х в. —1930-е гг. промышленный переворот в транспорте, обрабатывающей промышленности, концентрация ее в городах, углубление технического переворота в горнодобывающих отраслях. В 1917 - 1919 гг. капиталистическая индустриализация была прервана, чтобы продолжиться затем в государственно регулируемой форме.

Примечания:

1. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.- М., 1989. С.101.

2. Родин Ф.Н. Бурлачество в России.- М., 1975. С.80.

3. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.- Новосибирск, 1982. С.28-32; Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца ХУ1 - начала ХУШ в.Новосибирск, 1990. С.294-315.

4. История Сибири с древнейших времен до наших дней.- Л.,1968. Т.2. С.230-232.

5. ЦГИА.-Ф.37.- Оп.13.- Д.52.- Л.9.

6. Там же. Л.2-15.

7. Озерский А. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья.- СПб., 1867. С.41-46.

8. Сибирская советская энциклопедия.- Б.м.,б.г.Т.4. С.950; Краткое начертание о солях в России находящихся//Санкт-Петербургский журнал, 1807. № 6. С.96.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

9. Рабочий класс Сибири...- С.40.

10. В подсчет вошли 5 указных мануфактур по данным на 1775 г. - Тельминская суконная фабрика А.и М. Сибиряковых, стекольная фабрика И.Г Савельева в Иркутске, бумажная фабрика И.В. Медведева и стекольний завод А.Корнильева в Тобольском уезде, бумажная фабрика Коновалова в Туринском уезде с общим числом рабочих в 207 чел.(Индова Е.Н. О российских мануфактурах второй половины ХУШ в.//Историческая география России.ХУП - начало ХХ в.- М.,1975. С.319,323); 4 металлургических завода : Ирбинский И.Г.Савельева - 300 рекрут из ссыльных, Ключевоскресенский И.Г.Савельева на Лене - 40 ссыльных, Езагашский А.В.Власьевского в Енисейском уезде - 23 рабочих в 1774 г.(ЦГАДА.- Ф.271.- Оп.1.- Кн.53.- Д.50.- Л.259-260; Кн.1371.-Д.47.- Л.406; Кн.2122.-Д.32.- Л.851; Кн.2143.- Д.2.-Л.12); Воздвиженский завод М.А.Сибирякова с Михайловским и Килгинским рудниками - 350 работников; 5 нерчинских заводов с рудниками по ведомости 1772 г.- 969 чел.(История рабочего класса Восточного Забайкалья.- Иркутск, 1981. С.39-41); 5 алтайских заводов с рудниками по данным на 1778 г. - 3744 чел.(Рабочий класс Сибири...- С.46); Екатерининский, Петровский, Уковский, Успенский, Каменский, Краснореченский, Илгинский, Александровский винокуренные заводы с 1000-1200 работников из крепостных, ссыльных и наемных(Рабочий класс Сибири...- С.40; Варнаков Г. О постройке Успенского винокуренного завода и в нем церкви// Тобольские губернские ведомости, 1859. № 50. Отдел 2. С.374); 4 солеваренных завода - Троицкий, Иркутский, Усть-Кутский, Селенгинский - около 400 работников и Борзинское озеро - не менее 20 работников из приписных крестьян и ссыльных(Краткое начертание о солях ...- № 3. С.134; ЦГИА.- Ф.1264.- Оп.1.- Д.2.- Л.354-359).

11. ГАТО.- Ф.50.- Оп.1.- Д.364.-Л.1.

12. Там же.- Д.2766.- Л.1,11.

13. Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40-70-х гг. ХУШ вв.//Бахрушинские чтения 1966 года. Сибирь период феодализма и капитализма.- Новосибирск,1968. Вып.2. С.42-43.

14. Копылов Д.И.Судостроение Западной Сибири в ХУШ - первой половине Х1Х вв.// Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. - Новосибирск, 1978. С.78.

15. Там же . С.71,79.

16. Большаков В.Н.О судоходстве Восточной Сибири в конце ХУШ - начале Х1Х вв.//Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири.- Барнаул, 1990. С.5-14.

17. ГАТО.- Ф.50.- Оп.1.- Д.1462.- Л.35 - 37.

18. При сплаве на одно судно ставилось 18-25 работников(ГАТюМО.- Ф.10.- Оп.1.-Д.370.- Л.1,10;ГАТО ТФ.- Ф.329.- Оп.541.-Д.51.-Л.18)

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

и при взводе - 50-70 чел.(ГАТО ТФ.- Ф.1.- Оп.2.- Д.16.- Л.1-43; ЦГИА - Ф.1376.-Оп.1.- Д.6.-Л.1-2).

19. Копылов Д.И. Судостроение...С.80-81.

20. Среднее число работников на одном судне по ведомостям о судоходстве первой половины XIX в.

21. ГАТО.- Ф.144.- Оп.1.- Д.608.- Л.23.

22. ГАТО.- Ф.50.- Оп.1.- Д.1433.- Л.1-6.

23. Егоров А.С., Клименченко М.Д. Очерк истории рыболовства на Байкале и прилежащих водоемах// Известия/ Биолого-географический НИИ 1931. Т.24. С.199-200.

24. Мартос А. Письма о Восточной Сибири.- М.,1827. С.219-264; Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири.- СПб.,1854.Ч.2.С. 498-499; Любомиров Н. Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики // Труд в России.- Л.,1925. Кн.1. С.55-70.

25. Труд ссыльных в Сибири // Архив истории труда в России.- Пг. 1921. Кн. 5. С.32.

26. Копылов Д.И. Судостроение...С.82.

27. Там же. С.82-83.

28. ЦГИА.- Ф.1264.- Оп.1.- Д.2.- Л.188-189; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год.- СПб.,1863. С. 30-34.

29. ЦГИА.- Ф. 1264.- Оп.1.- Д.2.- Л.175.

30. Там же.Л.175-209.

31. Боголюбский И. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации.- СПб.,1877. С.81,XIII-XIV.

32. ГАИО.- Ф.25.-Оп.9.- Д.2.- Л.46-49.

33. ГАТО ТФ.- Ф.329.- Оп.545.- Д.88.- Л.27-30,33-34,147-148.

34. См: табл. 1,2.

35. Рабочий класс Сибири ...С.41.

36. Там же . С.42-43.

37. Там же . С.43,51.

38. Гагемейстер Ю. Указ. соч. Т.2. С.472,475, 498-499; ЦГИА.-Ф. 1281.-Оп.5.- Д.130.-Л.47,120-126.

39. Рутц М.Г. Промышленность городов Западной Сибири в первой половине XIX в.// Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири.- Барнаул, 1990. С.71,77; Гагемейстер Ю.Указ.соч. Т.2. С.468,488; Ильин В.Краткое статистическое описание окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год.- Тобольск, 1864. С.82.

40. Гагемейстер Ю. Указ.соч. Т.2. С.121.

41. ГАОО.-Ф.3.-Оп.12.-Д.17609.-Л.5-111; Открытие золотых приисков в Томской губернии//Томские губернские ведомости, 1858. 14 февр

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

42. Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX - начале XX вв.// Очерки истории Сибири.- Иркутск, 1970. Т.1. С.28-35.

43. Рассели Ф. Доклад о государственном доходе с золотых промыслов.- СПб., 1863. С.13-35. Оценка добытого золота произведена по средней стоимости одного пуда золота полученного с промыслов Кабинета в 1831-1860 гг.: 27048048 руб. : 2044 пуд. - 13231 руб. за пуд.

44. Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М.,1937. С.66; Зиновьев В.П. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России., Томск, 1982. С.72-73.

Исследователи по разному оценивают роль золотопромывальных машин в техническом перевооружении отрасли. В.И.Данилевский считает их признаком победы фабричного производства(Данилевский В.И. Русское золото. - М., 1959. С.254). С.Ф.Хроленок называет внедрение промывальных машин первым этапом промышленного переворота в золотодобыче, вторым - внедрение паровых машин. Большинство исследователей - Ф.И.Михалевский, А.С.Нагаев, З.Г.Карпенко, А.А.Мухин, Н.Д.Овсянникова, Г.Х.Рабинович, А.Г.Патронова и др. считают, что промывальные машины не изменили мануфактурного строя сибирской золотопромышленности и относят начало перехода к фабричной стадии в отрасли к 80-90-м гг. XIX в., связывая его с применением паровой техники, драг, гидравлики, силы взрывов (Рабочий класс Сибири...С.93-95; Мухин А.А. Начало перехода от мануфактуры к фабрике в промышленности Сибири пореформенного периода(1861-1895 гг.) // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири.- Новосибирск, 1978. С.89-102; Орлов М.Н., Хроленок С.Ф. Советская историография промышленного переворота в горной промышленности Сибири // Исторический опыт освоения Сибири.- Новосибирск, 1986. Вып.1. С.108-110; Скубневский В.А. Промышленный переворот в Сибири: некоторые итоги и задачи изучения // История и общество в панораме веков. - Иркутск, 1990. - Ч.1. С.82-85). Конечно, в науке истина не утверждается большинством голосов, однако элементарный здравый смысл подсказывает, что не может идти речи о перевороте в промышленности, если не растет производительность труда, а она на приисках с ручной отбойкой песков осталась равной 15 тыс. пуд. породы на годового работника как в 1850 г., так и в 1905 г.,в то время как на драгах она равнялась почти 400 тыс. пуд. песка.(Зиновьев В.П. Методы капиталистической эксплуатации... С.70,73).

45. Рабочий класс Сибири... С. 50.

46. См.: табл. 1,2. а также : ЦГИА .-Ф.1281.-Оп.6.- Д.81.- Л.58; Д.107.- Л.57; Д.83.- Л.158; Д.105.- Л.58; Д.97.- Л.181-182.

47. Разгон В.Н. Купечество и кабинетское хозяйство на Алтае во

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

второй половине ХУШ - первой половине Х1Х вв.// Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири.- Барнаул,1990. С. 32-49.

48. ГАТО.-Ф.127.-Оп.1.-Д.136.- Л.1-6.

49. См.: Контракты о перевозке грузов и найме работников на суда в маклерских книгах(ГАТО.- Ф.50.-Оп.3.-Д.5158.-Л.2,16-96;Д.5209.- Л.10-11,19-20;Ф.220.-Оп.1.-Д.10.-Л.25,86-87 и др.).

50. Катионов О.Н. Некоторые итоги изучения роли извозного промысла в капиталистическом развитии Сибири // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Историография проблемы.- Новосибирск, 1988.- С.112-119.

51. ГАТО.- Ф.127.- Оп.2.- Д.421.- Л.11; Д.606.- Л.18-60; Рабочий класс Сибири...С.96.

52. Восточное обозрение. 1888. 28 авг.

53. Истории Сибири ... Т.3. С.63.

54. ГАТО.- Ф.3.- Оп.2.- Д.727.- Л.10; Рабочий класс Сибири...С. 98.

55. Сибирский вестник. 1894. 19 авг.

56. Рабочий класс Сибири ...С.97-98.

57. Большаков В.Н. Техническое перевооружение на речном транспорте Сибири в Х1Х в. // Проблемы истории дореволюционной Сибири.- Томск, 1989.- С.70-82.

58. История Сибири: Учебное пособие.-Томск,1987. С.296,297.

59. Там же. С.296.

60. Там же. С.297.

61. История Сибири...Т.3. С.50.

62. Рабочий класс Сибири...С.86.

63. Там же.

64. Там же.

65. Об устройстве Екатеринбург-Тюменской железной дороги // ГАТО ТФ.- Ф.152.-Оп.42.-Д.712.Л.83,146-151.

66. История Сибири...Т.3. С.179.

67. Рабочий класс Сибири...С.174.

68. Земоров Б.И. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма.- Томск, 1974. С.37.

69. Сибирские очерки // Восточное обозрение, 1899. 2 мая.

70. Скубневский В.А. Обрабатывающая промышленность и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. // Из истории Сибири.- Томск, 1973. Вып.8. С.46.

71. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год.СПб., 1910. С.31,32, 66, 78, 98,153.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

72. Мухин А.А. Влияние Сибирской железной дороги на социально-экономическое развитие Восточной Сибири(1897 - 1917 гг.)// Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока.- Новосибирск, 1961.- С.114.

73 Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 заводском году.- СПб., 1908. С.101, 138-151.

74. Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей ...С.89-90.

75. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет(1887-1926)- М.-Л.,1929.Т. 1. Ч.1. С.98,99; 1930. Ч.3. С.182.

76. Рабочий класс Сибири...С.176-177.

77. Большаков В.Н. К вопросу о формировании и численности речников в Сибири (1895-1917 гг.)// Рабочие Сибири в период империализма.- Томск, 1976. С.126-128.

78. Коновалов П.С. Грузооборот Сибирской железной дороги в 1895-1913 гг.// Хозяйственное освоение Сибири:история, историография, источники.- Томск, 1991. С.159; Свеников Н.А. Экономика Сибири в период империализма.- М., 1975. С.210.

79. Галажинский Э.В.,Зиновьев В.П. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX— начала XX вв.//Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С.127.

80. Горишкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма(1900-1917).- Новосибирск, 1976. С.135.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Таблица 1

Структура занятости в промышленности и транспорте Сибири в 1820-е г

Отрасли и горные округа	Число предприятий, судов	Количество работников	
		Невольных	Наемных
Алтайский горн. окр.	60	16540	-
Нерчинский горн. окр.	24	5291	-
Солеварение	7	761	-
Ирбинский жел-й завод	-		240
Казенные вин-е заводы	13	3600	-
Суконные фабрики казны и работные дома	7(5)	1356	-
Военно-строительная рабочая команда	-	1150	-
Частная обрабатывающая	271	755	1400
в т.ч. мануфактуры	30	755	566
Рыбопромышленность	-	-	3500
Судостроение	-	-	2000
Водный транспорт	428	-	10000-11000
Итого:	830	28788	17140-18140

Источники подсчета: По Алтайскому, Нерчинскому горн. окр., солеваренным заводам сведения на 1819,1820 гг. по отчету М.М.Сперанского (ЦГИА.-Ф.1264.-Оп.1.- Д.2.- Л.188,197,482,483;Д.3.-Л.315,317,354, 358). По Ирбинскому заводу - на 1824 г.(Рабочее движение в Сибири.- Томск, 1988. Т.1. С.129). По винокуренным заводам - Богословский, Краснореченский, Каменский,на 1820 г.(ГАТО.-Ф.1.-Оп.1.- Д.1131.- Л.2-4); Успенский, на 1823 г.(ГАОО.-Ф.3.- Оп.1.-Д.100.-Л.6); Екатерининский и Илгинский, на 1840 г.(ГАОО.-Ф.367.- Оп.1.-Д.766.-Л.19, 60); Александровский, на 1833 г.(Максимов С.В. Сибирь и Каторга.- СПб.,1871.Ч.1. С.183); по остальным 11 заводам количество работников вычислено из расчета: 11 рабочих на 10 тыс. ведер выкуренного вина (Потехин Л., Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля.-СПб.,1862. Т. У1. № 10. С. 484-485; Карцов В.Г. Декабрист Г.С.Батеньков.- Новосибирск, 1965. С.214). По Тельминской и Иркутской суконным фабрикам, на 1822 г.(Мартос А. Письма о Восточной Сибири.- М.,1827. С.185,244,263-264). По Омской суконной фабрике, 1826 г.(ЦГИА.-Ф.1376.-Оп.1.-Д.54.-Л.12). По Верхнеудинскому ремесленному дому, на 1831 г.(ЦГА БАССР.-Ф.11.-Оп.3.-Д.557.-Л.1-2.) Нет сведений по Томскому ремесленному дому и Тобольской суконной

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тюремной фабрике. По военнорабочей команде Х-го округа путей сообщения, на 1825 г.(ГАОО.-Ф.4.- Оп.1.- Д.320.- Л.43). По частной обрабатывающей промышленности Тобольской губернии, на 1824/26 гг.(ГАТО ТФ.- Ф.329.-Оп.545.- Д.31.- Л.107-231;Д.45.- Л.13-244); Забайкальской области, на 1826 г.(ЦГА БАССР.-Ф.108.- Оп.1.- Д.18.- Л.5-25); Томской и Иркутской губерний, на 1820 г.,учтено 195 предприятий по 4 рабочих в среднем(Карцов Р Г. Указ. соч.С.70-71). По рыбным промыслам низовьев Оби - 1100-1500 чел.(ЦГИА.- Ф.1281.-Оп.11.-Д.150.- Л.68; ГАТО.- Ф.1.- Оп.2.- Д.16.- Л.1-39); по Нарымским промыслам, 1834 г.- 18 песков по 20 рабочих в среднем или 360 чел.(ЦГИА.- Ф. 383.- Оп.30.- Д.303.-Л.33-54); по Байкалу - 70 судов по 20 рыбаков или 1400 чел.(Пежемский П.Рыбная производительность озера Байкала// Вестник ИРГО.- СПб.,1853. Кн.8. С.13); по Селенге - 300 чел.(ЦГА БАССР.- Ф.20.- Оп.1.- Д.3788.- Л.13-14.Подсчет). По водному транспорту взяты данные о числе судов из ведомости о судохолстве из отчета М.М.Сперанского. Учтены суда по Иркутской, Томской, Енисейской, Тобольской, Подчувашской, Тюменской пристаням : 1046 плотов по 2,4 чел. на плот, 661 лодка по 2 чел.на лодку, 84 барки в Западной Сибири по 11 чел. на барку, 144 судна в Западной Сибири по 28 чел. на одно судно, 200 судов в Восточной Сибири по 5 чел. команды, 5 судов по 60 чел., 5 судов по 40 чел., 7 судов по 30 чел. команды возведенных по Енисею и Лене. Средние числа судорабочих на судах указаны в отчете или взяты из ведомости о судоходстве в Томской губернии за 1820 г.,где указано число работников на судах всех типов (ГАТО.- Ф.2.-Оп.2.- Д.14.-Л.7-150). В разделе судостроение учтены только строители 200 судов в Восточной Сибири - по 5 чел. на барку или паузок, а также строители 80 барок и дощаников в Западной Сибири по 10-15 чел. на судно (Копылов Д.И. Судостроение... С.81-86).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Таблица 2

Структура занятости в промышленности и транспорте Сибири в 1850 г.

Отрасли производства и горные округа	Число предприятий и судов	Количество работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горн. окр.	59	20510	-
Нерчинский горн. окр.	45	10331	-
Соляварение	4	1718	-
Казенное винокурение	6	3371	
Казенное суконделие	5	96	223
Частная обраб. пром-сть	255	100	1747
в т.ч. мануфактуры	32	100	771
Частная золотодобыча	226	-	27435
Рыбопромышленность	-		3000-3500
Судостроение		-	2000
Водный транспорт	1009	-	22500
Итого :	1609	36995	57405

Источники подсчета : по Алтайскому горному округу - отчет за 1851 г.(ЦГИА.-Ф.468.- Оп.19.-Д.383.- Л.8-20); по нерчинскому горному округу - отчет за 1851 г.(Там же.- Д.394.- Л.14-22); по солеваренным заводам - на 1853 г.(Гагемейстер Ю. Указ.соч.Т.2. С.465); по винокуренным заводам Екатерининскому, Успенскому, Кереевскому - на 1851 г., Александровскому, Илгинскому, Каменскому - на 1849 г. (Там же.С.474,488); по казенным суконным фабрикам - Тельминской, Омской, Иркутской, Иркутскому ремесленному дому(Гагемейстер Ю. Указ. соч.Т.2. С.178-179,498-499; Рутц М.Г. Указ. соч. С.73; ЦГИА.-Ф.44.-Оп.2.-Д.1247.-Л.52); по частной промышленности Сибири - ведомости о фабриках и заводах на 1850 г.(ЦГИА.-Ф.1265.- Оп.1.- Д. 211.- Л.2), с добавлением 3 частных винокуренных заводов и 3 мельниц в Алтайском горном округе, неучтенных в ведомостях(ГАТО.- Ф.3.- Оп.18.-Д.192.-Л.7-107); по золотодобыче - на 1850 г. ведомости приисков(Гагемейстер Ю.Указ.соч.Т.1.С.358); по рыбопромышленности и судостроению приведены данные 1820 г.; по речному транспорту учтены сведения Д.И.Копылова на 1850 г. - 495 дощаников и 3088 плотов по Западной Сибири и сведения отчета Иркутского генерал-губернатора за 1851 г.(Копылов Д.И. Судостроение... С.88; ЦГИА.- Ф.1281.- Оп. 5.- Д.130.- Л.170-171). Средним числом работников на одном судне принято 25, на одном плоту - 2.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Андрющенко Б.К.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКИХ РАБОЧИХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Развитие капиталистической промышленности во второй половине XIX века существенно меняло экономические условия жизни сибирского населения. В сферу промышленного труда втягивались представители различных сословий и социальных групп, возникла прослойка профессионально определившихся наемных рабочих. Закрепление в промышленности влекло за собой изменение социального статуса, что нашло свое выражение и в правовом положении рабочих.

Данная проблема, на наш взгляд, нуждается в более обстоятельном изучении, поскольку даже в обобщающем исследовании о сибирских рабочих[1] не получили полного освещения вопросы применения российского законодательства о найме, регулирования отношений предпринимателей и наемных работников в ряде отраслей сибирского производства, в том числе обрабатывающей промышленности, степени социальной защищенности последних.

Следует отметить, что архивные документы, периодика и другие источники не дают достаточной информации по рассматриваемым вопросам. Вместе с тем, при всей фрагментарности, имеющиеся материалы дополняют представление о социально-экономических процессах в дореволюционной Сибири в условиях промышленного развития.

Правовое положение промышленных рабочих определялось в целом общим уровнем социально-экономического развития общества, закрепленным в юридических нормах российского законодательства, постановлениях местных органов власти, исторически сложившихся обычаях найма и расчета. После отмены крепостного права юридический аспект перехода к новым производственным отношениям до начала 80-х гг. XIX в. не учитывался в законотворческой деятельности государства, хотя попытки разработки соответствующих проектов предпринимались[2]. В Сибири этот процесс затянулся на более длительный срок. Здесь в течение рассматриваемого периода, за редким исключением, действовали законы и нормы, отражавшие дореформенный правопорядок.

Одним из основных факторов данного правопорядка была паспортная система, характерная в своих главных чертах для всей страны. С точки зрения закона промышленные рабочие, даже во втором, третьем поколениях, относились к тем сословиям, выходцами из которых они были сами или их родители. Вследствие этого крестьяне, мещане, инородцы и др. были причислены к определенным местностям и были

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

должны платить налоги по своему ведомству. Отхожий промысел, постоянная работа вне пунктов приписки формально не меняли их социального статуса. Внесение положенных платежей, как и продление видов на жительство, которые выдавались местной администрацией, были обязательными. В противном случае должники могли быть возвращены без права возобновления документов, удостоверявших их личность.

Характер данных документов, их стоимость, порядок продления были существенным элементом российской паспортной системы. Согласно закона, бессрочные паспорта на свободное проживание (в смысле выбора места жительства) выдавались узкой категории лиц из числа высших сословий и государственных служащих. Для представителей "всех прочих сословий, куда-либо временно отлучающихся" были учреждены срочные паспорта[3]. Возобновление видов на жительство происходило в местах приписки их владельцев путем пересылки в адрес местных органов власти. Плата за паспорт разной срочности составляла на конец 60-х гг. XIX в. соответственно: на полгода - 85 коп. год - I руб. 40 коп., два года - 2 руб. 90 коп., три года - 4 руб. 35 коп.[4]

Разумеется, при небольших заработках значительная часть занимавшихся наемным трудом стремилась брать самые дешевые паспорта и краткосрочные (I-3 месяца) билеты. Это подтверждается архивными данными книг на запись выдававшихся документов и отчетов по мещанским управлениям. Так, в течение 1862 г. мещанам г.Кургана было выписано паспортов: сроком на три года - 3, 2 года - 2, на год - 74, на полгода - 7, билетов - 210[5]. Мещанам г.Тюмени, отправившимся на заработки в 1895 г., было выдано соответственно 20,14, 369, 294, 493 паспортов и краткосрочных билетов[6].

В 1870 г. процедура продления документов упростилась, увеличивался "срок выдачи паспортов, причем желающие получали право возобновить паспорта не в том месте, где они прописаны, а в местах жительства, если только они внесут в местное казначейство показанную в паспорте сумму следующих с них платежей...". Позднее вышло постановление московского генерал-губернатора, разрешавшее московским рабочим обменивать паспорта через владельца фабрики и местную полицию[7]. Однако в Сибири, судя по публикациям прессы, положение не изменилось. В одной из заметок, посвященной данному вопросу, безымянный автор писал, что "сделано кое-что в этом отношении введением срочных и бессрочных паспортных книжек, ежегодно

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

оплачиваемых гербовым сбором в местах нахождения собственника книжки. Но этот новый порядок практикуется только в некоторых местах России"[8].

В той же заметке отмечалось тяжелое, по сути бесправное положение рабочих, когда "посылка и выдача при укоренившейся всероссийской халатности"паспортов затягивалась иногда на целые годы, а рабочий был вынужден жить на положении бродяги. Зачастую подобной ситуацией пользовались работодатели, резко сбивая оплату за труд. Ссылка на запрет начальства принимать бродяг действовала безотказно. По сути дела устаревшая паспортная система существенно ограничивала свободу передвижения основных поставщиков рабочей силы на промышленные предприятия - крестьян и мещан - мешала развитию новых производственных отношений.

Основной комплекс правовых норм в положении рабочих составляли их взаимоотношения с предпринимателями. До начала 80-х гг. XIX в. в российском законодательстве не существовало на этот счет специальных постановлений в силу сначала объективных обстоятельств (отсутствия класса наемных рабочих), затем бюрократически-классового подхода к этой проблеме со стороны правительства. Взаимоотношения владельцев промышленных заведений с наемными работниками регламентировались гражданскими законами о найме. Эти юридические положения легли в основу высочайше утвержденного 24 мая 1835 года мнения Государственного Совета, вошедшего в устав о промышленности. Им предписывался наем на добровольных началах по договоренности сроком не более 5 лет, указывалась заработная плата. Было запрещено принимать работников без видов на жительство, несовершеннолетних, жен - без разрешения соответственно родителей (опекунов) и мужей[9].

Развитие рабочего движения, усилившиеся конфликты с предпринимателями подталкивали правительство к необходимости серьезных перемен в правовой политике по данному вопросу. Здесь, кстати, прослеживается прямая связь между ростом рабочего движения и изменениями фабрично-заводского законодательства.

В результате мощного подъема стачечной борьбы рабочих в 80-е гг., вершиной которой стала Морозовская стачка[10], были утверждены 3 июня 1886 г. новые "Правила о найме рабочих на фабрики, заводы, и мануфактуры" и "Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих"[11]. Данные правила вошли в новую редакцию Уста-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ва о промышленности. По этому поводу указывалось, что "постановления, касающиеся чисто договорных отношений между нанимателями и рабочими (ныне ст.86-106 Уст.промышл.), издать в виде общего закона для всей империи, постановив его взамен ст.50-60 действующего устава о промышленности фабричной и заводской изд.1879 г. Остальным постановлениям (ныне ст.48-60, 127-156 Уст.промышл.) придать значение особых дополнительных к общему закону правил, предназначенных для тех лишь местностей, где будет признано необходимым подчинить заведения фабричной промышленности специальному надзору"[12]. То есть, речь шла в первом случае об общих условиях найма для всех местностей России, во втором - о промышленно развитых районах европейской части страны, где был введен институт фабрично-заводских инспекторов.

Новые правила уточняли и дополняли права и обязанности сторон, вступавших в договорные начала, придавали им большую правовую основу. Ознакомление с содержанием статей 86-106 Устава о промышленности позволяет, на наш взгляд, говорить о достаточно поступательном движении с точки зрения юридического оформления утверждавшихся производственных отношений.

Отмеченные статьи можно условно объединить в три группы. В первую входили статьи об условиях найма (ст.86-94)[13]. При устройстве на работу было обязательным предъявление вида на жительство. Последний при вселении в фабричное жилье отдавался для хранения заведующему, который должен был вернуть его рабочему по прекращению договора. Замужним женщинам и несовершеннолетним, имевшим свои документы, уже не требовалось разрешения мужей и родителей (опекунов).

При оформлении договора могла быть (закон не обязывал) выдана расчетная книжка, в которой отмечались условия найма, произведенные с рабочими расчеты, денежные взыскания. Книжка хранилась у рабочего и предъявлялась в контору для необходимых записей. Найм производился на фиксированный и на неопределенный срок, а также на время выполнения какой-либо работы.

Вторая группа статей (ст.96,97,99-102) давала представление о порядке выполнения сторонами договорных обязательств. До окончания срочного договора или без предупреждения за две недели рабочих, нанятых на неопределенный срок, предпринимателю запрещалось понижать заработную плату. В свою очередь и рабочие были не вправе требовать изменения оговоренных условий. Заработная плата

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

должна была выдаваться не реже двух раз в месяц при найме на неопределенный срок и не реже одного раза при найме на срок более месяца.

Представителям фабричной и заводской администрации запрещалось взимание с рабочих процентов на выданные заимообразно деньги, платы за врачебную помощь, освещение мастерских, за пользование при работах на производстве хозяйскими орудиями труда. Владельцы предприятий не имели права расплачиваться с рабочими купонами, условными знаками, продовольственными и промышленными товарами. При выдаче заработной платы не разрешалось делать вычетов в счет долгов, за исключением выплат по исполнительному листу, за отпущенные под будущую работу деньги, продукты, товары, инструменты. В этом случае денежное удержание с каждой выплаты не должно было превышать у холостого рабочего одной трети, а у семейного - одной четверти причитавшейся суммы.

Третья группа статей промышленного устава касалась условий и порядка расторжения договора (ст.98.103-106) по объективным обстоятельствам и по инициативе сторон. По сравнению с уже рассмотренными статьями, в которых правовые нормы ставились в наиболее общем виде, статьи о расторжении контрактов давались в очень детальной форме. Поводом к увольнению могли служить какие-либо черты характера или привычки рабочего, безотносительно к его профессиональным качествам. Так, в примечании I к статье 105 указывалось, что под "дурным поведением" понимается и "неосторожное обращение с огнем, а равно курение табака и держание при себе спичек, трубок и папирос..." (14)

Введение новых правил о найме в повседневную практику, в том числе и в Сибири, было, безусловно, важным шагом в формировании рабочего законодательства. С другой стороны, в них проявились несовершенства правовых норм, их нечеткость, паллиативность. Наряду с юридически обоснованными положениями, ряд статей отличался мелочной регламентацией. Наиболее существенным недостатком было отсутствие механизма контроля за исполнением правил.

В реальной жизни многие правовые нормы не действовали. Владельцы предприятий стремились истолковать закон в свою пользу, внося в него на практике различные дополнения. Таким образом, рабочие в Сибири оказались менее защищенными в правовом отношении, чем в центральных, промышленно развитых районах страны. Более предметный анализ позволяет убедиться в этом.

Условия найма рабочих в сибирской промышленности также фикси-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ровались письменными договорами и контрактами. Сохранившиеся в небольшом числе договоры, расчетные книжки и листы, а также косвенные сведения о наличии таковых на отдельных производствах, позволяют считать, что на более-менее крупных предприятиях существовал порядок документального оформления условий труда, прав и обязанностей сторон, заключавших контракт.

С.П.Швецов, обследовавший положение рабочих на частных заводах Алтайского округа (90-е гг. XIX в.) отмечал наличие договоров или расчетных книжек на трех предприятиях. Договоры содержали следующ условия: срок найма (на всех заводах он практически не превышал го да), размер заработной платы и изложение обязанностей рабочих. Эти документы, скрепленные подписью владельца или управляющего заводом, выдавались рабочим на руки взамен паспорта. В одном из договоров указывалось, что рабочий в случае ухода должен предупреждать за два месяца о своем решении. При невыполнении этого условия он был обязан проработать еще один год. Обращают внимание два пункта в расчетных листах рабочих стекольного завода Платонова и К°. В одном из них устанавливался суточный срок для заявки в контору о неправильных записях в расчетных листах. Пропустивший срок терял право на исправление ошибки. Вторым пунктом назначался штраф "за ослушание". За прогульный день или смену штраф для мастера был 2 руб., для рабочего - 50 коп. и более[15].

Подробный перечень условий содержал типовой договор, принятый на Яковлевском винокуренном заводе Домбровского Иркутской губернии. Большинство рабочих, исключение составляли лишь квалифицированные, были обязаны выполнять все работы, которые прямо или косвенно относились к винокурению. При надобности нужно было находиться на работе неограниченное время. Поденная, поторжная и плотницкая работы длились до договору зимой 12 часов, летом - 15, исключая время на завтрак, обед и отдых. За каждый прогульный день, независимо от причины, назначался штраф, вдвое превышавший дневной заработок. За все упущения в работе с заводскими инструментами и лошадями рабочий должен был платить по ценам конторы или отработать[16].

Полного изложения, на наш взгляд, заслуживает контракт рабочего пимокатной мастерской Давыдова, зафиксированный в книге на записку договоров, доверенностей и т.д. по Курганскому хозяйственному управлению в 1873 г. Поступивший сроком на один год Да-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

выдов был обязан делать, что прикажет хозяин. Из будущего заработка 48 руб.30 коп. 20 руб. составил задаток, остальные деньги, "по мере надобности и усмотрению хозяина". Рабочий был должен "вести себя честно, трезво, быть постоянно на работе, прогулов не делать, соблюдать во всем хозяйский интерес и исполнять его законную волю, причем быть почтительным и послушным как к нанимателю и семейству его, так и к мастеру". В свою очередь хозяин обязывался платить Давыдову заработанное жалованье, "не обижать, не дозволять этого другим, не обременять лишней непосильной работой и вообще обходиться с ним законно и справедливо, хотя без потачек его слабостям"[17]. Этот контракт, типичный по своей патерналистской направленности, был характерен для переходного периода.

Договоры, заключенные между рабочими и владельцами промышленных предприятий, как правило, заверялись печатью местных административных органов и подписью ответственных лиц.

Отличительная черта всех письменных договоров была в том, что они не содержали в себе взаимной обязательности, гарантировавшей соглашения двух сторон от нарушения. Если рабочему регламентировались не только его обязанности, но и поведение, то предприниматель не нес ответственности ни за один пункт и в любой момент мог прервать договор, что и происходило на деле. В сибирской печати были нередки сообщения о такого рода случаях. Летом 1895 г. вследствие заполнения всех кладовых табачными изделиями была уволена почти половина рабочих (до востребования) на Омской табачной фабрике. В декабре по той же причине уволено 70 человек. После несчастного случая на этой же фабрике с подростком хозяин выдал причитавшуюся ему заработную плату и отправил домой, предварительно отобрав расчетную книжку[18]. Весной 1884 г. в связи с приостановкой винокуренного завода товарищества Королева и К° было расчитано более 20 рабочих, которые, надеясь на постоянную работу, поступили на маленькое жалованье, а не на период винокурения[19].

В практике найма рабочих существовали устные договоры. Они заключались, как правило, с владельцами мелких и средних предприятий, работавших в течение года несколько месяцев. В лучшем случае самые существенные условия этих договоров (заработная плата, обязанности, время работы) фиксировались в книгах контрактов. Устные договоры давали еще большие возможности для взаимных нарушений.

Контракты, как исторически сложившаяся форма закрепления обо-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

одных соглашений, была естественным образом воспринята из повседневной жизни. Достаточно обратиться к книгам записей договоров, хранящимся в архивных фондах административных учреждений Сибири, где фиксировалось и нотариально заверялось множество самых различных сделок по купле-продаже, найму, взаимным обязательствам и т.д. Судя по источниковым материалам, становилось в пореформенный период общепринятой практикой заключение письменных контрактов на промышленных предприятиях. Причем в сравнении с обычными сделками контракты рабочих представляли более развернутый перечень прав и обязанностей сторон. Прослеживалось стремление к упорядочиванию производственных отношений между работодателем и наемным рабочим.

Насколько можно судить по архивной документации Яковлевского винокуренного завода Иркутской губернии[20], контракты оформлялись на всех рабочих, независимо от сословной принадлежности, вида выполняемой работы, квалификации, срока найма. При всех своих недостатках правила о найме давали определенный минимум правовой защищенности вплоть до обращения в суд. Так, в статье 98 промышленного устава указывалось, что рабочий, не получивший в срок заработную плату, имел право в судебном порядке требовать расторжения договора. В случае признания иска ему причитало особое вознаграждение в размере, не превышающем при срочном договоре двухмесячного заработка, а при договоре на неопределенный срок - двухнедельного[21]. Разумеется, в повседневной жизни сибирскому рабочему было очень трудно отстоять свои права, учитывая общую социальную незащищенность низших сословий российского общества.

В этом плане показательно правовое положение части рабочих из бывших ссыльных и каторжан. Переведенные на поселение, они, как правило, приписывались к сельской местности и были обязаны нести соответствующие повинности. Причем, если сосланным в Сибирь и пробывшим на поселении не менее 10 лет, разрешалось приписываться в мещане по манифесту 1866 г., то в отношении каторжных поселенцев эта правовая норма не действовала[22].

Для отработки податей ссыльнопоселенцы нередко в принудительном порядке посылались на ближайшие промышленные предприятия. О их положении достаточно подробно говорилось в предписании ачинского земского исправника Балахтинскому земскому управлению от 21 апреля 1862 г. в ответ на отношение конторы Сидоровского винокуренного завода о взыскании долгов с крестьян и поселенцев, бывших в заводской работе: "Предписываю волостному правлению командировать

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

немедленно одного из чинов своих в Бзагаш на завод для постоянного наблюдения за рабочими людьми с тем, чтобы он в случае неповиновения, грубостей и пьянства рабочих, виновных подвергал аресту от одного до двух дней, смотря по вине, на хлеб и воду и еженедельно доносил бы мне о благосостоянии завода, включая в рапорт оштрафованных"[23].

Рабочее законодательство 80 - начала 90-х гг., кроме "Правил о найме..." и "Особенных правил...", включало еще ряд законов, сфера применения которых ограничивалась промышленно развитыми районами страны. Существенным элементом создававшейся правовой системы был институт фабрично-заводских инспекторов, призванный контролировать исполнение рабочих законов. Этот процесс встречал сильное сопротивление предпринимателей, вследствие чего законы отчасти утрачивали свою эффективность[24].

Однако и в урезанном виде они представляли для рабочих центра большую правовую защиту, чем их собратьям в регионах, в том числе сибирском, где действовали лишь "Правила о найме..." "В циркуляре департамента торговли и мануфактур от 19 сент.1894 г. признавалось, что там: "рабочие на заводах и фабриках снабжаются иногда такими расчетными книжками, в коих помещены правила, заключающие в себе отмененные позднейшими узаконениями постановления и притом нередко направленные к явному ущербу справедливым интересам рабочих, лишая их присвоенных рабочим законных прав"[25].

Положение сибирских рабочих постоянно обсуждалось в местной печати. Общественность требовала широких законодательных мер для улучшения жизни этих социальных слоев населения. Данный вопрос был поставлен и на проходившем в 1896 г. в Нижнем Новгороде Всероссийском торгово-промышленном съезде. Участник съезда сибиряк И.И.Попов на заседании первого и третьего отделов выступил с предложением о распространении фабричного законодательства на Сибирь. Он подчеркнул, что существующие законы, как и мероприятия в защиту рабочих, действуют только в пределах Европейской России, между тем как "в Сибири рабочие довольно многочисленны и там, кроме фабрик и заводов, число которых с каждым днем вырастает, имеется целая отрасль промышленности - горное дело". Выступление Попова получило поддержку на съезде. Было решено "возбудить ходатайство о распространении на Сибирь фабричного законодательства и всех выработанных съездом мероприятий, клонящихся к улучшению быта рабочих вообще"[26].

Позиция съезда, собравшего в своем составе специалистов, хоро-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

шо осведомленных в делах промышленного развития страны, на наш взгляд, была показательна. Она свидетельствовала о том, что вопрос о правовом и экономическом положении сибирских рабочих вышел из рамок отношений отдельных предпринимателей и отдельных рабочих, вырос в проблему, требовавшую государственного вмешательства.

Говоря о рабочих законах, под действие которых не подпадала Сибирь, было бы неверно утверждать, что здесь не было попыток использования их на практике. В Иркутском архиве нами обнаружено дело "О работах малолетних на заводах и фабриках, находящихся в Иркутской губернии"[27]. Из его материалов следует, что в результате проверки, проведенной на основании инструкции министра финансов от 19 дек. 1884 г., изданной в дополнение в 1882 г. от 1 июня Правил о надзоре за работами малолетних на фабриках и заводах, на двух спичечных фабриках установлено нарушение данного закона. Купцом Зазубриным, владельцем одной из фабрик, была дана 14 янв. 1890 г. подписка о выполнении им требований инструкции.

Анализируя этот факт, очевидно можно сделать следующее предположение. Общие циркуляры инструктивного характера, исходившие из центральных ведомств, рассылались автоматически по всем губерниям и в отдельных случаях принимались к исполнению. Кстати, в том же архиве обнаружен циркуляр Департамента полиции с разъяснением закона от 3 июня 1885 г. Возможно и другое объяснение. Промышленное развитие региона ставило администрацию перед необходимостью упорядочивать новые явления в сибирской действительности на основе уже существующих законов.

Юридические нормы, регулировавшие отношения рабочих с предпринимателями, были основными, но не единственными. К ним примыкали циркуляры и постановления, охватывавшие ряд вопросов правового обеспечения различных сторон жизни рабочих. Так, медицинское обслуживание регламентировалось положением Совета Министров от 26 авг. 1866 г. Согласно ему предписывалось иметь при фабриках и заводах помещения с местами для больных из расчета: 1 койка на 100 рабочих[28]. Учитывая, что на большинстве предприятий, особенно в обрабатывающих отраслях, работало менее этого количества человек, данное положение носило для сибирских промышленников необязательный характер.

Многочисленные постановления издавались губернскими учреждениями и городскими думами. По сути своей они были связаны с охраной жизни и здоровья рабочих, поскольку определяли порядок уст-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ройства промышленных заведений, оборудования, условий труда, размещение рабочих в жилых помещениях, их быт, качество пищи и т.д. Однако на практике эти постановления, не подкрепленные системой мер материального, организационного, правового характера, были обречены на бездействие.

В целом правовое положение рабочих сибирской промышленности во второй половине XIX века базировалось на старых нормах и традициях. Права и обязанности рабочих определяли не юридически обоснованные законы, а своеволие и почти неограниченная власть предпринимателей. Законодательная деятельность государства отставало от практических потребностей общества в обновлении правовых норм, соответствовавших условиям капиталистического производства. Немногие законы, издававшиеся по рабочему вопросу, отражали прежде всего интересы господствовавших слоев российского общества.

Очень точная характеристика российского законотворчества была дана В.И.Лениным. Он писал: "Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать. В первых законах все, самые мелкие права рабочих перечислены с полной точностью... В законах второго рода всегда даются только общие запрещения безо всякого точного перечисления, так что администрация может запретить все, что ей угодно"[29].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.-Новосибирск, 1982.С.131-134.

2. См.: Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917 гг.).-М.,1972.

3. Свод законов о торговле, промышленности и ремеслах /Сост. А.Д.Капустин.-М.,1869.С.281.

4. Ромашова В.И. Образование постоянных кадров рабочих в пореформенной промышленности Москвы // Рабочий класс и рабочее движение в России (1861-1917).-М.,1966.С.156.

5. ГАКО.-Ф.8.-Оп.1.-Д.197.-Л.1-13, 14-22. Подсчет наш.

6. ТФ ГАТО.-Ф.2.-Оп.1.-Д.760.-Л.8.

7. Ромашова В.И. Указ.соч.С.156-157.

8. Сибирский листок,1896.22 авг.

9. Литвинов-Фалинский П. Фабричное законодательство и фабрич-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ная инспекция в России.-СПб.,1900.С.3.

10. См.: Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального промышленного района России в конце XIX - начале XX вв.// Тез. выступлений участников XУ зональной межвуз.н.конф., посвященной 100-летию Морозовской стачки.-М.,1984.

11. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.-М., 1983.С.221.

12. Кобеляцкий А. Справочная книга для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков. Полный сборник узаконений о найме рабочих на фабрики, заводы, мануфактуры, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, о фабричной инспекции, о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности.- 5 изд.- СПб.,1898. С.57.

13. Здесь и далее см.: Кобеляцкий А. Указ.соч.С.58, 67-68, 74-76, 80, 86, 90, 92-94, 97-98, 101-105.

14. Кобеляцкий А. Указ.соч. С.103.

15. Швецов С.П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа // Сборник правоведения и общественных знаний.- М.,1897. Т.7. С.131-133.

16. ГАИО.-Ф.282.-Оп.1.-Д.59.-Л.3.

17. ГАКО.-Ф.8.-Оп.1.-Д.264,-Л.21-22.

18. Степной край.1895.25 июня, 2 июля, 14 дек.

19. Сибирская газета. 1884.20 мая.

20. См.: ГАИО.-Ф.282.-Оп.1.-Д.48.-Л.4, 18, 146, 158; Д.67.-Л.16, 19; Д.104.-Л.8-99; Д.113.-Л.1-113; Д.118.-Л.2-75; Д.120.-Л.1-19.

21. Кобеляцкий А. Указ.соч.С.92.

22. ГАЧО.-Ф.1.-Оп.1.-Д.868.-Л.2.

23. ГАКК.-Ф.344.-Оп.1.-Д.485.-Л.1.

24. См.: Рабочий класс России от зарождения... С.221-222.

25. Лаверычев В.Я7 Указ. соч. С.84.

26. Н.Л. Вопрос о распространении фабричного законодательства на Сибирь// Сибирский листок.1896. 5 сент.

27. ГАИО.-Ф.160.-Оп.3.-Д.79.-Л.4, 6, 9.

28. Лаверычев В.Я. Указ.соч. С.30; Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1882 год.- Б/м., б/г. С. 419.

29. Ленин В.И. Полн. собр. соч.-Т.2. С.285.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Ремнев А.В.

КОМИТЕТ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КАК ОРГАН РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Грандиозное предприятие, каким стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, повлекло за собой создание особого специального учреждения на высшем уровне управления - Комитета Сибирской железной дороги. Подобного рода высшие комитеты были достаточно частым явлением в административной практике самодержавия XIX в., когда ряд управленческих функций приобретал межведомственный характер и их исполнение требовало создания дополнительных координационных учреждений на длительный или короткий срок. Такого рода практика не была специфична только для России, но имела место и в других капиталистических странах. Поиски новых форм управления идут не только по вертикали, путем усложнения отраслевой, ведомственной структуры, но и по горизонтали, когда создаются межведомственные органы при министерствах или специальные высшие комитеты, расширяется опыт использования особых совещаний министров для разрешения конкретных проблем. Однако в России потребность в таких учреждениях усиливалась нерешенностью проблемы "объединенного правительства" и остротой ведомственных противоречий.

Эволюция государственного аппарата, появление новых отраслей хозяйства, особенности управления различными регионами, сложности национальной политики требовали определенной специализации высших учреждений, что позволило бы более оперативно решать управленческие задачи. Создание в XIX - начале XX вв. большого числа специальных высших комитетов давало царизму возможность приспособливаться к новым, усложнившимся условиям жизни страны без кардинальной перестройки государственного механизма. Наряду с устаревшими государственными институтами создавались новые учреждения, укомплектованные немногочисленным персоналом, с привлечением специалистов в качестве членов или консультантов, расширенной компетенцией и упрощенным делопроизводством. Зачастую специальные высшие комитеты наряду с административными делами решали важные законодательные вопросы, вмешивались в судопроизводство. Такое смешение разных видов государственной деятельности в одном учреждении, хотя и противоречило установке на "разделение властей", давало царизму возможность увеличить эффективность деятельности государственного аппара-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

та. Для Сибири такими органами высшего управления с широко определенными функциями были Комитет по делам Сибирского края (1813-1819 гг), I и II Сибирские комитеты и Комитет Сибирской железной дороги.

Комитет Сибирской железной дороги был создан по инициативе министра финансов С.Ю.Витте 10 декабря 1892 г.[1] Первоначально в состав Комитета вошли министры внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и государственный контролер, позднее, еще до первого заседания, к их числу добавились военный министр и управляющий морским министерством[2]. Кроме того, в Комитет часто приглашались министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также Иркутский, Приамурский и Степной генерал-губернаторы. По предложению Витте председателем Комитета был назначен наследник престола вел.кн. Николай Александрович. Очевидно воспользовались уже имевшим место в истории российского железнодорожного строительства прецедентом, когда наследник вел.кн.Александр Николаевич (будущий император Александр II) председательствовал в Комитете С-Петербургско-Московской железной дороги[3]. Но были и другие причины. Вопрос о председателе решался более месяца с момента решения об учреждении Комитета. Предложением на пост председателя наследника престола Витте удалось устранить кандидатуру А.А.Абазы, которого усиленно рекомендовал министр внутренних дел И.Н.Дурново. В конце-концов возникла в качестве компромисса комбинация с назначением председателем наследника, а вице-председателем Н.Х.Бунге, которого Дурново расчитывал использовать в качестве противовеса усиливавшемуся влиянию Витте[4]. Назначение на пост председателя наследника преследовало не только воспитательные цели, Витте, очевидно, рассчитывал на то, что связав имя будущего императора со строительством дороги, он таким образом создаст гарантию его завершения. Бунге должен был также олицетворять собой личную унию Комитета Сибирской железной дороги и Комитета министров, председателем которого он стал еще в 1887 г. Также в Комитете Сибирской железной дороги он мог продолжить обучение своего воспитанника вел.кн. Николая Александровича, перейдя от теории к практике. Особую роль в этих воспитательных задачах играли предварительные перед заседанием Комитета доклады управляющего делами, которые согласовывались с Бунге и состояли в "подготовке наиболее соответствующего обстоятельствам дела решений"[5]. В делах Комитета, по свидетельству его управляющего делами А.Н.Куломзина, наследник разбирался "всегда с посторонней помощью"[6]. Вступив на

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

престол, Николай II сохранил за собой председательствование в Комитете, и дела стали фактически разрешаться по их обсуждении. "На что в обыкновенном течении бюрократического делопроизводства потребовались годы, - вспоминал Куломзин, - разрешалось в несколько недель"[7]. Воцарение Николая II повлекло за собой и сокращение числа заседаний Комитета (в первые два с половиной года было 19 заседаний, а в последующие 10 лет - 23), но с увеличением количества дел, рассмотренных в одном заседании. Это было связано с занятостью царя другими делами. Куломзин и Бунге стремились к тому, "чтобы комитет этот не сделался для государя непосильным бременем"[8]. Все это повышало роль канцелярии Комитета, где готовились материалы для заседаний и проекты резолюций царя.

Ведущую роль в Комитете, несомненно, играл министр финансов Витте, но вряд ли справедливо утверждение В.Ф.Горзунова, что тому удалось, также, как наследника, подчинить своему влиянию "добродушного старца" Бунге[9]. Общеизвестно, что именно Бунге оказал решающее воздействие на становление экономических взглядов Витте. Скорее всего следует говорить о совпадении воззрений этих крупных государственных деятелей царской России на освоение Сибири. Если роль Бунге в Комитете и была не столь заметна, то это объясняется определенной тактикой поведения, когда он стремился действовать не самостоятельно, а через кого-то, постепенно проводя свои идеи. Хорошо знавший внутренние пружины деятельности Комитета Сибирской железной дороги Куломзин писал по этому поводу: "Объективно вдумываясь в умственный и нравственный облик остальных участников Комитета (кроме Витте - А.Р.), нельзя не выделить на первый план Николая Христиановича Бунге, участие которого в делах Комитета, в первые два года его существования, имело решительное и самое благотворное влияние на направление его деятельности - влияние сохранившееся и после кончины Николая Христиановича"[10]. Идеи Бунге, изложенные в его политическом завещании, получившем название "Загробные заметки", в значительной степени воспринял Куломзин и стремился осуществить в решениях Комитета[11].

Делопроизводство Комитета Сибирской железной дороги было поручено канцелярии Комитета министров. Витте первоначально попытался учредить особую канцелярию, поставив во главе ее директора канцелярии министра финансов П.М.Романова, что позволило бы ему контролировать всю подготовительную канцелярскую работу по Комитету. Но это не входило в планы Бунге, который добился соединения должности

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

управляющего делами создаваемого Комитета с управлением делами Комитета министров. Решающим доводом Бунге, "в глазах экономного Александра Ш, было утверждение, что такая комбинация потребует значительно меньших затрат"[12]. Очевидно, такая мера в большей степени соответствовала задаче координации ведомств и придавала Комитету Сибирской железной дороги характер вспомогательного высшего учреждения с родственным Комитету министров составом и компетенцией. Таким образом, управление делами Комитета Сибирской железной дороги попало в руки Куломзина, который в 1899 г. был назначен и членом Комитета, с сохранением руководства канцелярией. После восшествия на престол Николая П и смерти в 1895 г. Бунге, он оказался одним из наиболее деятельных членов Комитета, особенно в вопросах переселенческой политики[13].

Комитет Сибирской железной дороги был создан с широкой и неясно очерченной компетенцией, что было присуще многим высшим государственным учреждениям дореволюционной России. В основу положения, определявшего его структуру и круг подведомственных вопросов, было взято Учреждение Комитета министров[14]. Формально лишенный законосовещательной власти, Комитет получил возможность избегать внесения значительной части законопроектов в Государственный совет, проводя их, по примеру того же Комитета министров, через соединенное присутствие Комитета Сибирской железной дороги и Департамента государственной экономии Государственного совета. Это ускоряло введение новых законов, связанных как со строительством дороги, так и с мерами социально-экономического развития Сибири. Для обсуждения некоторых законопроектов требовались совместные заседания Комитета и Департамента законов Государственного совета, но этого удалось избежать. Куломзин объяснял это в своих воспоминаниях так: "Законодательным же постановлениям Сибирского комитета, которые касались собственно устройства переселенцев в Сибири, я придавал по форме значение законов местных и временных, всемерно избегая затрагивать законодательные нормы, регулирующие народную жизнь европейских губерний империи. Поэтому департамент законов никогда призываем не был: да и приглашать Островского - председателя Департамента законов, я считал опасным, так как переселение было ему не по сердцу..."[15].

Куломзин стремился установить "такой порядок, при котором деятельность Сибирского комитета не шла бы в ущерб Комитету министров[16]. Совместно с Бунге он предложил рассматривать вопросы о

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

направлении отдельных участков дороги, для "сохранения за существующими государственными учреждениями их влияния на дела", в соединенных заседаниях Комитета Сибирской железной дороги, Комитета министров и Департамента государственной экономии, но это предложение встретило решительную оппозицию со стороны Витте. Вероятно, Витте, имевший преобладающее влияние на решение дел по сооружению Сибирской магистрали, не хотел расширения вмешательства других членов Комитета министров, которые могли бы противодействовать его планам. Пользуясь доверием Александра Ш, министр финансов заявлял, что неопытному в государственных делах наследнику будет трудно председательствовать "в столь многочисленном собрании, тогда как Сибирский комитет нарочно был образован из небольшого числа членов"[17]. Куломзин в воспоминаниях обвинял Витте в беспринципности, заявляя, что Витте "до устойчивости наших государственных учреждений не было никакого дела", и что он "по свойственному ему нахальству позировал на истолкователя всех высочайших указаний по Комитету Сибирской железной дороги как до заседания, так и после него"[18]. Мнение Витте поддержал Александр Ш, который, по словам того же Куломзина, ненавидел многочисленные собрания[19]. Комитет министров кроме одного (второго) заседания больше не приглашался, но Бунге и Куломзину удалось настоять, чтобы Департамент государственной экономии всегда участвовал в рассмотрении вопросов о направлении отдельных участков магистрали, "ввиду очевидной их связи с денежными отпусками"[20].

Объективно, несмотря на некоторые формальные отступления, позиция Витте имела позитивное значение, так как расширение круга лиц, участвующих в обсуждении, затормозило бы как темпы строительства дороги, так и решение целого ряда вспомогательных вопросов социально-экономического характера. Положение Витте в Комитете укрепляло и то, что он, по свидетельству Куломзина, "влез в душу Сольского, как он один умеет это делать, и мало-помалу настолько овладел всем его существом, что Сольский на все смотрел глазами Витте"[21]. Это позволило Витте заручиться поддержкой Д.М.Сольского как председателя Департамента государственной экономии. В период до 1903 г. Витте удалось на время получить в государственных делах фактическое лидерство, что получило конкретное отражение и во влиянии его на сибирские и дальневосточные дела.

Комитет Сибирской железной дороги, как и Комитет министров, был лишен исполнительной власти, она была сохранена за министерствами.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Комитет должен был только объединять и направлять деятельность отдельных ведомств, контролировать их действия. Куломзин сообщает, что именно Бунге настоял на этом. Предвидя при строительстве дороги злоупотребления, он постарался освободить Комитет от ответственности за них, "чтобы имя наследника престола не было примешиваемо к подобного рода делам"[22].

Определенным административным новшеством было наличие в Комитете Сибирской железной дороги Подготовительной комиссии, председателем которой был Куломзин. В этой комиссии из представителей различных министерств возбужденный вопрос получал предварительную всестороннюю разработку, что фактически предрешало будущее заключение Комитета. Это значительно облегчало работу Комитета и устраняло многие разногласия еще на стадии предварительного обсуждения. Куломзин считал, что такая предварительная подготовка вопросов избавляла председателя от лишних хлопот, "так как он должен заранее знать, что именно предполагается проводить в Комитете"[23]. Подготовительная комиссия фактически монополизировала дела, связанные с переселением, устройством церквей и школ в Сибири[24]. Известный французский путешественник и публицист Жюль Легра писал, что от Куломзина "зависит аграрное будущее огромной колонии"[25].

Несмотря на казалось бы свое узкоспециальное назначение, Комитет Сибирской железной дороги соединил на короткое время в своих руках руководство важнейшими отраслями правительственной политики по освоению сибирского и дальневосточного регионов. Это касалось не только определения направлений отдельных участков магистралей, ассигнований на их строительство, но и решения целого комплекса социально-экономических проблем, связанных с выявлением природных ресурсов края, гидротехническими работами, развитием морского и речного пароходства и т.п. В зоне компетенции Комитета оказались и некоторые внешнеполитические вопросы, вызванные прежде всего строительством Китайско-Восточной железной дороги. Фактически Комитет Сибирской железной дороги на период своей деятельности стал высшим государственным органом по выработке правительственной политики по отношению к Сибири. Заседания Комитета стали полем острой межведомственной борьбы как по вопросам сибирской региональной политики, так и общеполитического курса самодержавия. Этим в значительной степени объясняется сложность функций и положения Комитета Сибирской железной дороги в системе высших государственных учреждений царской России.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Комитет просуществовал до конца 1905 г., хотя фактически прекратил свою деятельность раньше, последнее (42) заседание состоялось 17 декабря 1903 г. За время своего функционирования Комитет рассмотрел большое количество вопросов, способствовавших развитию Сибири. Особенно сложными оказались проблемы крестьянского переселения за Урал. Министерство внутренних дел ставило во главу переселенческой политики в основном охранительные цели, вызванные ростом числа аграрных выступлений в начале XX в. "Как прежде в министерстве носились с идеею переселения одних состоятельных крестьян,- писал Куломзин,- так теперь получала, под влиянием минуты, преобладание идея искусственного выселения бедняков"[26]. Министр внутренних дел В.К.Плеве требовал увеличения размера ссуд, чтобы привлечь к переселению "преимущественно неимущих лиц, не могущих пристроиться на родине". Это шло в разрез с общим направлением колонизационной политики Комитета, которое, по мнению Куломзина, следовало скорее сдерживать, чем поощрять. Столкновение в переселенческом вопросе с Плеве, полагал Куломзин, положило начало ликвидации Комитета. Лидерство в правительственных сферах в 1903 г. от Витте перешло к его сопернику Плеве. В связи с завершением основных строительных работ на магистрали, Комитет, по мысли Николая II, должен был "мало-помалу превратиться в Комитет Дальнего Востока". В этом направлении борьбу за закрытие Комитета Сибирской железной дороги повел А.М.Абаза, один из активных участников так называемой "безобразовской шайки"[27]. Противодействие Куломзина политике Министерства внутренних дел вызвало против него интригу Плеве, который заказал А.В.Кривошеину "критику" всей переселенческой деятельности Комитета[28]. Бороться с Плеве Куломзин считал бесполезным, зная о его влиянии на царя, да и пример падения в 1903 г. "столь сильного человека", как Витте, был у него перед глазами[29].

С учреждением Переселенческого управления при Министерстве внутренних дел Комитет все более утрачивал свое значение в организации крестьянской миграции. Видя совершенную бездеятельность Комитета, Куломзин неоднократно высказывался за его закрытие. Так им была предпринята попытка ликвидировать Комитет в июне 1905 г., вместе с упразднением Комитета Дальнего Востока. Но тогда Николай II ответил, что это неудобно, "выйдет, как будто мы все ликвидируем"[30]. Только с изданием манифеста 17 октября 1905 г. и реформированием Совета министров было признано невозможным дальней-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

существование "особых комитетов с полузаконодательными функциями", что нарушало бы твердо установленный законодательный порядок. По докладу Куломзина 15 декабря 1905 г. Комитет Сибирской железной дороги был закрыт, а подведомственные ему дела впредь должны были направляться в общем порядке[31]. Комитет Сибирской железной дороги был последним высшим региональным органом управления Сибири, его упразднение шло в русле общей правительственной политики направленной на централизацию и унификацию управления окраинами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ПСЗРИ.Изд.3.СПб.,1894.Т.12.№ 9140.10 дек.1892 г. Подробнее см.: Борзунов В.Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали. Дисс. ... д-ра ист.наук.Томск,1972.С.513, 526-527, 533-538.

2. Первое заседание Комитета состоялось 10 февраля 1893 г. в зале Комитета министров в Мариинском дворце.

3. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика.СПб.,1902.Т.1. С.23.

4. ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.186.-Л.4.

5. Там же.-Л.8.

6. Там же.-Д.196.-Л.3.

7. Там же.-Д.202.-Л.121.

8. Там же.-Д.195.-Л.15.

9. Борзунов В.Ф. Указ.соч. С.538.

10. ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.186.-Л.3. Н.Х.Бунге умер в 1895 г.

11. Шепелев Л.Е. "Загробные заметки" Н.Х.Бунге //Археографический ежегодник: 1969.-М.,1971; Кризис самодержавия в России.1895-1917.-Л.,1984. С.27-28.

12. ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.186.-Л.4.

13. Подробнее см.: Ремнев А.В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н.Куломзина // Политика царизма в Сибири в конце XIX - начале XX вв.-Иркутск,1988. С.42-57.

14. Россия. Комитет Сибирской железной дороги. (Материалы). Б/м.,1893.Т.1.С.1-3.

15. ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.186.-Л.11-12.

16. Там же.-Л.5.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

17. Там же.-Л.16.
18. Там же.-Л.58.
19. Там же.-Л.16.
20 Там же.-Л.17.
21. Там же.-Л.67.
22. Там же.-Л.12.
23. Там же.-Д.211.-Л.155.
24. Борзунов В.Ф. Указ.соч. С.537. На важную роль Подготовительной комиссии и А.Н.Куломзина указывал в своих воспоминаниях А.А. Корнилов, служивший тогда чиновником особых поручений при иркутском генерал-губернаторе. // ЦГИА СССР.-Ф.1093.-Оп.1.-Д.107.-Л.22-23.
25. Ledras J. En Sibérie. P. 1899. P. 206. Впоследствии Ж.Легра стал переводчиком на французский язык официального издания "Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем" (СПб.,1903), состоял в переписке с А.Н.Куломзины (ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.366.//Письма Ж.Легра к А.Н.Куломзину).
26. ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.211.-Л.132.
27. Там же.-Л.159; Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны.-М.-Л.,1955. С.233.
28. ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.211.-Л.173-175.
29. А.Н.Куломзин имел ввиду отставку С.Ю.Витте с поста министра финансов и назначение председателем Комитета министров.
30. ЦГИА СССР.-Ф.1642.-Оп.1.-Д.211.-Л.178.
31. Там же.-Ф.1273.-Оп.1.-Д.1.-Л.136-139; ПСЗРИ.Изд.3.-СПб., 1908.Т.25.ОтдI.№ 27044.15 дек.1905 г.

Коновалов П.С.

СТРОИТЕЛЬСТВО И ЭКСПЛУАТАЦИЯ АЧИНСК-МИНУСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1914-1925 ГГ.)

После окончания русско-японской войны в Сибири развернулось интенсивное железнодорожное строительство. К 1917 г. была завершена прокладка второй колеи транссибирской магистрали, вступили в строй Тюмень-Омская и Амурская линии. Кроме казенных железных дорог сооружались частные - Алтайская, Кольчугинская, Кулундинская и Ачинск-Минусинская. История строительства казенных железных дорог достаточно хорошо известна, в меньшей степени - частных.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Что касается Ачинск-Минусинской железной дороги, то ее история изучена неравномерно. В работах И.Н.Боголеповой, А.М.Соловьевой, Т.И.Баталовой и других авторов основной акцент сделан на финансовую сторону строительства дороги, причем данные приведены только по 1917 г. включительно[1].

В предлагаемой статье рассматриваются различные варианты соединения транссибирской магистрали с Минусинской котловиной, ход сооружения Ачинск-Минусинской линии вплоть до ее полного пуска в эксплуатацию, численность и состав работавших здесь строителей и железнодорожников.

В начале века в ряде восточносибирских городов (Иркутске, Ачинске, Минусинске) проходили совещания различного уровня о развитии местных путей сообщения. Везде, где поднимался вопрос о соединении железнодорожной ветки с транссибирской магистралью Минусинского края, решительно высказывались за необходимость скорейшего проведения такого пути. Мнения расходились лишь по поводу его направления.

Правительственные чиновники выступали за проведение дороги от Минусинска через села Никольское и Ачинское к Канску. Изыскания по этому маршруту проводили инженер-путеец Горемыкин, почвовед Н.В. Благовещенский и техник И.И.Бердников. По их мнению такой путь был бы самым коротким и мог решить следующие важные задачи: во-первых, с плодородного юга Канского уезда и низовья р.Тубы на рынок пошло бы много хлеба; во-вторых, наладилась бы постоянная торговля скотом, причем Канск мог стать посредником между Минусинском и Иркутском; в-третьих, вновь ожили бы золотоносные долины системы р. Сисима.

Не отрицая подобных преимуществ, противники этого направления подчеркивали между тем, что линию пришлось бы вести по слабозаселенной и каменистой местности. Это неизбежно привело бы к резкому удорожанию строительства. К тому же линия стала бы заведомо убыточной для казны, поскольку грузопоток из Канска в Минусинск был бы невелик.

Малопривлекательным казался и вариант дороги Минусинск-Кемчуг. В этом случае линия прошла бы почти параллельно Енисею, не захватывая в сферу своего влияния сколько-нибудь значительной территории.

Большинство местных предпринимателей и общественных деятелей

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

склонялось к мысли, что целесообразнее всего было бы соединить Минусинск с транссибирской магистралью где-нибудь в промежутке между станциями Итат и Мариинск[2].

Из области теоретических споров дело начало переходить в практическую плоскость тогда, когда инициативу в свои руки взяли владельцы Черногорских угольных копей А.А.Баландин и В.А.Баландина. В 1910 г. на их средства были проведены предварительные изыскания линий Минусинск-Итат и Минусинск-Ачинск с ветвью на принадлежащие им копи.

Хотя второй путь и был длиннее на 25 в. и дороже на 2,5 млн.руб. вследствие строительства дополнительного моста через р.Чулым, изыскатели все же отдавали предпочтение ему. Он пролегал по более населенной и хлебородной местности, содействуя лучшему транспортному соединению водных бассейнов двух великих сибирских рек - Оби и Енисея. К тому же данный маршрут имел ярко выраженное, по сравнению с канским вариантом, восточное направление.

Это имело первостепенное значение, поскольку до 80% грузов из Минусинской котловины (особенно сельскохозяйственных товаров и каменного угля), по расчетам специалистов, должно было идти отсюда на север Енисейской губернии и в Забайкалье, где испытывалась особая нужда в них.

Учитывалась и возможность постройки в будущем железной дороги от Ачинска через с.Мелецкое на Енисейск. В таком случае появлялась бы неплохая перспектива экспорта по ней минусинского хлеба, мяса, масла и минерального сырья при помощи Северного морского пути в страны Европы[3].

В феврале 1911 г. супруги Баландины и инженер-путеец Г.В.Адрианов, закончив составление проекта и расценочной ведомости, обратились в Министерство финансов с ходатайством о разрешении создания акционерного общества для постройки и эксплуатации железнодорожной линии от ст.Ачинск до ст.Енисей (в 4... верстах от левого берега одноименной реки против г.Минусинска). По расчетам предпринимателей ее протяженность составила бы 395 в., строительная стоимость - около 27,1 млн.руб., а ежегодный грузооборот - до 24,3 млн.пудов всевозможных товаров[4].

Из Министерства финансов ходатайство было передано на рассмотрение в Комиссию по новым железным дорогам. Ознакомившись с проектом будущей линии, сотрудники этого ведомства признали целесообразность ее строительства, но порекомендовали довести дорогу непосредственно до Минусинска. Учитывая трудоемкость и дороговизну

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

сооружения моста через Енисей (около 5 млн.руб.), предлагалось начать постройку заключительного семнадцативерстного участка уже после пуска в эксплуатацию основной магистрали. По уточненным данным общая длина всей дороги от ст.Ачинск до Минусинска определялась членами Комиссии в 451 в., строительная стоимость - в 36,8 млн.руб., а предполагаемый грузооборот - в 30,4 млн.пудов[5].

С учетом этих замечаний были переработаны некоторые положения устава общества Ачинск-Минусинской железной дороги, который получил "высочайшее" утверждение 24 августа 1912 г. Из § 9 названного документа следовало, что Правление обязывалось сначала за три года проложить рельсовый путь от ст.Ачинск до ст.Енисей протяженностью в 434 в. С открытием здесь коммерческого движения предусматривалось сразу же приступить к сооружению участка непосредственно до Минусинска и завершить эту работу не позднее чем через 4 года. С этого момента в течение 81 года дорога и принадлежащие ей предприятия оставлялись в собственности акционерного общества, а затем передавались бесплатно в казну (§ 3). Если же правительство по каким-то причинам пожелало бы выкупить линию, то имело право это сделать только через 25 лет (§ 49)[6].

Вопросы финансирования строительства Ачинск-Минусинской железной дороги, как уже отмечалось ранее, достаточно подробно освещены в исследовательской литературе, поэтому отметим лишь, что в ходе острой конкурентной борьбы права на эту концессию получил Русско-Азиатский банк. В мае 1913 г. он образовал синдикат для реализации акционерного капитала на сумму 3,75 млн. руб. Акции поровну рассредоточились между несколькими банками. Финансовые связи подкреплялись персональной унией. Возглавил общество Ачинск-Минусинской железной дороги член совета съездов промышленности и торговли А.А.Бубликов, представлявший интересы Русско-Азиатского банка. Директором Общества стал В.В.Андреев, а его заместителем - В.А. Зиссерман, входившие в правление Русско-Французского банка.

Главным государственным контролером по постройке Ачинск-Минусинской железной дороги был утвержден инженер В.М.Попов, а его помощниками - путейцы С.Ф. Флавицкий, В.Д.Петров и Н.Н.Криницкий[7].

К осени 1913 г. были проведены окончательные изыскания будущей трассы и весной следующего года на всем ее протяжении развернулись строительные работы. Вся дорога была разделена на пять участков: 1) ст.Ачинск - с.Ададым, 2) с.Ададым - с.Ужур, 3) с.Ужур - с.Копьево, 4) с.Копьево - курорт Шира, 5) к.Шира - с.Енисей Мину-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

синский[8].

Строительство велось, главным образом, подрядным способом. В частности, с торгов удалось сдать подрядчикам 91% всех земляных работ причем почти на 10% ниже расценочной ведомости. Возведением двух (из трех) самых протяженных тоннелей - на 276 в. длиной 150 саженей и на 291 в. (338 сах.) - ведал контрагент Полетти, имевший опыт подобных сооружений За исключением больших мостов через Чулым, Большой и Малый Июсы, все остальные гидротехнические объекты также строились подрядчиками. Как и от земляных работ, от постройки искусственных сооружений и станционных зданий, правление Общества надеялось получить не менее 10% экономии средств[9].

В полосе будущей дороги имелись многие необходимые строительные материалы. Песок, мелкий гравий и известняк добывались у поселков Сон и Ужур. Лес заготовлялся в отрогах Саянского хребта, на Тинско-Тубинской казенной даче, а также сплавлялся из верховьев Енисея и Абакана[10].

Менее равномерно был обеспечен район строительства местной рабочей силой. Лучше всего обстояло дело на пятом участке. По свидетельству заведующего работами инженера К.Н.Мейнгардта, здесь "... оказалась масса готовых рабочих, преимущественно хохлы, переселенцы. Среди них есть не только чернорабочие, а и плотники, кузнецы, слесаря, каменотесы и пр., которые... являются на линию с лошадьми и тачками, ища работы. С этой стороны пятый участок... совершенно не будет нуждаться в привлечении или привозе рабочих со стороны"[11].

Совершенно иная картина наблюдалась на втором и третьем участках. Летом 1914 г. тут число "...местных рабочих, ввиду более тяжких условий жизни в центре линии, никогда не превосходило 15% общего количества рабочих рук..."[12]. Остальные строители привозились из Мариинска, Канска, Красноярска и других сибирских городов.

Оплата проезда одного такого рабочего стоила контрагентам в среднем 18,5 руб. Еще дороже обходился наем строителей в Европейской России. Так, подрядчик второго участка Силин потратил весной 1914 г. на перевозку и выплату задатков каждому из 650 костромских землекопов по 45 руб.[13] Кроме костромчан, на линии трудились также 1700 землекопов из Симбирской, Ковенской . Виленской губерний. В общей массе всех занятых на дороге в мае 1914 г. 15 тыс.чел. рабочие из Европейской России, составляли около 15,6%[14]. Вместе с за-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

контрактованными сибиряками они представляли собой на стройке самый стабильный контингент, поскольку наряду с получением задатков, сроки их работ оговаривались статьями договоров с подрядчиками.

Жители же окрестных сел и деревень, приходившие на "чугунку" преимущественно со своими лошадьми, большей частью не заключали контракта, а начинали работу "сперва в виде пробы"[15]. Как только работа теряла смысл, а это случалось часто вследствие дороговизны жизненных припасов и невысоких заработков, то коноводчики уходили со стройки. Обычным явлением был и отток местных жителей во время основных сельскохозяйственных работ (покоса, жатвы и т.п.), поэтому общее число работавших на линии заметно изменялось буквально каждый месяц.

Таблица I.

Численность и профессиональный состав рабочих Ачинск-Минусинской железной дороги в 1914 - 1916 гг.[16]

Специальности рабочих	Годы, месяцы										
	1914		1915					1916			
	июнь	июль	авг.	нояб.	декаб.	янв.	февр.	март	апр.	май	сент.
Квалиф.											
каменщ.	-	460	110	125	119	135	96	45	41	87	-
плотн.	-	302	50	359	530	322	326	244	263	185	-
прочие	-	310	104	185	356	401	309	116	141	139	-
Итого:	-	1072	264	1699	1055	858	731	405	445	411	-
Неквалиф.											
коновозчики	-	5673	2594	637	623	604	437	637	583	461	-
чернорабочие	-	12322	4216	1940	3256	1912	1371	1031	1109	1385	-
военнопленные				3584	3204	1635	1681	1575	1433	1083	1419
Итого:	-	17995	6810	6161	7083	3531	3489	3243	3124	2929	-
Всего:	15000	19067	7074	6830	8088	4389	4220	3648	3569	3340	4816

Примечания:
- нет сведений

Что касается профессионального состава рабочих, то он был типичным для сибирского железнодорожного строительства. Спецификой этой

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

отрасли являлось преобладание в ней погрузочно-разгрузочных и земляных работ. При низкой механизации труда здесь требовалось большое количество коновозчиков, тачечников, чернорабочих, т.е. неквалифицированных рабочих. Судя по данным табл. I, именно они составляли 90-95% всего контингента строителей.

Но при всех кадровых трудностях график работ на линии летом - осенью 1914 г. в целом выполнялся. Под влиянием этого правление Общества 14 января 1915 г. возобновило свое ходатайство министрам путей сообщения и финансов о расширении на основе уже действующего Устава своего предприятия путем постройки дополнительных линий, а именно: 1) от ст. Ачинск на север до Енисейска (307 в.) и 2) от Минусинска к югу до с. Григорьевки с ветвью на с. Курагино (166 в.). Совокупный грузооборот новых дорог определялся примерно в 51 млн. пудов, а валовый доход - около 3,7 млн. руб.[17] Строительством этих рельсовых путей правление Общества надеялось не только существенно ослабить первоначальную убыточность главной линии Ачинск-Минусинск, но и открыть для массовой крестьянской колонизации плодородные земли к юго-востоку от Минусинска, за что давно ратовало Переселенческое управление.

Технические изыскания были проведены уже к лету, однако ввиду военных обстоятельств рассмотрение вопроса о постройке затягивалось.

Между тем ситуация на постройке собственно Ачинск-Минусинской дороги существенно изменилась. Прежде всего усложнилось финансовое положение Общества. К этому времени его правлению через отечественные и зарубежные банки из 35,5 млн. руб. строительного капитала удалось реализовать акций на 3,75 млн. руб. и 4,5% гарантированных правительственных облигаций на 22,7 млн. руб. нарицательных. Выручка от этих финансовых операций составила всего 24,38 млн. руб. действительных, т.е. лишь немногим более 70% от первоначального запланированной суммы[18]

Вследствие затянувшейся войны, оставшиеся ценные бумаги реализовывались с большими затруднениями, поэтому правление Общества обратилось в министерства финансов и путей сообщения с просьбой о предоставлении срочного пятимиллионного кредита. По заключению особого межгосударственного Совещания руководству Ачинск-Минусинской железной дороги было разрешено брать в банке запрошенную сумму под государственные гарантии, но не ранее начала 1916 г. До этого времени рекомендовалось сооружать линию на оставшиеся у Общества сред-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ства и пускать ее в эксплуатацию отдельными участками. Получаемые в результате этого от пассажирско-грузовых перевозок денежные доходы предлагалось пускать не только на дальнейшую достройку основной магистрали, но и на частичную выплату дивидентов акционерам[19].

Но выполнить подобные рекомендации было непросто. Прежде всего, существенно замедлился подвоз строительных материалов по сибирским железным дорогам, да и сами перевозки стали дороже из-за установленного военного налога на все гражданские грузы. На неопределенное время затягивалась доставка на линию подвижного состава. Из 924 товарных вагонов и платформ, заказанных Усть-Катавскому и Сормовскому заводам, на конец мая 1915 г. поступило только 530. Все они тотчас были сданы в аренду на другие дороги. Из 30 же паровозов Воткинского завода не поступило ни одного. Более того, летом 1915 г. по решению правительства все рельсы и скрепления, изготавливаемые на отечественных предприятиях, реквизировались до окончания войны для нужд фронта[20]. Впоследствие это сыграло роковую роль для строительства Ачинск-Минусинской дороги.

Все острее здесь ощущалась нехватка рабочих рук. При помощи отсрочек от призыва в армию правлению Общества удалось лишь частично решить кадровую проблему. Оно вынуждено было обратиться в военное министерство с просьбой о выделении 3-5 тыс. военнопленных для завершения строительства. Первая группа австро-венгров прибыла на линию уже в мае-июне 1915 г. С этого момента и вплоть по декабрь 1916 г. военнопленные в общей массе работавших на постройке Ачинск-Минусинской железной дороги составляли в разные месяцы от 25 до 60%[21]. Первоначально им выдавали на руки лишь небольшую часть заработанных денег, а с осени 1915 г. - практически всю (за вычетом на охрану) сумму, причем на уровне заработков отечественных рабочих.

Но материальная заинтересованность не могла сколько-нибудь заметно увеличить производительность труда военнопленных. Для большинства из них были непривычны суровые климатические условия. Поэтому они находились на стройке, как правило, недолго и заменялись другими группами. К тому же, военнопленные, в массе своей, почти не обладали строительными навыками. До войны на родине они трудились портными, сапожниками, токарями, лудильщиками, официантами или были крестьянами[22]. В этой связи военнопленные на сооружении Ачинск-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Минусинской железной дороги были заняты преимущественно на подсобных работах.

Малоэффективным оказался здесь и труд женщин и подростков. Темпы строительства существенно замедлились по сравнению с предвоенным временем. К середине 1916 г. удалось наладить регулярное движение лишь между станциями Ачинск I и Ададым (49 верста). На линии имелось еще много недоделок, поэтому здесь ходил только раз в сутки поезд № 21/22, состоявший из 12 товарных и трех пассажирских вагонов. Обслуживали этот участок два дорожных мастера, 20 ремонтных рабочих, 6 старших рабочих, 2 переездных и 10 путевых сторожей. Движение поезда обеспечивали одна паровозная и одна кондукторская бригады[23].

Результаты эксплуатации за второе полугодие 1916 г. оказались малоутешительными: убытки составили почти 256 тыс.руб. Из-за этого не удалось выплатить концессионерам дивиденты на соответствующую часть акционерного капитала. Для покрытия дефицита правление пыталось активизировать строительство. Чтобы получить дополнительные государственные кредиты, оно выступило с инициативой сооружения, кроме уже предлагаемой ранее дороги Ачинск-Енисейск, трех новых: Минусинск-Белоцарск (ныне Кызыл, 400 в.), разъезд Оросительный - Абаканский завод (95 в.) и Абаканский завод-Кузнецк (250 в.)

По подсчетам специалистов, эти линии можно было при наличии достаточных средств и рабочей силы пустить в эксплуатацию соответственно за 3,4,2 и 2,5 года. При рассмотрении этого вопроса в мае - июне 1916 г. Комиссия по новым железным дорогам нашла, что "сооружение линии Ачинск-Енисейск и Абаканской ветви представляется весьма желательным, причем линию Ачинск-Енисейск надлежало бы соединить особой ветвью с р.Чулымом примерно около с.Мелецкое дабы создать водно-железнодорожный путь между системами рек Оби и Енисея". Постройка же дорог на Кузнецк и Белоцарск признавалась преждевременной. Предлагалось пока "ограничиться продлением линии в этом направлении верст на 100, с окончанием, примерно около с.Моторское или Каратуз"[24]. Однако в правительственных кредитах под названные дороги вплоть до окончания войны было отказано. Правлению Общества разрешалось лишь, по-прежнему, сдавать основную магистраль в эксплуатацию отдельными участками и с допустимыми недоделками. Но к январю 1917 г. удалось подготовить к временному движению только маленький участок в 29 верст от ст.Ададым до разъезда Глядень. Такое дополнение к уже действующей части линии существенно не изменило

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

положения дел. За первое полугодие 1917 г. дефицит от эксплуатации дороги вновь составил 219 тыс.руб.[25)]

Вяло продвигалась и достройка. К этому времени было завершено лишь две трети гражданских зданий. Хотя земляное полотно было и отсыпано на всей линии, укладка рельс не производилась из-за их отсутствия.

Правление дороги прилагало энергичные усилия, но не могло изменить ситуацию. В частности, не удалось разместить заказы на североамериканских предприятиях, поскольку царское правительство не выделило иностранной валюты на покупку рельс и отказалось оплатить за них огромную таможенную пошлину. Не продало даже уже бывших в употреблении рельс и Управление Сибирской железной дороги, мотивируя это собственными нуждами[26)].

Не видя иного выхода, руководство Общества вынуждено было в конце сентября 1917 г. объявить, что "... постройка ликвидируется"[27)]. Через несколько месяцев Ачинск-Минусинская дорога была национализирована.

Длительное время здесь поддерживалось, по-прежнему, только временное движение до Глядена. Хотя на балансе дороги в феврале 1920 г. числилось 9 паровозов, в работе постоянно находилось лишь три. Штат железнодорожников состоял всего из 139 чел., среди которых было три машиниста, четыре кочегара, 13 чернорабочих, 9 плотников, два котельщика, 37 слесарей, 18 кузнецов и молотобойцев[28)]. На остальной линии проводилась, насколько это было возможно, охрана земляного полотна и станционных зданий от разрушения.

Строительство возобновилось лишь с весны 1920 г., когда линия была передана Томской железной дороге. Но работы из-за недостатка средств и материалов шли медленно. За два года удалось уложить рельсы до разъезда Марьясовс (123 в.), однако поезда ходили только до ст.Крутояр (107 в.).

Движение осуществлялось нерегулярно. Поезда отправлялись в путь по мере появления грузов, причем только в сопровождении воинской охраны, поскольку в районе ст.Ужур активно действовали антиправительственные формирования. В итоге результаты эксплуатации были незначительными. С 1 ноября 1921 г. по 1 ноября 1922 г. было перевезено всего около 3,7 млн.пудов грузов и 4913 пассажиров, из которых 1903 чел. являлись военнослужащими. Из-за нехватки кредитов происходили массовые увольнения рабочих. На 1 июля 1922 г. на всей

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

дороге, например, оставалось лишь 346 рабочих и служащих, из них 77 чел. находилось на постройке, 172 чел. - на эксплуатации и 37 чел. - на охране пути[29].

Положение стало меняться с образованием в конце 1922 г. Акционерного общества "Ачминдор". В него вошли ряд промышленных предприятий и государственных учреждений, особенно заинтересованных в скорейшем пуске дороги. С переходом дороги в августе 1924 г. в ведение Народного комиссариата путей сообщения, более регулярно стали поступать необходимые строительные материалы. Увеличился с появлением кредитов и штат рабочих и служащих. На 1 декабря 1924 г. здесь трудилось уже 559 чел., в том числе на постройке 315 чел.[30]

В результате, уже в октябре следующего года рельсы были уложены до конечного пункта - ст. Абакан (430 в.). Кроме того, от 421 в. до Черногорских угольных копей была проведена самостоятельная пятнадцативерстная ветка. В течение 1926 г. были устранены все недоделки и линия стала нормально функционировать на всем протяжении. До сих пор она является основной транспортной артерией, соединяющей Минусинскую котловину с остальным народохозяйственным комплексом страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Соловьева А.М. К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны// Исторические записки.-1956.Т.55.С.173-209; Богослепова И.Н. Финансовый капитал в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны//Вопросы истории.1979.№ 9.С.52-60; Баталова Т.И. История частного железнодорожного транспорта Сибири в конце XIX - начале XX вв.: Автореф. дис.... канд. истор. наук.- Томск:Изд. Томск. ун-та.1990.19 с. и др.

2. Сибирская жизнь.1908.18 нояб; 1909. 21 янв., 12 янв.; Сибирская торговая газета. 1912. 4 нояб.

3. ЦГИА.-Ф.274.-Оп.2.-Д.719.-Л.33,46; АФ ГАКК.-Ф.16.-Оп.1.-Д.1.-Л.62.

4. ЦГИА.-Ф.268.-Оп.3.-Д.11194.-Л.69-72.

5. ЦГИА.-Ф.274.-Оп.5.-Кн.2.-Д.424.-Л.2-3.

6. Там же.- Л.24-25.

7. ГАКК.-Ф.799.-Оп.1.-Д.5.-Л.1,12; Д.6.-Л.5,7; Д.19.-Л.83.

8. ЦГИА.-Ф.274.-Оп.5.-Кн.2.-Д.424.-Л.268.

9. Там же.-Л.78.

10. ЦГИА.-Ф.268.-Оп.3.-Д.11194.-Л.20-25; Минусинский край.-1914. 7 марта.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

11. Минусинский край. 1914. 20 апр.
12. АФ ГАКК.-Ф. 16.-Оп. 1.-Д. 47.-Л. 224-225.
13. Там же.-Д. 58.-Л. 106.
14. Отклики Сибири. 1914. 9 мая, 27 июня.
15. Отклики Сибири. 1915. 20 мая.
16. ЦГВИА.-Ф. 369.-Оп. 9.-Д. 79.-Л. 11; АФ ГАКК.-Ф. 16.-Оп. 1.-Д. 3. Л. 21-83; Д. 37.-Л. 5-345; Енисейская мысль. 1915. 15 февр.; Откли Сибири. 1914 27 июня.
17. ЦГИА.-Ф. 268.-Оп. 3.-Д. 1345.-Л. 63-64.
18. ЦГИА.-Ф. 274.-Оп. 5.-Кн. 2.-Д. 424.-Л. 263-264,
19. Там же.- Л. 246-268.
20. Там же.-Д. 483.-Л. 79, 106-107, 138.
21. Там же.-Л. 272 об.
22. АФ ГАКК.-Ф. 16.-Оп. 1.-Д. 47.-Л. 225, 248.
23. ЦГИА.-Ф. 274.-Оп. 9.-Д. 6.-Л. 25; АФ ГАКК.-Ф. 16.-Оп. 1.-Д. 33. 147.
24. ЦГИА.-Ф. 268.-Оп. 3.-Д. 1195.-Л. 194-195.
25. ЦГИА.-Ф. 274.-Оп. 9.-Д. 8.-Л. 25; Д. 9.-Л. 81; Ф. 274.-Оп. 9.-Д. Л. 18; Минусинский край. 1916. 6 авг.
26. ЦГИА.-Ф. 268.-Оп. 3.-Д. 1195.-Л. 335, 386-387; Ф. 1276.-Оп. 14 Д. 324.-Л. 2, 3.
27. Свободная Сибирь. 1917. 24 сент.
28. АФ ГАКК.-Ф. 52.-Оп. 1.-Д. 5.-Л. 14-15.
29. Там же.-Д. 16.-Л. 2; Д. 20.-Л. 1-2.
30. Там же.-Д. 33.-Л. 1.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

II. ТОРГОВЛЯ В СИБИРИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Носова Е.А.

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В ПЛАНАХ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Сибирское зерновое производство развивалось в пореформенный период в условиях относительной оторванности от рынков сбыта в Европейской России. Водный транспорт не мог в полной мере решить проблему вывоза сибирского хлеба за Урал. Проведение Екатеринбург-Тюменской железной дороги (торговое движение по ней началось с 1886 г.)[1], существенно облегчило доступ сибирского зерна к потребителям Пермской и Вятской губерний.

Однако в русле политики ограждения интересов помещиков центральных земледельческих районов правительство в конце 1893 г. повысило тариф на провоз сибирских хлебных грузов по Уральской железной дороге. Эта мера была принята в ходе общего изменения тарифного законодательства в 1893 г.[2] По мнению Т.М.Китаниной, в начале 90-х гг. "впервые сказались, пусть еще чрезвычайно слабо, последствия продвижения сибирского хлеба в западном направлении", центральные рынки "оказались под угрозой завоевания... могущественного конкурента - хлеба дальних районов Сибири"[3]. Этим определялось направление изменения тарифов, поскольку в интересах правительства было не допустить дальнейшего падения цен на хлеб.

В будущем правительство намеревалось направить поток сибирского хлеба на экспортный вывоз через города Котлас и Архангельск. Впоследствии эта идея реализовалась в установлении в 1896 г. Челябинского тарифного перелома[4].

В этих условиях сибирское купечество предпринимало самостоятельные попытки расширить рынки сбыта местного сырья, и прежде всего зерна. Поэтому идея установления прямого сообщения между зарубежной Европой и Сибирью по морям Северного Ледовитого океана воспринималась сибиряками в первую очередь в русле торговых интересов сибирского купечества.

Активный сторонник и главный инициатор изучения возможностей плавания по Баренцеву, Карскому морям и морю Лаптевых красноярский купец и золотопромышленник М.К.Сидоров писал: "... открытие морского пути в устья Оби и Енисея... будет делом громадной важности и произведет большой переворот в торговле"[5].

Кроме того, даже после начала функционирования западносибир-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ского участка Транссибирской железной дороги (а это открывало возможности экспорта сибирского хлеба через Архангельск) часть сибирских купцов привлекала идея прямого сообщения с заграницей. По их мнению, необходимо было "вырвать торговлю Сибири из той подчиненности, в которой она до сих пор находится, в которой ее держат московские купцы... и целый сонм посредников, маклеров, экспедиторов, подрядчиков по перевозке грузов..."[6]

Первые активные попытки организовать освоение Северного морского пути начались на рубеже 50-60-х гг. XIX в. Именно в это время М.К.Сидоров направил три записки сибирским губернаторам Падалке, Родикову, Замятину с обоснованием своего проекта. Все три губернатора посчитали инициативу красноярского купца нереальной. Не удалось заинтересовать проектом и Русское Географическое общество. Его вице-председатель Ф.П.Литке сослался на отсутствие в России специалистов по плаванию в замерзающих северных морях[7].

В целом, несмотря на активную деятельность М.К. Сидорова, 60-е гг. XIX в. оказались неудачны в плане организации экспедиций для освоения Северного морского пути.

В результате поездки М.К.Сидорова в Англию и его встречи с председателем Лондонского Географического общества Мурчисоном в Англии была организована компания для отправки в 1863 г. корабля в устье Енисея. Но из-за отсутствия всякой помощи со стороны сибирской администрации предприятие расстроилось[8].

Тем не менее 60-е и начало 70-х гг. выполнили роль подготовительного этапа для организации следующих экспедиций. С проектом была ознакомлена английская, а также норвежская и шведская общественность. М.К.Сидорову удалось наладить переписку по этому поводу с известным шведским путешественником, профессором из Стокгольма А.Э.Норденшельдом.

Параллельно шел поиск сторонников среди российского и сибирского купечества. Так, вопрос об исследовании Северного морского пути обсуждался в Обществе для содействия русской промышленности и торговле. В 1872 г. это общество, заслушав доклад специальной комиссии из пяти членов: Н.Латкина, М.Сидорова, Н.Носкова, А.Попова, Д.Скуратова, приняло решение содействовать изучению Карского моря и реки Оби[9]. Идеи М.К.Сидорова нашли поддержку и у известного сибирского купца-мецената А.М.Сибирякова. Последний также вел переписку с А.Э.Норденшельдом.

Такие записки, как записки М.К.Сидорова, доклад комиссии Общества для содействия русской промышленности и торговле, пере-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

писка М.К.Сидорова и А.М.Сибирякова с А.Э.Норденшельдом дают возможность назвать товары, отправку которых по Северному морскому пути планировало сибирское купечество. Это так называемые "сырьевые продукты": меха, лес, полезные ископаемые. Особенно часто упоминается хлеб.

Процитируем некоторые места переписки сибирских купцов с А.Э. Норденшельдом. М.К.Сидоров - А.Э. Норденшельду: "... нужно советовать всем вашим купцам, имеющим паровые клипера, стремиться в устья сибирских рек. Из них они могут доставлять в свое отечество самый дешевый и превосходного качества сибирский хлеб, цена которого теперь в верховьях Оби в некоторых местах от 10 до 15 шиллингов (копеек) за вог (пуд)"[10].

А.Э.Норденшельд - А.М.Сибирякову: "Я окончательно решил посвятить себя высокой идее установления морского сообщения между Атлантическим океаном и Сибирью, и я убежден, что как только появится возможность дешево экспортировать естественное сырье, лес и полезные ископаемые этой обширной части света, она приобретает будущее, которое можно сравнить с будущим севера Соединенных Штатов Америки, с которыми Сибирь имеет большое сходство по климату, плодородности земли... по богатству залежей полезных ископаемых"[11].

М.К. Сидоров предлагал также, что по Северному морскому пути при необходимости хлебные грузы могли бы доставляться и на север Европейской России. В названных записках губернаторам он писал: "В случае неурожая в Сибири или в Европейской России сделается возможною своевременная в ту или другую местность доставка хлеба, что также для общего благоденствия необходимо"[12].

Сторонники освоения Северного морского пути видели выгоды этого проекта для развития не только торговли, но и сельского хозяйства. Они правомерно считали, что открытие нового емкого рынка сбыта увеличит производство пшеницы в Западной Сибири[13].

"Подготовительный" этап реализации проекта завершился первыми удачными плаваниями к устьям сибирских рек в середине 70-х гг. XIX в. (Имеющиеся у нас сведения об экспедиционном и торговом освоении Северного морского пути во второй половине XIX в. сгруппированы в приложение).

Английский капитан Виггенс и шведский профессор Норденшельд доказали возможность сообщения Сибири с зарубежной Европой по морям Северного Ледовитого океана.

В речи, произнесенной 19 ноября 1875 г. на заседании Общества

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

для содействия русской промышленности и мореходству, Виггенс сказал: "Я отправился отыскивать желанный путь в надежде, что не только получу 2 тыс. фунтов стерлингов (такая премия была учреждена М.К.Сидоровым - Н.Е.), но и открытием важнейшего пути для вывоза из Западной Сибири в голодающую Архангельскую губернию дешевых хлебных продуктов, обращу на себя внимание русского торгового сословия и правительства"[14]. Этот английский капитан с 1874 по 1893 г. совершил 8 плаваний к устьям сибирских рек, 6 из них были удачны и носили торговый характер[15].

По имеющимся у нас сведениям, особенной интенсивностью плаваний по Северному морскому пути характеризовалась вторая половина 70-х гг. XIX в. Большинство этих сообщений шло через устье р. Оби. Среди русских купцов, предпринимавших в этот период времени активные попытки организации торговых экспедиций (торговля велась преимущественно с англичанами), следует назвать А.К.Трапезникова, М.Е. Функа, А.Щербакова.

Из-за частых скоплений льдов в Карском море далеко не все плавания были удачны. Так, с 1877 по 1886 г. из 34 отправившихся из Европы в Сибирь судов цели достигли 14[16].

В 80-е гг. число экспедиций пошло на убыль вследствие прежних неудачных плаваний. С нашей точки зрения, возможно, что определенную роль здесь сыграло отвлечение зернового потока на Уральскую железную дорогу. С 1886 по 1892 г. вывоз зерна по ней непрерывно рос. Если в 1886 г. со станции Тура было отправлено несколь сот тысяч пудов хлеба, то в 1889 г. - 1,5 млн. пуд., в 1890 г. - 2,5 млн. пуд., в 1891 - 3,93 млн. пуд., а в 1892 - 6,66 млн.пуд.[17]

Возможно также, что именно это было одной из причин увеличения интереса к исследованиям устья р. Енисей в 90-е гг. XIX в. Ряд экспедиций в Восточную Сибирь организовала в этот период времени учрежденная в 1889 г. в Англии Англо-Сибирская торговая компания.

Однако в середине 90-х гг. XIX в. западносибирские хлеботорговцы снова острее стали ощущать недостаток рынков сбыта для зерна. В результате повышения хлебного тарифа на Уральской железной дороге в конце 1893 г. вывоз сибирского хлеба за Урал стал существенно уменьшаться. В 1893 г. со станции Тура было отправлено 4,74 млн.пуд., в 1894 г. - 3 млн. пуд.[18]. Западносибирский рынок отреагировал снижением цен на зерновые в местах закупа их. В результате вывоз по Уральской железной дороге несколько увеличился и сос-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тавил со станции Тура в 1895 г. - 4,75 млн. пуд.[19]

Кроме того, анализируя проблему состояния рынков сбыта для сибирского зерна, следует учитывать соотношение спроса и предложения, а рост зернового производства в 90-е гг. в Западной Сибири значительно увеличивал последнее.

Поэтому, когда в 1897 г. Англо-Сибирская торговая компания организовала торговую экспедицию в устье р. Оби, это вновь оживило планы западносибирского купечества на установление прямого канала сбыта пшеницы и овса в Англию. И.И.Игнатов, И.И.Корнилов, Э.Р.Вардроппер заключили контракт с компанией, который предусматривал перевозку грузов сибирскими пароходами до бухты Находка Обской Губы, где их должны были принять на борт английские суда. Экспедиция закончилась успешно. Англичане реализовали свои товары и доставили в Англию 180 тыс.пуд. сибирского хлеба[20].

Материалы этой сделки публиковались на страницах сибирских газет и дают возможность оценить доходность такого рода предприятий. Сибирскими купцами было продано 120 тыс. пуд. пшеницы и 60 тыс. пуд. овса[21].

Произведем небольшой подсчет на основе следующих данных: цена пшеницы, которую запросили сибирские купцы - 50 коп. за пуд; фрахт до Лондона установленный англичанами - 36 коп. за пуд; страховка и другие расходы - 4 коп. за пуд.; цена пшеницы в Лондоне в 1897 г. - 126-130 коп. за пуд[22].

По условиям сделки Англо-Сибирская компания должна была продать хлеб в Англии, взять за фрахт, а оставшийся доход делился пополам между сибиряками и англичанами. Следовательно, выручка каждой стороны составила:

$$\frac{126(130)\text{ коп} - 50\text{ коп.} - 36\text{ коп.} - 4\text{ коп.}}{2} = 18(20)\text{ коп. за пуд}$$

Таким образом, доход от продажи пшеницы в Англии для каждой стороны приблизительно мог составить от 21,6 до 24 тыс. руб.

Произведем те же подсчеты по продаже овса: цена пуда овса, установленная сибирскими купцами - 30-35 коп. за пуд; цена пуда овса в Англии - 87-89 коп. за пуд.

$$\frac{87(89)\text{ коп.} - 30(35)\text{ коп.} - 36\text{ коп.} - 4\text{ коп.}}{2} = \text{приблизительно } 8\text{ коп.}$$

Такова выручка каждой стороны за продажу одного пуда овса в Англии, следовательно за продажу 60 тыс. пуд. прибыль могла составить

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

около 5 тыс. руб.

Кроме того, следует учесть, что английская компания получила еще прибыль за беспошлинный провоз собственных товаров. Сибирские же купцы могли получить дополнительный доход, играя на разнице внутрирегиональных цен. Так, в 1895/96 гг. пуд пшеницы в Семипалатинске и Барнауле стоил 27-30 коп., а провоз груза, например, от Бийска до Тюмени лишь 9 коп. с пуда[24].

Итак, каждая сторона от торговой экспедиции 1897 г. получила в целом не менее 26-29 тыс. руб.

Право на беспошлинный ввоз товаров в устья сибирских рек существовало с 1878 по 1898 г. и являлось одним из стимулов инициативы западноевропейских предпринимателей[25]. Однако с 1898 г. по распоряжению департамента торговли и мануфактур на этот вид торговли был распространен общеевропейский таможенный тариф. Эта мера была принята в русле политики протекционизма для собственной промышленности. Исключение делалось только для соли, угля и оборудования для золотопромышленности[26].

Уже с конца 1897 г. в Сибири стало известно о предполагаемой мере правительства. Так, томскому губернатору было об этом сообщено отношением департамента торговли и мануфактур от 2 августа 1897 г.[27] Сибирское купечество сразу же активно выступило против отмены беспошлинного ввоза.

Так, А. Щербаков в статье, опубликованной в "Сибирской торговой газете" от 9 октября 1897 г., писал: "Удача нынешней экспедиции в Обскую губу отнюдь не дает права считать этот путь вполне безопасным и постоянным, нужен опыт по крайней мере 5 лет благополучного плавания, чтобы признать его таковым. Тогда само собой разумеется явится доверие к этому пути, фрахтовые цены и страховые премии понизятся, торговля окрепнет и разовьется. Настоящее же положение вещей таково, что предприниматели-сибиряки и иностранцы несут на себе значительный риск, который более или менее вознаграждается предоставленным правом беспошлинного ввоза известных товаров, что дает возможность иностранцам отправлять из Европы свои пароходы не пустыми и налагать за доставку сибирских товаров - главным образом хлеба - относительно доступную цену. Все это изменится с отменой беспошлинного ввоза и сибирский хлеб вследствие неминуемо увеличенного фрахта едва ли может идти на европейские рынки по этому пути"[28].

"Сибирская торговая газета" от 6 декабря 1897 г. сообщала, что

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

в результате увеличения тарифа на перевозки по Уральской железной дороге в Тюмени к 1897 г. скопилось до 5 млн. пуд. хлеба. Сибирские купцы рассчитывали вывезти это зерно по Северному морскому пути. Однако отмена беспошлинного ввоза станет серьезной угрозой для реализации плана[29].

В то же время мнения на сибирских страницах газет разделились. Некоторые авторы отрицали право сибирских купцов на монопольное положение в общероссийской торговле и видели "опасность для Сибири сделаться отхожим полем для иностранных капиталистов"[30].

Тем не менее в декабре 1897 г. сибирские пароходчики и купцы направили министру финансов докладную записку с просьбой восстановить беспошлинный ввоз иностранных товаров в Сибирь[31].

На заседании томской городской думы 11 января 1898 г. была утверждена записка, составленная специальной комиссией томских купцов и промышленников. о мерах для стимулирования сибирской торговли Северным морским путем. В ней предусматривалось: 1) отмена или уменьшение пошлин с ввозимых иностранных товаров; 2) устройство в бухте Находка Обской Губы морского порта; 3) образование русского мореходного товарищества для плавания по Северному морскому пути; 4) изучение рек бассейна Оби с последующим составлением карт для пароходчиков; 5) организация в одном из городов Сибири торговой биржи с целью более правильного ценообразования.

Возможный вывоз хлеба из обского бассейна члены комиссии определяли в 10-12 млн. пуд., причем они считали, что "... даже низкие цены на заграничных рынках являются сравнительно высокими для сибирского производителя. Вывоз овса, засеваемого в средней полосе Сибири, только и возможен непосредственно заграницы (т.е. по Северному морскому пути, а не по железной дороге на перевалочные пункты, а потом в Лондон и Либаву - Н.Е.)..., так как дороговизна перевозки по железной дороге исключает возможность сбыта овса иным путем"[32].

Записка была подана в комиссию для обсуждения вопроса о способах поощрения вывоза местных продуктов Северным морским путем при департаменте торговли и мануфактур в Петербурге.

В результате предпринятых мер сибирским купечеством правительство расширило список иностранных товаров, необлагаемых или малооблагаемых пошлиной. В него вошли: сельскохозяйственные орудия труда, все фабричное оборудование, неводы и пряжа для них, жесть, оло-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

5, прованское масло для изготовления рыбных консервов, мешки для вывозимого зерна[33].

Итак, вопрос об освоении Северного морского пути занимал существенное место в планах сибирского купечества второй половины XIX в. и отражал поставленные экономическим развитием региона проблемы расширения объемов сибирской торговли, особенно хлебной, поисков новых рынков сбыта.

Приложение.

Экспедиционное и торговое освоение Северного морского пути во второй половине XIX в.

Год	Краткие сведения о плаваниях
1	2
1874	Английский капитан Виггенс на судне "Диана" пересек моря Северного Ледовитого океана и сделал остановку на острове Белом (Карское море).
1875	Шведский исследователь А.Э.Норденшельд на норвежском судне "Превень" вошел в устье р. Енисей.
1876	А.Э.Норденшельд повторно достиг устья р.Енисей на судне "Опыт".
1877	Сибирские купцы М.К.Сидоров и А.М.Сибиряков осуществили плавание через Северный Ледовитый океан и Карское море и привели пароход в устье р.Оби. Купец А.К.Трапезников отправил из Лондона в Сибирь свой пароход "Луиза" с грузом так называемых "колониальных" товаров. Пароход прибыл в Тобольск. Другое судно А.К.Трапезникова "Надежда" вышло из г.Тобольска и доставило в Лондон груз пшеницы.
1878	Виггенс достиг устья р.Оби на английском судне, закупил пшеницу и благополучно доставил груз по месту назначения. Кроме того еще два английских парохода привезли туда же свои товары, а приняли на борт груз пшеницы и пеньки. Судно "Сибирь" А.К.Трапезникова доставило из г.Тюмени в Лондон груз сала.
1879	Виггенс осуществил плавание к устью р.Оби по Северному морскому пути и организовал обмен товаров. Из Тюмени в Лондон отправились с грузом пшеницы, сала и спирта суда А.К.Трапезникова "Надежда", "Обь" и "Тюмень" в сопровождении парохода "Луиза". Экспедиция кончилась

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

1	2
	неудачно. Судно "Тюмень" село на мель в Обской губе, остальные затонули.
1880	В г.Томск с товарами на борту прибыло английское судно "Кнопп"
без точной даты	На рубеже 70-80-х гг. XIX в. купцы Ф.Бунк и А. Щербаков зафрахтовали в Лондоне 4 парохода и отправили их из Гулля в устье р.Оби с грузом английских и французских товаров. Навстречу из гг. Барнаула и Бийска вышли пароходы Тюфина с баржами, нагруженными 220 тыс. пуд. пшеницы. Однако из-за скопления льдов английские пароходы вынуждены были вернуться в Англию.
1889	Образованная в этом году в Англии Англо-Сибирская торговая компания организовала плавание в устье р.Енисей. Однако достичь устья не удалось.
1890	Пароходы Англо-Сибирской торговой компании вошли в устье р.Енисей. Были проданы английские товары и был принят на борт обратный груз.
1893-1896	Англо-Сибирская торговая компания организовала ряд экспедиций в устье р.Енисей.
1897	Пароходы Англо-Сибирской торговой компании вошли в Обскую Губу. Представители компании закупили у сибирских купцов 180 тыс. пудов хлеба. Груз был доставлен в Англию.

Приложение составлено по: ГАТО.-ф.48.-Оп.1.-Д.56.-Л.32 об.; Волости и населенные места 1893 года. Вып.10. Тобольская губерния.-СПб., 1895.С.184; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 год.-Томск,1896. С.30; Сибирская газета. 1897. № 16, 14, 77, 75, 120; Соболев М. Пути сообщения в Сибири// Сибирь, ее современное состояние и ее нужды.-СПб.,1908. С.35; Бородавкин А.П., Говорков А.А. К истории торгового и торгово-ростовщического капитала в Сибири (1861-1891)// Вопросы истории Сибири.-Томск,1965. Вып.2. С.55.

Примечания:

1. Сибирский листок. 1896. № 76.
2. См.: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг.-Л., 1978. С.179-185.
3. Там же. С.184.
4. Там же. С.185-186.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

5. Цит.по.: Студитский Ф. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива.-СПб.,1883. С.144.
6. Сибирская торговая газета. 1897. № 120.
7. См.: Студитский Ф. Указ.соч. С.39-47.
8. Востротин С. Северный морской торговый путь в Сибирь // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С.341.
9. Студитский Ф. Указ. соч. С.150-165.
10. Цит. по: Студитский Ф. Указ. соч. С.144.
11. Фаренгольц И.В. Неопубликованные письма А.Э.Норденшельда к А.М.Сибирякову// История географических знаний и открытий на севере Европы.-Л.,1973. С.132.
12. Цит. по: Студитский Ф. Указ.соч. С.39.
13. Там же. С.165.
14. Там же. С.174-175.
15. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 г.-Томск, 1896. С.30.
16. Востротин С. Указ. соч. С.342.
17. Докладная записка начальнику Екатеринбург-Тюменской железной дороги хлеботорговцев, мукомолов и пароходовладельцев Тюменского округа от 24 апр. 1896 г. // Сибирский листок. 1896. № 76; Сибирский листок. 1896. № 63; Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10. Тобольская губерния.-СПб.,1895. С.190.
18. Сибирский листок. 1896. № 63,76.
19. Там же. 1896. № 76.
20. Сибирская торговая газета. 1897. № 16.
21. Там же.
22. ГАТО.-Ф.233.-Оп.2.-Д.2497.-Л.11 об.; Сибирская торговая газета. 1997. № 16.
23. Там же.
24. Сибирский листок. 1896. № 76; Сибирская торговая газета. 1897. № 120.
25. Востротин С. Указ.соч. С.341.
26. ГАТО.-Ф.233.-Оп.1.-Д.2497.-Л.2 а.
27. Там же.
28. Сибирская торговая газета. 1897. № 75.
29. Там же. 1897. № 120.
30. Там же. 1897. № 125.
31. Там же. 1897. № 120.
32. ГАТО.-Ф.233.-Оп.2.-Д.2497.-Л.2 а-11 об.
33. Там же. Л.8.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Прон н В.И.

ВЫВОЗНАЯ ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сибирь географически, экономически и исторически развивалась как неотъемлимая составная часть Российского государства. Оставаясь далекой земледельческой окраиной, она являлась важным рынком сбыта промышленных товаров Европейской России, в обмен на которые вывозилось сельскохозяйственное сырье, пушнина, золото. Естественно, всесстороннее изучение экономических связей Сибири с европеской частью страны представляет большой на ный интерес.

В настоящее время данная проблема исследована слабо. В общих работах социально-экономического цикла приводится лишь некоторый материал о вывозе сельскохозяйственного сырья из Сибири, на основании которого не представляется возможным составить целостную картину по рассматриваемому вопросу. Статистические сведения об этом не были проанализированы даже в таком капитальном труде, каким является "Крестьянство Сибири в эпоху капитализма" (Новосибирск, 1983). Более того, говоря о развитии торгового земледелия в 1880 - начале 90-х гг., в работе ошибочно утверждается, будто "основная часть сибирского хлеба шла в Европейскую Россию"[1].

В книге Т.М.Китаниной обстоятельно проанализирована политика правительства в области тарифного хлебного законодательства[2]. Раскрывая противоречивый подход реформаторов к быстро развивающимся земледельческим окраинам страны, она убедительно показала, что в тарифном вопросе в конечном счете верх брали интересы казны и помещиков. Но Т.М.Китанина не задавалась целью проследить, как тарифное законодательство влияло на вывоз хлеба из Сибири. Не может отвечать поставленной задаче и материал, приведенный в работе Э.М.Мильман[3].

Было бы неправильным считать, что до строительства Сибирской железной дороги в Сибири был период беспредельного господства натурального хозяйства. Сибирская деревня уже в это время была втянута в рыночные отношения. Однако хлебные продукты составляли почти исключительно предмет внутренней торговли. Пермь-Тюменская железная дорога, служившая в течение 1885-1886 гг. соединительным звеном между водными системами Обь-Иртышской и Волжско-Камской, не оправдала больших надежд на оживление сибирского края вследствие слабой пропускной способности рек Тобола и Туры, кратковременности навигации, высоких железнодорожных тарифов, излишней длины го-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

горнозаводского участка, который к тому же по своим уклонам, расположению станций и прочности пути не был приспособлен для транзитного движения сибирских товаров[4]. Она не вызвала качественного перелома в грузообороте между европейской и азиатской частями страны. Конечные сибирские станции Тура и Тюмень собирали только грузы междуречной территории, они не стали "воротами" всей Сибири для вывоза сибирского хлеба за Урал. Их грузооборот был невелик: в 1887 г. станция Тура отправила и получила около 4,3 млн. пуд. различных грузов, в 1890 г., включая станцию Тюмень - 9,2 млн. и в 1891 - 1895 гг. - в среднем 14 млн. пуд.[5] Этим по существу исчерпывался весь товарообмен между Сибирью и Европейской Россией, если не считать небольшое количество товаров, отправляемых с Ирбитской и Крестовской ярмарок промежуточными станциями.

Западная Сибирь стала отправлять хлеб в Европейскую Россию только в конце 1880-х гг. Так, в 1888 г. станция Тюмень и Тура отправили на Урал 5 млн. пуд., а в 1889 г. - 3,25 млн. пуд., из которых на реку Каму для следования в Европейскую Россию перешло соответственно 196 тыс. и 400 тыс. пудов хлеба. Впервые сибирский хлеб достиг Петербургского порта в 1892 г., откуда 10 млн. пуд. его было отправлено за границу[6]. Но этот вывоз был вызван чрезвычайными обстоятельствами: сильной засухой, охватившей многие губернии европейской части страны в 1891 г. При нормальном урожае излишки хлеба в Западной Сибири к 90-м гг. составляли 10-15 млн. пуд., из которых на вывоз шло не более 2-3 млн.[7] Это немного даже в сравнении с потребностью в хлебе одного лишь Уральского горного района. Дело в том, что с открытием в 1879 г. движения по Уральской горнозаводской железной дороге (Пермь-Екатеринбург) "стало более выгодным снабжать заводы прямо из Екатеринбурга, через Кушву и другие пункты; прилегающие к линии"[8]. Теперь Урал снабжался главным образом хлебом Челябинского и Троицкого уездов, из которых 5 млн. пуд. направлялось к Екатеринбургу, откуда затем он шел по железной дороге в места назначения. Раньше этот хлеб отправлялся в основном в Киргизские степи и частично на ближайшие Кыштымские, Сысертские и Уфалейские заводы[9]. И все же значение сибирского хлеба для Урала в это время не стоит преуменьшать. Он доставлялся к Екатеринбургу гужевым транспортом из южной части Тобольской губернии через Курган и Шадринск, а также по Иртышу-Тоболу и Туре из южных округов Западной Сибири через Тюмень и Камышлов. С постройкой железнодорожной ветки Екатеринбург-Тюмень (1885 г.) сибирский хлеб получил прямой выход к Уралу, не прибегая к услугам дорогого гужевого транспорта. По Обь-Иртышской водной системе он шел к Тюмени, а далее - по же-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

лезной дороге на уральские заводы и в Пермь. В Тюмени же производилась сдача хлеба, проданного на Ирбитской ярмарке. Здесь складировались и его остатки при переполнении хлебного рынка.

Заводы Богословского горного округа частично потребляли хлеб Тарского округа, который отправлялся по Иртышу - Тоболу - Тавде и ее притокам - Сосьве и Лозьве. В низовья Оби хлеб доставлялся на пароходах для местного населения, но большая его часть волоком переправлялась через Урал в Печорский край[10].

Таким образом, Уральский горный район не мог оказать сильного воздействия на развитие торгового земледелия в Западной Сибири. Ее хлебородные округа находились слишком далеко от него. Требовалось время и значительные расходы, чтобы хлеб нового урожая Сибири был доставлен на уральские заводы. Из основной житницы - Алтая - его отправляли на пароходах весной - летом следующего года. Поэтому в первую очередь на Урал шел хлеб из ближайших хлебородных уездов. Сибирский хлеб являлся резервным, он восполнял недостаток местного производства и только в неурожайные годы в Оренбургской и Пермской губерниях был незаменим.

Сибирская железная дорога, сдававшаяся в эксплуатацию отдельными участками в 1896 и 1898-1899 гг., ускорила темпы экономического развития Сибири, расширила емкость внутрисибирского рынка и в тоже время приблизила рынки Европейской России и зарубежных стран для сибирского сырья. Сибирь перестала быть замкнутой территорией, рос удельный вес и роль ее хозяйства во всероссийском рынке.

Вначале предполагалось, что количество всех грузов, которые возьмет на себя сибирская железная дорога, составит 922 тыс. пудов. Но уже в 1896 г. оно достигло 6124 тыс. пуд., а в 1897 г. - 21378 тыс.[11] Со сдачей в постоянную эксплуатацию участка Обь-Иркутск перевозки малой скорости увеличились до 39,8 млн. пуд. в 1899 г.[12] К 1905 г. они выросли вдвое, а к 1908 г. - втрое, составив соответственно 79,2 млн. и 119,1 млн. пуд.[13] В предвоенном 1913 г. по Сибирской железной дороге было перевезено малой и большой скоростью 226,2 млн. пуд. различных грузов, по Омской дороге, образованной с завершением строительства в 1913 г. железнодорожной ветки Тюмень-Куломзино - 7,3 млн. и по Забайкальской - 65,2 млн. пуд.[14]

Стало быть, развитие экономических связей между Сибирью и Европейской Россией в конце XIX - начале XX в. происходило на основе установившегося массового грузооборота. Благодаря железной дороге

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

е связи носили постоянный и все углубляющийся характер.

Наполовину и более перевозки железных дорог в Сибири состояли из хлебных грузов. Однако из Сибири вывозилась лишь небольшая часть хлебных остатков. Сибирский хлеб был дешевле хлеба помещичьего центрально-земледельческого района на 20-25%[15]. Идя навстречу требованиям помещиков, виттевское тарифное законодательство в 1896 г. пошло на установление "челябинского "перелома", согласно которому для хлебных грузов, идущих из Сибири, Челябинск становился как бы начальной станцией отправления. Это была довольно высокая дань, установленная на сибирских земледельцев. Она позволяла получать царской казне с каждых 12 млн. пуд. вывезенного из Сибири хлеба дополнительно 1 млн. руб. дохода[16].

Из-за высокой провозной платы сибирский хлеб не мог выдержать в столичных и портовых городах конкуренцию с хлебом хлебородных местностей Европейской России. При всех других равных условиях, только из-за расходов на железнодорожные перевозки каждый пуд хлеба из района Новониколаевска следовало продать на московском рынке на 30,8 коп., а на рижском и петербургском рынках - на 30,35 коп. дороже, чем самарский хлеб. Вследствие этого надежды, что железная дорога широко откроет для хлеба Сибири рынки Европейской России не оправдались. При сильных неурожаях в стране он направлялся в центральные губернии и на Урал, а в урожайные годы - в Приуралье и Котлас[17]. Эта общая картина видоизменялась в зависимости от урожаев, которые получала сама Сибирь. Во время неурожаев, как в 1901 и 1902 гг., ей самой пришлось ввезти 7,3 млн. и 10,3 млн. пуд. хлеба[18].

Открытие регулярного движения на западном участке сибирской железной дороги совпало с благоприятной конъюнктурой на мировом хлебном рынке. Из-за плохого урожая пшеницы в Европейской России и в зарубежных странах в 1895 г. заграничные экспортеры обратили внимание на сибирскую пшеницу, выслав несколько пробных партий на европейские рынки. Качество сибирской пшеницы оказалось превосходным, и с начала хлебной кампании 1896 г. в район сибирской железной дороги явилась масса агентов, зачавшихся усиленной заготовкой хлеба. Цены в Англии стояли в это время высокие, что, естественно, способствовало их росту и в портовых городах России. Если в 1895 г. в балтийских портах средняя цена пшеницы составляла 73 коп. за 1 пуд, то в 1896 г. - 78,4 коп., в 1897 г. - 97,5, в 1898 г. - 108,4 коп.[19] Привлеченные высокими ценами сибирские крестьяне начали

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

охотно подвозить хлеб к железнодорожным станциям. Сибирская железная дорога не успела перевезти нахлынувший хлеб. Он складывался в мешках прямо на снег, в морозы строились временные настилы и шатры, экстренно заказывались брезенты для укрытия его от непогоды. К февралю 1897 г. залежи пшеницы на западном участке дороги достигли свыше 3 тыс. вагонов. Тем не менее после обозначившегося неурожая в Европейской России в 1897 г. и высокого спроса для заграничного вывоза летом начинается новое оживление в закупках сибирского хлеба. Залежи на станциях невывезенного хлеба увеличились до 4 тыс. вагонов к ноябрю 1897 г. и до 6,5 тыс. к апрелю 1898 г.[20] В общем итоге в 1896 г. железной дорогой было отправлено в Челябинск 7,4 млн. пуд. хлебных грузов, из которых в порты ушло 3,8 млн.[21] На следующий год вывоз хлеба из Сибири был уже в несколько раз больше: в балтийские порты, включая Данциг и Кенигсберг, 10637,6 тыс. пуд., на западные пограничные станции для вывоза преимущественно в Австрию - 785,6 тыс. и в Европейскую Россию - 2526,1 тыс. пуд.[22] Кроме того, хлеб отправлялся по Пермь-Тюменской дороге.

В связи с неурожаем во многих местностях Европейская Россия предъявляла большой спрос на сибирский хлеб и в 1898 г. По Сибирской железной дороге его было вывезено 16,0 млн. пуд., причем на Пермь-Тюменскую дорогу было передано 1690 тыс., а остальной хлеб в количестве 14312 тыс. пудов ушел по Самаро-Златоустовской дороге на внутренний рынок и за границу. Что же касается внутренних перевозок хлеба с одной станции на другую в пределах Сибирской дороги, то они были пока невелики, составляя 3819 тыс. пуд.

Пермь-Тюменская железная дорога обслуживала Уральский горный район. Поэтому закономерно, что хлеб, идущий по этой дороге, предназначался главным образом для снабжения местного населения: в том же 1898 г. на ее станции прибыло 17374 тыс. пуд. хлеба собственной погрузки и 1655 тыс. пуд. с других железных дорог, сама же передала другим дорогам - 1731 тыс. пуд. Именно сибирские станции отгружали в это время основную массу хлеба: Тюмень - 2785 тыс. и Тура - 8193 тыс. пуд.[23]

Сибирская железная дорога усиленно вывозила хлеб и в начале 1899 г., но с апреля цены на него в балтийских портах и на заграничных рынках сильно упали. Заграничные фирмы закупку хлеба прекратили, и вывоз его из Сибири упал до 3369,6 тыс. пуд., из которых 2672,9 тыс. пуд. поступило за границу и 696,7 тыс. в евро-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

пейскую часть страны[24].

Таким образом, благодаря благоприятной конъюнктуре, сложившейся на европейских рынках, Сибирь сразу же с открытием железной дороги дала на экспорт значительное количество хлеба. На вывоз шла одна пшеница и, подчеркнем, с ближайших от Челябинска станций. В 1897 г. например, почти 9,5 млн. пуд. хлеба, или более 2/3 всего вывоза, отправлялось по железной дороге с участка Челябинск-Курган, расстояние между которыми всего лишь 242 версты, и более 2 млн. пуд из района Курган-Петропавловск. С дальних участков дороги - Омск-Ишим и Каинск-Кривощеково - было вывезено только 2,12 млн. пуд.[25] Такое распределение хлебных грузов по станциям отправления не случайно: провозная плата до балтийских портов 1 пуда хлеба дешевле от Кургана на 15,45 и 21,61 коп., чем от Оби и Красноярска[26]. Поэтому хлеб из главной житницы Сибири - Алтайского округа - и Семипалатинской области в основной своей массе не шел на Сибирскую железную дорогу, а провозился мимо нее по рекам, как более дешевому пути, через Тюмень на Урал и далее на запад. Для минусинского хлеба не было выхода ни в западном, ни в восточном направлениях. Отметим, что первоначально для хлеба, идущего со станций Средне-Сибирской дороги (Обь-Иркутск) в западном направлении, были установлены два перелома: на станциях Обь и Челябинск. В этом случае только до Челябинска провозная плата 1 пуда хлеба составляла: от Ачинска - 44,9, а от Красноярска - 57,8 коп.[27]

Стоило на европейских рынках ценам стабилизироваться на более низком уровне, как сибирская пшеница даже с ближайших от Челябинска станций с трудом выдерживала большую провозную плату до балтийских портов. Не только в 1899 г., но и в 1900-1909 гг. хлеба из Сибири на экспорт через Балтийские порты поступало меньше, чем в 1897-1898 гг. (табл.1). Рожь и овес не попадали на европейские рынки вообще, так как цены на эти хлеба в балтийских портах и промышленных центрах не всегда возмещали затраты по перевозке и закупке их на местах производства, не говоря уже о получении прибыли на вложенный капитал. В западном направлении предельным районом сбыта ржи и овса из Сибири являлись Урал, Уфимская, Пермская и Вятская губернии, причем в вывозе участвовали станции, находящиеся между Челябинском и Исилькулем.

Крупяные культуры возделывались в Сибири в ограниченном количестве, так что местное население само нуждалось в подвозе круп из

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

других районов страны.

Одна постановка вопроса об отмене челябинского "перелома" вызывала страх у земледельцев и хлебных торговцев Европейской России. При общем пересмотре железнодорожных тарифов 1900 г. был отменен он в обратном направлении, то есть при ввозе хлеба в Сибирь. Вывозная тарифная формула для сибирского хлеба оставалась без изменений. Новая предельная ставка, установленная на расстояниях свыше 2779 верст, - 1/80 коп. с пуда-версты вместо прежней 1/115 коп. на расстояниях свыше 1120 верст[28], еще более повышала плату за провоз сибирского хлеба в балтийские порты со станций восточнее Новониколаевска. Царское правительство пыталось направить сибирский хлеб за границу по северному пути - через Котлас и Архангельск, чтобы не допустить падение цен на внутренних рынках и в портовых городах. С этой целью по инициативе министерства финансов была сооружена Пермь-Котласская железная дорога, временное движение по которой началось с 1 января 1898 г. После соединения ее с Пермь-Тюменской дорогой Западная Сибирь получила прямой выход к заграничным рынкам через Северную Двину и Архангельский порт.

Таблица 1.

Вывоз пшеницы, ржи, овса и пшеничной муки Сибирской железной дорогой, тыс. пудов[x]

Годы	всего	Вывезено на внутренние рынки	Вывезено за границу	Экспортировано через порты: Балтийского моря	Экспортировано через порты: Белого моря	Экспортировано через порты: остальные пункты
1903	11103,4	8107,8	2995,6	2619,7	290,6	85,3
1904	19457,9	11789,2	7668,7	3567,7	3743,2	357,8
1905	18312,6	10965,1	7347,7	4476,0	2672,5	199,2
1906	26102,7	20088,3	6014,4	1480,1	4315,9	218,4
1907	45521,3	43705,6	2815,7	1621,8	996,7	197,2
1908	38855,2	33927,8	4927,4	3612,9	1175,1	139,4
1909	34646,6	20494,6	14152,0	3829,7	9825,6	496,7

x Таблица составлена по: Приложение к очерку развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1900 по 1909 гг.- Б.М., б.г. Карт. 17.

На Пермскую железную дорогу (1 января 1900 г. Пермь-Котласская и Пермь-Тюменская дороги были переименованы в Пермскую) не распространялась челябинская тарифная формула. Более того, при пересмотре тарифов 1900 г. для Пермь-Котласской линии были введены льготные тарифы на хлебные грузы, благодаря которым провозная плата с

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

каждого пуда зерна из Западной Сибири до Лондона уменьшалась на 3-4 коп.[29] Пониженные тарифы действовали также при перевозке хлеба в Котлас-Сибирской железной дорогой на участке Челябинск-Мамлютка (450 верст): они понижались для некоторых станций до 1/87 коп. с пудо-версты.

Вятьмь-Котласская линия была оборудована пакгаузами и зернохранилищами. В 1898 г. в Архангельске начало работать комиссионно-транспортное агенство с отделением в Котласе для осуществления комиссионно-ссудных операций и организации вывоза хлеба на баржах до Архангельска и далее - на пароходах за границу. Агенство брало заказы у иностранных фирм, закупало хлеб, хранило его до отправления по железной дороге, фрахтовало суда. Но перевозками грузов по Северной Двине занималось общество "Котлас-Архангельск-Мурман". Фирма "Виллиам Моллер и К°" в Роттердаме обязалась согласно подписанному соглашению содержать срочные рейсы между Архангельском и Роттердамом, Амстердамом, Антверпеном, Бременом, Гамбургом, Лондоном, Гулем и другими портами. Кроме того, морскими перевозками занималось "Архангельско-Мурманское срочное пароходство" в Петербурге. Фрахты от Архангельска разрешалось устанавливать вдвое выше в сравнении с провозной платой от Петербурга[30]. До 1 августа они составляли с 1 пуда пшеницы 10 коп., овса - 11,5 коп., ржи - 9,75 коп. и ячменя - 10,75 коп; да по Северной Двине от Котласа до Архангельска - 3 коп.[31] Таким образом, при смешанном сообщении стоимость перевозки каждого пуда пшеницы (без дополнительных расходов) от Барнаула до Лондона составляла через Тюмень-Котлас-Архангельск - 47,7 коп.[32] против 62,8 через Новониколаевск-Челябинск-Петербург. С учетом дополнительных издержек, которые при экспорте через Архангельский порт были на 9 коп. выше, разница в транспортных расходах по указанным направлениям уменьшится до 6,1 коп. в расчете на 1 пуд.

Доставка хлеба (с дополнительными расходами по транспортировке и хранению зерна) от Новониколаевска до Котласа и далее по реке до Архангельска обходилась на 12,4 и 8,24 коп. дешевле, чем по Сибирской железной дороге до Риги и Нового Порта, а от Омска - соответственно на 11,41 и 7,25 коп.[33]

Казалось, Пермская железная дорога открывала неограниченные возможности для экспорта сибирского хлеба в северном направлении. Однако ожидаемых результатов указанные меры правительства не дали. Северное направление для экспорта хлеба было очень неудобно. Хлеб нового урожая, идущий к Котласу, можно было реализовать на иностран-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ных рынках не ранее июня-июля следующего года[34]. "Неоднократные перегрузки в пути следования и длительное хранение зерна на складах приводили не только к неизбежным потерям и порче некоторой части его: нужно было иметь и большие капиталы, чтобы вести торговлю при медленном, почти годовом обороте. Поэтому хлеботорговцы иногда предпочитали отправлять сибирский хлеб в Архангельский порт кружным путем через Самару-Москву вместо пути через Котлас. Так, в 1904 г. сплошным рельсовым путем прибыло в Архангельск 1612 тыс. пуд. пшеницы, в 1905 г. - 818 тыс. пуд.[35]

Экспортом через Котлас занимались крупные фирмы, которые отправляли хлеб большими партиями. Мелкие хлеботорговцы были не в состоянии выдержать накладные расходы.

Стало быть, открывшийся для сибирского экспорта Архангельский порт кардинально не решал извечный для Сибири вопрос - проблему сбыта продукции земледелия. Через Архангельский порт вывозилось немного сибирского хлеба 990,1 тыс. пуд. в 1899 г. и 1430,7 тыс. в 1900 г.[36]

Данные об общем вывозе сибирского хлеба за 1900-1901 гг. не представляют особого интереса, так как это были неурожайные годы, а потому Сибирь должна была сама ввозить хлеб. В течение следующих 7 лет (1903-1909 гг.) вывозная хлебная торговля Сибири увеличилась в 3-4 раза (см. табл. 1), причем рост шел скачкообразно, находясь под решающим воздействием урожая, собранного в Западной Сибири, и конъюнктуры хлебного рынка в европейской части страны. Так, увеличению вывоза хлеба из Сибири в 1904 г. способствовал высокий урожай в западносибирских губерниях. В 1906-1907 гг. он был вызван уже другой причиной: неурожаями хлебов в Европейской России. Спрос в это время внутри страны был так велик, что экспорт сибирского хлеба упал до 2,8 млн. пуд. в 1907 г. и 4,9 млн. пуд. в 1908 г. Вывозу за границу не содействовала и новая железная дорога Петербург-Вологда-Вятка (1906 г.), которая облегчала выход сибирскому хлебу к балтийским портам. С получением хорошего урожая в стране в 1909 г. вновь отпала нужда в хлебе из Сибири в Европейской России, и его вывоз на внутренние рынки упал более чем наполовину в сравнении с 1907 г. Меняются в связи с этим и маршруты хлебных грузов, идущие из Сибири в западном направлении. Если в неурожайные годы для страны Сибирская железная дорога передавала их на Самаро-Златоустовскую дорогу в голодающие губернии, то в урожайные годы - на Пермскую дорогу. В 1906 г., напри-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

м), с Сибирской железной дороги перешло на Самаро-Златоустовскую дорогу 16,4 млн. пуд. хлеба, а в 1909 г. только 7,8 млн., тогда как на Пермскую дорогу - соответственно 7,7 млн. и 20,5 млн. пуд.[37] Вывоз в Архангельск достиг 9,8 млн. пуд. против 1-4 млн. в предшествующие годы. Отчасти этому способствовало сооружение спрямляющего участка - железнодорожной линии Пермь-Екатеринбург через Кунгур (1909 г.).

В зоне экономического влияния Пермской железной дороги имелись 3 района, производящих излишки хлеба. Первый район (центр Челябинск) находился в Оренбургской губернии. В 1906 г. из него было вывезено 4,5 млн. пуд. хлеба, да кроме того, с Сибирской и Самаро-Златоустовской железных дорог ежегодно переходило несколько миллионов пудов на передаточную станцию Челябинск для дальнейшего следования по Пермской дороге[38].

Другой район располагался в пределах линий Екатеринбург-Тура и Богданович-Синарская. На одном конце этого района находился крупный железнодорожный узел и промышленный центр Екатеринбург, на другом - Тюмень и Тура, принимавшие хлебные грузы с Обь-Иртышской водной системы. Как правило, станция Екатеринбург отгружала хлеба меньше, чем принимала, лишь иногда соотношение между отправлением и прибытием хлебных грузов складывалось в обратную сторону. Роль Екатеринбурга заключалась в другом: он переотправлял на Челябинск-Котласскую линию весь хлеб, оставшийся за удовлетворением местных потребностей, со станций железнодорожной линии Екатеринбург-Тура. В 1906 г. обмен хлебными грузами между ними выглядел таким образом: если первая передала второй 1630 тыс. пуд., то вторая, включая линию Богданович-Синарская, - 11920 тыс. пуд. Наибольшее количество хлеба вывозили станции: Камышлов - 4362 тыс. пуд., Поклевская - 1495 тыс., Баженово - 1075 тыс., Синарская - 2311 тыс. пуд. Станции Тура и Тюмень дали Уралу в 1906 г. мало хлеба: 541 тыс. и 704 тыс. пуд., что было вызвано временным сокращением хлебных перевозок водным транспортом в связи с загруженностью речного флота военными перевозками во время русско-японской войны. Свидетельство тому - в 1904 г. в Тюмень и Туру прибыло по Обь-Иртышской системе лишь 780 тыс. пуд. хлеба, в 1905 г. - 640 тыс. и в 1906 г. - 530 тыс. пуд.[39] После войны станции Тюмень и Тура быстро восстанавливают свое прежнее положение крупных передаточных пунктов хлеба на железную дорогу. Так, в 1909 г. они передали ей 4,4 млн. пуд.[40]

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Третий район находился в Пермской и Вятской губерниях, между станциями Григорьевская и Фаленки. Но он не шел ни в какое сравнение с двумя первыми районами, ибо с его станций в 1906 г. отправлялось только 2454 тыс. пуд. хлеба, но в тоже время сгружалось 650 тыс. пуд.

Следуя по Челябинск-Котласской железнодорожной ветке, хлеб сгружался в промышленных центрах, где концентрировались значительные контингенты рабочих. В особенности большая потребность в нем была в местностях, по которым проходила старая горно-заводская железнодорожная линия Екатеринбург-Пермь, на станции которой в 1906 г. прибыло 8,8 млн. пуд., а с учетом хлеба, переданного Богословской железной дороге и линиям Чусовская-Солеварни и Лысьва-Лысьвенский завод, - 10,6 млн. пуд. Наиболее крупные партии хлеба направлялись в Невьянск - 429 тыс. пуд., на Гороблагодатские заводы - 2,1 млн., Левшинскую пристань - 2,1 млн. и в Пермь - 1,9 млн. пуд., куда кроме того, и на пароходах прибыло почти 1,3 млн. пуд. из Самары, Сызрани, Казани и других пристаней[41].

На участке от Перми до Вятки лишь одна Вятка нуждалась в большом количестве привозного хлеба. В 1906 г. она приняла 1,6 млн. пуд., да с Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги сюда поступило 411 тыс. пуд.

В Архангельск доставлялось ежегодно на пароходах (тыс. пуд.):[42]

1901 г. - 6435	1904 г. - 6560	1908 г. - 2305	1911 - 6780
1902 г. - 3171	1905 г. - 9943	1909 г. - 8789	1912 - 1543
1903 г. - 3216	1906 г. - 10338	1910 г. - 4375	1913 - 4080

Этот хлеб доставлялся не только из Котласа. В 1906 г. на его долю приходилось 86,4% всех хлебных грузов, прибывших в Архангельск по Северной Двине, а в 1913 г. - 55,3%[43].

Таким образом, приведенные материалы опровергают вывод Т.М.Китаниной о правильности северного направления для экспорта сибирского хлеба[44]. С доведением Пермской железной дороги до Котласа решалась проблема снабжения сибирским хлебом Архангельского края и Северодвинского округа, что оказало благоприятное влияние на экономическое развитие этих территорий. Но активизировать значительным образом российский экспорт хлеба в северном направлении этим не удалось. Дополнительно несколько миллионов пудов хлеба из Сибири к общероссийскому экспорту погоду не делали. Более того, в предвоенные годы экспорт сибирского хлеба через Архангельск сокра-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тился.

В 1911 г. Челябинский переломный тариф был снижен на 40%, в 1912 г. - на 70%, а с I августа 1913 г. отменен вообще. Это была запоздалая и малоэффективная мера. Сибирь находилась слишком далеко от европейских рынков, а потому транспортные расходы при обычном тарифе были чрезвычайно велики. По расчетам Новониколаевского биржевого комитета, видно, что с учетом дополнительных сборов, посреднической прибыли и подвоза к станциям Сибирской железной дороги первоначальная стоимость пшеницы в Риге увеличивалась в три раза. Ее следовало продать по 122,5 коп. за I пуд: 37,9 коп. - расходы крестьянского хозяйства, 12,6 коп. - расходы по доставке к станции железной дороги, 10 коп. - предпринимательская прибыль и проценты на затраченный капитал, 51 коп. - железнодорожный тариф и расходы по сбыту на рижском рынке и 11 коп. - оплата за услуги посреднику. Средние же цены на рижском рынке в 1913 г. были: в сентябре-октябре - 107 коп., в январе - апреле - 124,5 коп., в мае-августе - 111,3 коп.[45] Чтобы экспортировать алтайский хлеб через балтийские порты, следовало купить его по заниженной цене в местах производства или не платить крестьянину за подвоз хлеба к рынку. Другое направление сибирского хлеба к балтийским портам через Омск-Тюмень-Екатеринбург-Пермь-Вятку-Вологду[46] протяженностью 3481 верста от Оби до Петербурга было не намного короче, чем при передаче грузов с Сибирской на Самаро-Златоустовскую дорогу (3639 верст). Поэтому провозная плата от Оби до балтийских портов по северо-западному направлению была высокой: до Петербурга - 42,38 коп., Риги - 49,36, Либавы - 52,04 коп. за пуд[47]. Это всего лишь на 2-3 коп. дешевле в сравнении с перевозками (без перелома) через Челябинск. Тем не менее сибирский хлеб при следовании в балтийские порты все более переходил в предвоенные годы на северо-западное направление. Его сюда привлекали также рынки Урала и Северного края, которые постоянно нуждались в привозной сельскохозяйственной продукции. Подтверждением тому являются данные железнодорожной статистики, согласно которым передача хлебных грузов Сибирской дорогой выглядела таким образом (в тыс. пуд.)[48]:

На железные дороги:	1912 г.	1913 г.
Самаро-Златоустовскую (западное направление)	3600	4392
Омскую и Пермскую (северо-западное направление)	16972	30128
Забайкальскую (восточное направление)	6460	10319

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Как видим, вывоз хлеба из Сибири в западном направлении перед первой мировой войной был ничтожным, составляя I/10 часть общего количества. Пермская дорога, соединенная с железнодорожной веткой Петербург-Вятка, облегчили перевозки его в порты в северо-западном направлении. Но и это все-таки для Сибири не решало проблему рынка. Она находилась слишком далеко от промышленно развитых районов, которые нуждались в ее сельскохозяйственном сырье. Железнодорожный тариф, установленный в размерах эксплутационных расходов железных дорог России I/75 - I/80 коп. с пудо-версты, с учетом дополнительных сборов, посреднической прибыли на затраченный капитал и подвоза к станции железной дороги становился запретительным в отношении сибирского хлеба[49]. По этой причине исследователи 1920-х гг. даже считали, что Сибирь "невыгодно включать в межрегиональные связи"[50]. Вместо вывоза пшеницы они предлагали развивать продуктивное животноводство и увеличивать собственное потребление через индустриализацию края. Вполне естественно, что в начале XX в. сибирский хлеб вывозился главным образом в приуральские и северные губернии Европейской России и в Забайкалье.

Восточная Сибирь и Дальний Восток не прокармливали себя собственным хлебом. Для удовлетворения потребностей населения Забайкалья в 1912 г. не хватало 8,3 млн. пуд., а Дальнего Востока - 8,I млн. пуд. хлеба[51]. Поэтому понятно, почему Сибирская железная дорога перед первой мировой войной передавала Забайкальской дороге хлебных грузов в 2 и более раз больше, чем Самаро-Златоустовской дороге.

Железнодорожный тариф от станции Обь до Иркутска составлял 26,02 коп. за I пуд, а до конечного пункта - станции Сретенск - 3,65 коп. При стоимости в Новониколаевске 50 коп. за I пуд рожь выдерживала в Иркутской губернии и Забайкальской области конкуренцию со стороны местного хлеба. Из 12,6 млн. пудов хлебных грузов, перевезенных Забайкальской дорогой в 1906 г., 70,6% были переданы ей Сибирской дорогой на станции Иннокентьевской. Учитывая, что по Китайской Восточной дороге разница между прибытием и отправлением хлебов составляла всего лишь 286 тыс. пудов можно сделать вывод, что привезенный хлеб расходился в районе экономического влияния Забайкальской дороги. В большом количестве он предназначался для областного центра Читы, Верхнеудинска, Сретенска и станции Борзя. Крупным центром потребления западносибирского хлеба на востоке стра-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ны был город Иркутск, куда в 1906 г. по железной дороге прибыло 3,8 млн. пуд. хлеба, а отправлено только 1,2 млн. пуд. Отметим также, что хлебные грузы Сибирской дороги в западном направлении состояли почти сплошь из зерна, тогда как на восток отправлялась главным образом пшеничная и ржаная мука.

Границей распространения сибирского хлеба на востоке была станция Сретенск, которая принимала ежегодно по 700 и более тысяч пудов хлеба, а отпускала лишь несколько десятков тысяч. В Амурскую область и Приморье западносибирский хлеб поступал в ограниченном количестве. Транспортные расходы почти удваивали первоначальную стоимость хлеба. При средней стоимости пшеницы в Томской губернии в 1906-1910 гг. 80 коп. за 1 пуд, 10-процентной прибыли торговцу на затраченный капитал ее следовало продать в Благовещенске за 1,59 руб., в Хабаровске - за 1,67, Николаевске-на-Амуре - за 1,68 и во Владивостоке - за 1,88 руб. Так сильно поднималась цена из-за расходов на перевозку в указанные пункты. Дальневосточные города выгоднее было снабжать хлебом украинских губернии через порты Черного моря. Доставленный морем через Суэцкий канал, он обходился во Владивостоке в 1,3 руб. за 1 пуд, в Хабаровске - 1,5 и в Николаевске-на-Амуре - 1,64 руб.[52] Поэтому в условиях рыночной конкуренции сибирский хлеб в Амурской области и на Дальнем Востоке мог появляться лишь в ограниченном количестве. Он испытывал уже в Забайкалье сильную конкуренцию со стороны манчжурской пшеницы, которая при ввозе из Китая освобождалась от таможенной пошлины. Для манчжурской крупчатки существовала в Забайкальской области 50-верстная полоса свободной торговли. Естественно, экспорт китайского хлеба в Забайкалье и Дальний Восток достиг значительных масштабов. По данным департамента таможенных сборов, в течение 1899-1908 гг. вывоз пшеницы из Китая в Россию увеличился с 1245 до 2432094 пуд., овса и ячменя - с 482 до 1407109 пуд., проса, гречихи и прочих хлебов в зерне - с 35 до 1354400 пудов, муки - с 378 до 3357806 пуд. и риса с 5 до 299308 пуд.[53] Китайским купцам принадлежала решающая роль в хлебной торговле на Дальнем Востоке и пограничных районах Забайкалья. Сюда было хлеба ввезено (в тыс. пуд.)[54]:

	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Из Сибири	1716	1963	2808
С моря	1327	1620	307
Из Китая: по реке Сунгари	3093	5104	6424
через станцию Пограничную КВЖД	1274	2146	1904
через станцию Манчжурия КВЖД	734	900	456

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Вполне очевидна крайне жесткая зависимость продовольственного снабжения населения Дальнего Востока от ввоза китайского хлеба. При разрыве добрососедских торговых отношений между китайской стороной и пограничными районами Восточной Сибири и Дальнего Востока возникали серьезные трудности у сибиряков с хлебом. В 1909 г., например, воспользовавшись тем, что Восточная Сибирь получила п хой урожай, Китай запретил вывоз хлеба из Манчжурии в Амурскую область, что вызвало большую тревогу в широких кругах русской общественности[55].

Сибирские мукомолы ставили перед правительством вопрос об установлении пошлины на манчжурский хлеб из расчета 20-30 коп. за I пуд, отмене 50-верстной зоны свободной торговли для манчжурской муки и снижении железнодорожного тарифа при доставке муки из Сибири на Дальний Восток[56]. Однако с I января 1907 г. по всем железным дорогам страны вводятся новые повышенные тарифы на перевозку муки и крупы, которые увеличивали расходы по перевозкам на дальние расстояния в среднем на 10%. По свидетельству председателя Новониколаевского биржевого комитета П.Н.Иконникова, это привело к тому, что томская крупчатка была вытеснена с дальневосточных рынков мукой из маньчжурской пшеницы по качеству хуже сибирской. Из Западной Сибири мука более не отправлялась далее Сретенска, да и то преимущественно высших сортов[57]. Положение для сибирских хлеботорговцев усугублялось тем,что повышение тарифов на русских железных дорогах совпало с понижением их на Китайской Восточной дороге. Раньше по ней хлеба больше шло в Китай, теперь же он хлынул из Манчжурии в Восточную Сибирь.

Крайне запоздалым решением правительства являлось 10-процентное снижение тарифов в 1912 г. на зерно, отправляемое из Западной Сибири на восток. Этим сразу воспользовались иркутские, верхнеудинские и читинские мукомолы, которые в 1912 и 1913 гг. закупили более 80% зерна на станциях Омск и Калачинск[58], дав сильный толчок развитию мукомольного производства в Восточной Сибири. Но вывоз муки из Западной Сибири в восточном направлении все-таки преобладал над зерном и в предвоенные годы. В 1912 г., например, в Забайкалье было ввезено только 1099,6 тыс. пуд. пшеницы и ржи, а пшеничной и ржаной муки - 4785,3 тыс. пуд.[59]

В вывозной торговле не принимал участия минусинский хлеб. Минусинские хлеботорговцы с завистью смотрели, как вблизи богатого плодородными почвами Минусинского уезда пробегали поезда, груженые алтайской пшеницей и томской мукой. Из-за больших транспортных

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

расходов минусинский хлеб не попадал на иркутский и забайкальский рынки и, тем более, на европейские.

Все это в конечном счете и обусловило, что перед первой мировой войной Сибирь продолжала занимать скромное место в общероссийских перевозках хлеба. В 1913 г. они составляли по всем хлебам 3,4%, а по пшенице - 6,1%, в то время как на долю Северного Кавказа приходилось 14% и 20,5%, Украины - 29,2% и 25,8%[60]. Основная причина тому - малое поступление сибирского хлеба на экспорт (в начале XX в. не более 1% от общероссийского количества) и в Европейскую Россию. Центрально-промышленные губернии обходились без сибирского хлеба. В Московский район его прибывало до войны не более 7-8% общей потребности, тогда как с Украины - 30%[61]. Разграничительная линия между крестьянским хлебом Сибири и помещичьим хлебом Европейской России проходила по Уралу. Поэтому дореволюционная Сибирь до 1913 г. оставалась по преимуществу самопотребляющим районом земледелия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.-Новосибирск,1983. С.50.

2. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг.-Л., 1978.

3. Мильман Э.М. История первой железнодорожной магистрали Урала (70-90-е гг.XIX в.).- Пермь,1975.

4. ГАНО.-Ф.12.-Оп.1.-Д.427.-Л.25.

5. Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей, изданные под ред. В.В.Никольского.-СПб.,1912. Отдел второй. Т.I С.241.

6. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк.- СПб.,1903. С. 402.

7. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 год.-Томск,1894. С.115.

8. Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по министерству финансов. 1885. Т.I. С.497.

9. Субботин А.П. Материалы для экономического изучения России. Торговые сообщения Восточной России и Сибири.-СПб.,1885. С.53.

10. Там же. С.54.

11. Сибирь под влиянием рельсового пути.-СПб.,1902. С.18.

12. Сборник статистических сведений за 1899 год. Сибирская железная дорога.- Томск,1900. Вып.III. С.28.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

13. Обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за десять лет (1900-1909 гг).-Б.М.,1910.С.88.

14. Статистический сборник МПС. Железные дороги в 1913 г.-Пг., 1917. Вып.141. Часть II. С.41 (табл.УП).

15. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.-СПб.,1910. С.111.

16. Боголепов М.И. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды.-СПб.,1908. С.190-191.

17. ЦГИА.-Ф.395.-Оп.1.-Д.2023.-Л.15.

18. Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1900 по 1910 год по данным, приготовленным для Омской выставки 1911 г.- Томск,1912. С. 74.

19. Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1901 год.-СПб.,1902. С.П.

20. Селихов М. Обзор хлебной торговли в районе Западно-Сибирской железной дороги.- СПб.,1898. С.3,15.

21. Радзевич А.И. Хлебный район Западно-Сибирской и Средне-Сибирской железных дорог.-М.,1898. С.8,9.

22. Селихов М. Обзор хлебной торговли в районе Западно-Сибирской железной дороги // Вестник финансов, торговли и промышленности... - 1898. Т.2. № 21. С.484.

23. Статистический сборник МПС. Отправление и прибытие хлеба и других главнейших товаров малой скорости по станциям железных дорог. По направлениям за 1898 год.-СПб.,1900. Вып.60. С.2-5,106, 107.

24. Сибирь под влиянием рельсовог пути...С.119.

25. Селихов М. Обзор хлебной торговли...С.485.

26. Востротин С.В. Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири.-СПб.,1908. Вып.1.С.30.

27. Радзевич А.И. Хлебный район...С.42.

28. Китанина Т.М. Хлебная торговля России...С.195,199.

29. Там же. С.189.

30. ЦГВИА.-Ф.499.-Оп.4.-Д.147.-Л.11.

31. Сибирь под влиянием рельсового пути...С.65.

32. С расходов за перевозку 1 пуда хлеба по общему тарифу (26,73 коп) сброшено 3,5 коп. в связи с льготным тарифом по Пермь-Котласской линии.

33. Коген С. Очерк хлебной торговли в Алтайском округе и Се -

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

палатинской области.-СПб.,1913. С.28.

34. ЦГИА.-Ф.22.-Оп.2.-Д.2015.-Л.84.

35. Востротин С.В. Северный морской путь...С.32.

36. Сибирь под влиянием рельсового пути...С.120.

37. Статистический сборник МПС. Движение грузов по железной дороге в 1906 г. - СПб.,1908. Вып.92. С.93,139 (табл.I); Вып.112. Железные дороги в 1909 г.-СПб.,1912.Часть П. С.101,105 (табл.П).

38. Здесь и далее о перевозках по Пермской железной дороге в 1906 г. - См.: Статистический сборник МПС. Вып.92. С.86-93 (табл. I).

39. Статистический сборник МПС. Внутреннее судоходство в 1906 г.-СПб.,1908. Вып.91. С.299 (прилож. к табл. I).

40. Статистический сборник МПС... Вып.112. Часть П. С.67. (табл.П).

41. Статистический сборник МПС...Вып.91.С.119. (табл.П).

42. Там же. С.134.(табл.П); Вып.139. Перевозки по внутренним водным путям в 1913 г.-Пг.,1916.С.133 (табл.III).

43. Статистический сборник МПС...Вып.91.С.128,134 (табл.П); Вып.139.С.127,133 (табл.III).

44. Китанина Т.М. Хлебная торговля России...С.191.

45. ГАНО.-Ф.97.-Оп.1.-Д.68.-Л.183 об.,184.

46. С завершением в 1913 г. железнодорожной линии Тюмень-Куломзино (530,8 версты) окончательно укрепилось северо-западное направление экспорта хлеба Сибири через Новый Порт.

47. ГАНО.-Ф.97.-Оп.1.-Д.68.-Л.130-130 об.

48. Илимский Д. Материалы к вопросу о производительных силах Сибири.-Томск,1917.С.53.

49. Востротин С.В. Северный морской путь... С.41.

50. Борьба районов за производство хлеба.Транпечать НКПС.-М., 1930. С.17.

51. Борзунов В.Ф. Влияние Транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. (1900-1914 гг.)//Особенности аграрного строя России в период империализма.-М,1962. С.177,178.

52. ЦГВИА.-Ф.499.-Оп.4.-Д.147.-Л.15.

53. ЦГИА.-Ф.23.-Оп.9.-Д.173.-Л.43,45.

54. Там же.-Д.629.-Л.1.

55. Там же.-Д.173.-Л.16,17.

56. Там же.-Д.173.-Л.26 об.; Д.261.-Л.94.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

57. Там же.-Д.173.-Л.26.
58. Там же.-Д.261.-Л.175 об.
59. ГАНО.-Ф. Д-146.-Оп.1.-Д.401.-Л.4.
60. Материалы по динамике грузооборота.-М.,1927.Вып.3.С.24-25.
61. ГАНО.-Ф.12.-Оп.1.-Д.1128.-Л.56.

Дмитриенко Н.М.

ДОРОГОВИЗНА В ТОМСКЕ В 1914-1917 ГГ.

Переживаемые ныне события во многом совпадают с теми, какие происходили в стране в годы первой мировой войны. Поэтому тема статьи имеет не только исторический, но и практический интерес. В имеющейся литературе данный сюжет не рассматривался подробно, только упоминался в качестве доказательства нежизнеспособности политической системы самодержавия[1]. Вне поля зрения исследователей остались и действия органов власти и самоуправления, направленных на предотвращение роста цен. Задача выяснения названных обстоятельств на материалах Томска, одного из трех самых крупных и развитых городов Сибири, поставлена в настоящей статье.

Вступление России в войну с Германией в июле 1914 г. довольно быстро изменило жизнь в Томске, как и в других городах страны. Перемены коснулись в первую очередь семей призванных на войну, лишившихся кормильцев. Военные действия на Западе сказались и в торгово-промышленной жизни города вследствие недопоставок сырья и промышленных товаров.

В предвоенные годы Томск функционировал в большей степени как центр распределения чем производства. Исследователи томской экономики писали, что в 1912 в город ввозилась из Европейской России "мануфактура, бакалея, металлы - деле и не в деле, всевозможные машины и почти все, что необходимо в обиходе домашней жизни от иголки и нитки до ножей и вилок, стаканов и прочей кухонной посуды, а также все, что представляет малейший намек на предметы роскоши и украшения"[2]. Данный случай показывает, как правы были областники, требуя освобождения Сибири от "московского мануфактурного ига" и правительственной поддержки местного производства[3].

Прежние выгоды томских торговцев, имевших немалые прибыли от обмена дорогих промышленных товаров на дешевые сельскохозяйствен-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ные продукты, в военное время обернулись против них и всех горожан. Нарушение торговых связей, оскудение рынка промышленных товаров очень скоро привели к росту цен на продовольствие. Помимо общих для российских городов причин в Томске сложились особые условия для нарастания дороговизны и усиления напряженности на потребительском рынке. Здесь располагался большой военный гарнизон, скопилось значительное число раненых, беженцев и военнопленных. Численность населения Томска, составлявшая к началу войны 100 тыс. чел., почти удвоилась. Быстро исчерпав запасы сырья и продовольствия, Томск уже не мог обеспечить приток продуктов питания из деревень по прежним низким ценам. А часть промышленных предприятий, перейдя на военные заказы, еще более усугубляли ситуацию.

С началом войны в Томске, как и повсюду в связи с введением "сухого закона" были закрыты предприятия по производству алкогольных напитков. Несколько возросли цены на промышленные товары. Так, в магазинах торговой фирмы Второвых наценки произвели уже в августе 1914 г. Тем не менее призывы оказать помощь семьям призванных на войну встретили настоящий энтузиазм просвещенной публики. В октябре 1914 г. в "Сибирской жизни" сообщалось: "Горячо, живо откликнулся Томск на нужды войны... Город покрылся сетью комитетов, попечительных советов и дамских кружков, вышедших на помощь жертвам войны"[4].

В июле 1914 г. в Томске возник городской комитет по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения. На его нужды из городских средств было ассигновано 100 тыс. руб., о чем Городская дума не преминула сообщить царю-батюшке, а вскоре и получила от него личную благодарность. Вслед за городским возник Губернский комитет по сбору пожертвований в пользу семейств призванных на действительную военную службу, возглавил его губернатор В.Н.Дудинский. При Томском биржевом комитете действовал Комитет помощи нуждам войны во главе с предпринимателем И.Г.Тихоновым[5]. Общественность организовала трудовую помощь семьям призванных, открыла несколько детских очагов. Но довольно скоро энтузиазм общественников стал сменяться другими настроениями.

Признаки надвигавшейся катастрофы стали заметны в Томске в 1915 г. Первоначально в торговле царило необычайное оживление, скупили все, что не находило ранее спроса, причем на наличные. В мае того же 1915 г. мукомолы неожиданно подняли цены на муку на рубль за мешок. К сентябрю перебои в продаже муки 3-4 сорта, ко-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

торую покупали жители рабочих окраин, стали вполне ощутимы. Тогда же стал заметен и рост цен. Если пуд ржи в январе-августе 1914 г. стоил в среднем 50 коп., то в июле 1915 г. - уже 75 коп. Цена ржаной муки поднялась соответственно с 69 до 95 коп. за пуд, а пшеничной - с 99 до 113 коп.[6] Правда печеный хлеб продавали по неизменным ценам, а мясо, сливочное масло и молоко стало даже дешевле, но ненадолго.

В целом за июль 1914 - февраль 1917 гг. цены на основные продукты питания и предметы потребления выросли в Томске в следующих размерах (в процентах)[7]:

Мука ржаная	320	Полотно льняное	210
Мука пшеничная	256	Ситец	280
Молоко	300	Ботинки дамские	300
Масло топленое	286	Штиблеты мужские	280
Мясо говяжье	233	Сапоги сарапульские	274
Свинина	497	Галоши резиновые	200
Овес	270	Валенки	277
Сено	500	Самовары	220
Дрова березовые	405	Тарелки	150
Сукно крестьянское	710	Стаканы	150
Шерстяная ткань	775	Посуда чугунная	236

Рост цен заставлял рабочих и служащих добиваться прибавки заработной платы и жалованья, но номинальное увеличение оплаты труда отставало от реальных затрат. Например, реальная заработная плата рабочих обрабатывающей промышленности Томска в январе-феврале 1917 г. составляла лишь 61% довоенного уровня[8].

Проблема дороговизны очевидно не могла быть исчерпана прибавками жалованья на отдельных предприятиях или учреждениях. Повсеместный рост цен в стране вызвал беспокойство правительства. В начале 1916 г. министр внутренних дел обратился к губернаторам и градоначальникам с циркулярной телеграммой, в которой сообщал, в частности: "Государю императору в непрестанных заботах о беднейшем населении империи благоугодно было Высочайше повелеть мне обратить внимание местных властей на необходимость в настоящее время самой решительной и планомерной борьбы с возрастающим в стране недостойном переживаемого момента взвинчиванием цен на продукты первой необходимости"[9].

Неконструктивность предложений министра, которые сводились к

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

мерам усиления "наблюдательной деятельности" полиции и жандармерии за ценами, вполне выявляла непонимание верховной властью серьезности экономической ситуации в стране. Тем более, что правительство заботило больше не ухудшение положения населения, а обеспечение армии . Созданное в Петрограде особое совещание по продовольственному делу, уполномоченным которого Томской губернии стал глава ее администрации В.Н.Дудинский, награждало своих представителей, занятых снабжением армии, чрезвычайными полномочиями вплоть до реквизиции продовольствия по твердым ценам, установленным для каждой местности. Так в Томской губернии заготовляли мясо, на военное время был запрещен свободный вывоз масла. А 30 июня 1916 г. появился закон "О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят". Закон вводил так называемые мясопустные дни - во вторник, среду, четверг и пятницу не разрешалась продажа мяса и мясных продуктов. Очевидцы писали, что в Томске сразу же поднялись цены на рыбу и овощи, одновременно развернулась нелегальная торговля мясом вразнос на рабочих окраинах, что в отсутствии врачебно-санитарного контроля могло привести к отравлениям и заболеваниям потребителей непроверенного продукта[10].

Одни административные меры не могли решить проблему дороговизны, поскольку она существовала объективно, непродуманное администрирование, напротив, усугубляло ситуацию. Так, введение в Томске в 1915 г. таксы на муку стала причиной того, что местные мукомолы повезли хлеб в Новониколаевск, где цены не были ограничены. Вследствие таксу в Томске пришлось отменить.

Не заняли реалистической позиции по отношению к росту цен и биржевые комитеты. На чрезвычайном всероссийском съезде представителей биржевой торговли в апреле 1916 г. в Петрограде было сделано заключение, что причина дороговизны - "нездоровая спекуляция недобросовестных элементов торговли"[11]. Участники съезда высказались за немедленные меры против спекуляции, не обозначив их, однако, конкретно.

Определенное стабилизирующее воздействие на городскую экономику имело разрешение данное Министерством внутренних дел на привлечение труда военнопленных в промышленности. Решением начальника штаба Омского военного округа, в состав которого входила и

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Томская губерния, военнопленных в Томске отпускали для работ на спичечной фабрике Кухтериных, фабрике весов Штейнке, железно-жестяной мастерской Лефельда, мукомольной мельнице А.Д.Родюкова в с.Нелюбино близ Томска, на мыловаренном заводе Барсукова, кожевенных предприятиях В.Голованова, Б.Фуксмана и др.[12]

В июле 1915 г. в Томске вслед за городами центра страны возник Военно-промышленный комитет (ВПК). Одной из его главных задач становилось обследование местных ресурсов и возможностей для военного производства. Над этой задачей в ВПК работали многие видные ученые Томска - профессора Т.И.Тихонов, А.А.Потебня, Н.В.Гутовский, С.А.Зведенский. Наряду с прочими, в Томском ВПК были сформированы секции одежного снаряжения и пищевого довольствия, деятельность которых объективно была направлена и на решение проблем потребительского рынка. Так, профессор технологического института С.В.Лебедев начал работу по организации в Сибири сахарного производства. Он намеревался посеять свеклу под Томском, а финансирование его опытов взяла на себя группа предпринимателей во главе с И.Ф.Скулимовским, внеся первый взнос в сумме 8 тыс. руб. и обещая денежную помощь в течение трех последующих лет. Судя по всему, эксперимент этот завершить не удалось.

Деятельное участие в преодолении дороговизны в Томске приняли гласные Городской думы. На частном совещании 9 сентября 1915 г. они обсудили состояние потребительского рынка в городе и наметили ряд мер. По материалам этого совещания Городская дума постановила приступить к открытию городских складов дров, муки, крупы, соли, сахара, чаю и других необходимых продуктов. Одновременно было принято решение о создании городской продовольственной комиссии, начались поиски средств для ее работы. В ноябре 1915 г., когда комиссия была создана, в ее распоряжении имелось 120 тыс. руб. предоставленных безвозмездно или в качестве беспроцентной ссуды томскими предпринимателями. Кроме того 100 тыс. руб. ссудило Общество взаимного кредита. И все же действия продовольственной комиссии не были вполне успешными.

Формирование комиссии и выборы ее председателя, которым стал купец I гильдии И.М.Некрасов, происходили в нездоровой обстановке личных счетов и обид. Предприниматель П.В.Иванов отказывался войти в комиссию (позже, после уговоров, он согласился), т.к. местная газета "Утро Сибири" предъявила ему обвинение в скупке муки для его пряничного заведения. Бывший политический ссыльный, народник, глас-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ный Городской думы А.Н.Шипицын обосновывал свой отказ от участия в продовольственной комиссии более обстоятельно: "... многие необходимые мероприятия по борьбе с дороговизной выходят далеко за пределы местного отделения городских управлений, поднимаясь до гранит имперского законодательства по регулированию не только потребления и распределения продуктов, но и самог их производства... Борьба со спекуляцией требует установления правомочного общественного контроля над частной промышленностью и торговлей". Без удовлетворения этих условий А.Н.Шипицын не считал возможным свое участие в работе продовольственной комиссии[13].

Избранная в конечном счете комиссия в количестве 23 человек состояла почти целиком, за исключением юриста П.В.Вологодского, из предпринимателей. Решением Думы предполагалось, конечно, участие так называемых сведущих лиц, привлекались, например, сотрудник университета В.И.Анучин, работник кооператива "Деятель" А.Ф.Иванов. Сведущие лица и местные экономические организации наметили для продовольственной комиссии "широкий и правильный план борьбы с дороговизной, указав ряд мер и способов для достижения установленных ей задач"[14]. Однако, комиссия этим планом практически не пользовалась.

Своенравие председателя продовольственной комиссии И.М.Некрасова вынудило многих ее членов отойти от работы, что обеспечило председателю возможность принимать единоличные неконтролируемые решения. Он повел дело как малоопытный коммерсант. Не ознакомившись хорошенько с рынком,сделал не очень удачные закупки муки и других продуктов, причем покупал на местных рынках, что только поддерживало, а порой и подталкивало рост цен. Заготовленные продукты были складированы до весны, а не продовались населению, как задумывалось, равномерно в течение зимы.

Главная задача продовольственной комиссии "способствовать нормальному положению рынка, путем конкуренции не допускать искусственного взвинчивания цен, понижением стоимости продуктов до минимума побуждать к тому же и частных торговцев" не была выполнена. Действия комиссии превратились в своего рода благотворительность, когда, например, заготовленный сахар продавался по довольно низкой цене. При этом торговля сахаром, заранее объявленная населению, была организована так плохо, что собравшиеся тысячи покупателей едва не разгромили лавку.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Ввиду неудовлетворительности действий продовольственной комиссии Городская дума в июне 1916 г. решила ввести карточки для более равномерного обеспечения горожан сахаром. В январе 1917 г. появились карточки на муку[15].

Наряду с закупками и распределением продуктов Томская городская дума весной 1916 г. приняла меры по наделению горожан огородной землей, а также устройству собственного огорода продовольственной комиссии. Огороды, как средство борьбы с дороговизной, создавались тогда и в других городах Сибири - Новониколаевске, Омске. Тогда же наметилось стремление сибирских городов к координации мер преодоления роста цен.

В мае 1916 г. в Томскую продовольственную комиссию обратились члены подобной комиссии в Мариинске. Они писали, что находясь в законодательно ограниченном круге полномочий, органы самоуправления почти бессильны достигнуть "какого-либо осязательного результата в смысле удешевления и достаточного подвоза продуктов хотя бы только первой необходимости"[16]. Поэтому предлагали создавать в Томске участников продовольственных комиссий всех городов губернии для объединения их "в деле борьбы с дороговизной". Мерами такой борьбы мариинцы предлагали запрещение вывоза продовольствия из губернии, нормирование продуктовой торговли.

Свой путь преодоления дороговизны разрабатывали деятели кооперации, указывая на объединение населения в потребительские общества как реальный выход из продовольственного кризиса. И действительно, томский городской кооператив "Деятель", возникший в 1914 г. в количестве 359 членов, в следующем году объединял уже 1178 чел., а торговые его обороты увеличились с 43 тыс. до 228,3 тыс. руб. "Деятель" занялся объединением кооперативов Томского, Кузнецкого и Мариинского уездов, что укрепляло его товарную базу[17].

Между тем запасы продовольствия, сырья и топлива в Томске иссякали. Процесс этот имел волнообразный характер. Тяжелое положение в торговле в конце 1915 г., когда, по сообщению прессы, "Томск встал перед обострившимся продовольственном кризисом", в начале следующего года несколько сгладилось. Но летом 1916 г. в городе закрылся оптовый склад "Жирардовской мануфактуры", обслуживавший всю Сибирь, затем отделение фирмы сахарозаводчика Терещенко, позже - оптический магазин Нечаева. В феврале 1917 г. прекратили работу многие бани и прачечные, приостановился дрожжевой завод Зверева. Причина - отсутствие топлива. О возможном закрытии также

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

из-за недостатка угля предупреждали с мельницы Кухтериных и Фуксмана, с городского водопровода[18].

Городское полицейское управление занялось сбором сведений о наличии продовольствия в торговых заведениях Томска. Выяснилось, что у 65-66 торговцев имелись для продажи следующие запасы (в пуд.)[19]:

	На 1 февраля 1917 г.	На I марта 1917 г.
Рожь	40	нет
Пшеница	372956	603197
Мука ржаная	411	2745
Мука пшеничная	нет	10647
Крупа разная	1126	2362
Ячмень	125	нет
Овес	1060	3321
Жмых	51	нет
Масло постное	42	265
Масло коровье	139[illegible]	113
Сахар-рафинад	64	нет
Сахар-песок	1	3306
Соль	933	114837
Рыба	83330	3987
Мясо	46151	9396
Отруби	50	1036

Как видно из таблицы, запасы сливочного масла, рыбы, мяса за февраль сократились, а количество пшеницы, муки, крупы, овса, сахара и соли несколько возросло. При месячной потребности города в 150 тыс. пуд. муки, он был обеспечен хлебом примерно на четыре месяца. Но к несчастью для горожан, резервы продуктов были сосредоточены в руках одного-двух торговцев. Так, пшеницей располагали только Г.И.Фуксман и торговый дом "Е.Кухтерин и с-я". Мукой владели тоже, в основном, Кухтерины. Половина всей крупы находилась у Плотникова, почти весь сахар - у Вытнова, а соль - у Плотникова, Богословского горнозаводского пароходства и Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли. Разумеется, это не могло не вызывать дальнейшего роста цен и громадных очередей в лавки.

В отдельных продуктовых лавочках запасы исчислялись фунтами, а чаще и вовсе отсутствовали. Например, в лавке И.К.Шабалина на

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Миллионной улице из 17 видов продуктов, о которых спрашивала полиция 1 марта 1917 г., имелось лишь конопляное масло в количестве 30 фунтов, сливочное масло - 1 пуд, соль - 5 пудов и 100 штук рыбы сырка. А в булочной Т.Р.Помазан на Дворянской оставалось 40 пуд. ржаной муки, 70 пуд. соли и 3 пуд. крупы[20].

Сложившаяся ситуация на потребительском рынке Томска была характерна для всей России. Центральные и местные власти не смогли воспользоваться имевшимися у них полномочиями, чтобы хоть сколько-нибудь ослабить напряжение в обеспечении населения. Конечно, в Томске в начале 1917 г. не голодали так, как в 1921-1922 годах, вследствие целенаправленного свертывания рынка, действий заградотрядов, но угроза голода была вполне реальной. Эта угроза порождала настроения уныния и апатии среди населения, а с другой стороны - желание коренных перемен в обществе, с которыми связывались надежды на улучшение жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.-Новосибирск, 1982. С.374-378; Разгон И.М. Томск накануне Февральской революции 1917 г. // Томску - 375 лет.-Томск,1979. С.122-136.

2. Фрейдин И.Г., Гавровский И.П. Торговля и промышленность // Город Томск.- Томск,1912. Отдел I. С.20.

3. См.: Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды.-СПб.,1908. С.273-275.

4. Сибирская жизнь. 1914. 17 окт.

5. Известия Томского городского общественного управления. 1914. № 27-28. С.137; Сибирская жизнь. 1914. 18 окт.

6. Экономическое значение Томска.-Томск,1916. С.9-12.

7. Томская губерния.-Томск,1917. С.26-27.

8. Рабочий класс Сибири... С.374.

9. См.: Известия Томского городского... 1916. № 2. С.69.

10. Там же. 1916. № 4. С.48; № 5. С.77; № 7. С.6-7; Сибирская жизнь. 1916 13 окт.

11. Известия Томского городского... 1916. № 5. С.64.

12. ГАТО.-Ф.3.-Оп.18.-Д.1423.-Л.205-300.

13. Известия Томского городского... 1915. № 12. С.31-33,86-91.

14. Там же. 1916. № 4. С.47.

15. Там же. 1916. № 4. С.47-76; № 6. С.91; Сибирская жизнь. 1916. 6 авг.; 1917. 16 янв.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

16. Известия Томского городского... 1916. № 4. С.81-82.

17. Утро Сибири. 1914. 12 дек.; Сибирская жизнь. 1915. 25 апр.; Жизнь Алтая. 1916. 2 июня.

18. Сибирская жизнь. 1916. 5 янв., 3,12 июня; 1917. 26 февр.; Сибирский свет. 1917 25 янв.; Разгон И.М. Указ. соч. С.134.

19. ГАТО.-Ф.104.-Оп.2.-Д.3934.-Л.437-439, 521-524 (подсчет).

20. Там же.-Л.505, 510.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Ш. АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

Пантелеев В.И.

ЗЕМЕЛЬНО-ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАЗНЫ В СИБИРИ К КОНЦУ XIX ВЕКА

К настоящему времени написано немало специальных исследований по истории земельно-лесного хозяйства казны в Сибири периода капитализма[1]. Основное внимание в работах историков по этой проблематике уделяется эпохе так называемого империализма. Такой подход оправдан, поскольку именно с конца XIX в. резко активизировалась деятельность казны в хозяйственном использовании земель и лесов края. Однако комплексное изучение казенного земельно-лесного хозяйства невозможно без анализа его особенностей в предшествующий период. Как показано современными исследователями, с 80-х гг. в Западной и с 90-х гг. в Восточной Сибири начался качественно новый этап в эволюции земельно-лесного хозяйства. Этим и обусловлены хронологические рамки статьи.

Актуальность поставленной проблемы определяется не только необходимостью закрыть наметившийся пробел в сибиреведении. После Октябрьского переворота 1917 г. была осуществлена насильственная национализация земли в России. На основе государственной земельной собственности народилась система социально-экономических отношений, во многом напоминающая государственно-феодальную. Земельно-лесное хозяйство являлось одним из основных каналов приспособления государственно-феодального сектора экономики к условиям капитализма. Несмотря на разнолинейность современной и дооктябрьской эпох, опыт казны в эксплуатации земель и лесов в Сибири на заре капитализма с необходимыми корректировками вполне может быть использован в осуществлении земельной реформы в наши дни.

Стремление царизма использовать сдачу в аренду казенных земель и продажу леса для повышения доходов проявлялось уже в феодальную эпоху. Оно определялось поисками широких путей экономической реализации государственной земельной собственности, попытками самодержавия привести в соответствие величину взимаемой ренты с хозяйственно-экономическим положением феодально-зависимого населения.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Уже в 1705 г. вышел царский указ о сдаче свободных казенных земель "через торг" из "наддачи" в аренду. В 1798 г. образован Лесной департамент, а в 1802 г. был издан Лесной устав, ограничивший права крестьян на казенные леса. Особенно активизировалась деятельность царизма в хозяйственном использовании казенных земель и лесов в годы проведения реформы государственных крестьян П.Д.Киселева. С 1838 г. более систематически собирались сведения о казенно-оброчных статьях, устанавливались формы окладных книг по их аренде[2]. Как показал Н.М.Дружинин, повышение доходности государственных имуществ занимало важное место при проведении реформ. В этом выражалось стремление инициаторов реформы "сохранить и укрепить систему "государственного феодализма", чтобы резко противопоставить ее феодализму помещичьему и сделать ее орудием приспособления Российской империи к постепенно слагающимся капиталистическим отношениям"[3].

К концу дореволюционного периода казна уже обладала значительным арендным и лесным фондом. Только по 47 губерниям Европейской России из 107064887 дес. казенных лесов 94407404 дес. находились в непосредственном владении казны. Годовой доход от 27026 оброчных статей департамента государственных имуществ и 5973 статей лесного ведомства составляли свыше 2,5 млн. руб.[4]

В феодальную эпоху начало складываться земельно-арендное хозяйство казны и в Сибири. В Иркутской губернии, как свидетельствуют описания 1797 и 1798 гг., с оброчных земель и рыбных ловель на Байкале собирали по 800 статьям 8714 руб., в том числе по переоброчке 1797 г. было надбавлено 3725 руб. 89 коп. Кроме того, с 313 статей взималась оплата натурой - хлебом. По подсчетам Г.Ф.Быконя в арендные отношения с казной вступала пятая часть крестьян (ревизских душ) Иркутской губернии[5]. В Западной Сибири доходы казны от арендных оброчных земель в конце XVIII - начале XIX в. были ниже. В 1809 г. они составили по Тобольской и Томской губерниям 3283 руб.[6] Даже в середине XIX в. Западная Сибирь продолжала отставать от Восточной по доходности казенно-оброчного земельного фонда[7]. Объясняется это тем, что в Восточной Сибири сравнительно широкое распространение имела аренда более доходных рыболовных угодий (преимущественно на Байкале), а также стремительным развитием с 1830-х гг. золотопромышленности в Енисейской губернии, резко расширившей спрос на продукцию сельского хозяйства и стимулировавшей вложение капитала в аренду казенных земель вблизи золотых приисков.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Арендная эксплуатация земли казной осуществлялась путем выделения особых участков земли - казенно-оброчных статей. Оброчные статьи подразделялись на земельные, то есть снимаемые для сельскохозяйственных надобностей, и неземельные, арендуемые для промышленных целей и рыбной ловли.

Рубеж 1860-х гг., знаменовавший вступление России в капиталистический период, внес ограниченные по своему содержанию изменения в земельно-арендное хозяйство казны в Сибири. Однако было бы не правильно их недооценивать.

Во-первых, имело место существенное возрастание количества земельно-оброчных статей, причем Западная Сибирь значительно опережала Восточную как по масштабам роста земельных оброчных статей, так и по их доходам для казны. К 1884 г. в Тобольской губернии числилось 906 земельных оброчных статей площадью 913962 дес. и 221 неземельных. В Томской губернии имелось 546 земельных статей с площадью 217452 дес., а также 19 неземельных[8]. Но и в Восточной Сибири рост арендного фонда казны был заметен. В Енисейской губернии площадь оброчных земель увеличивалась с 1855 по 1893 г. в 13 раз и составила в 617 земельных и 99 неземельных статьях 77 тыс. дес. В Иркутской губернии в 1893 г. числилось 292 статьи с площадью 27 тыс. дес. В Забайкальской области в этом году состояло на учете 372 земельных статьи с площадью 71 тыс. дес. и 50 неземельных[9].

Во-вторых, в феодальную эпоху аренда крестьянских казенных оброчных статей в целом выступала как составная часть системы государственного феодализма. Процесс развития товарно-денежных и капиталистических отношений, изменения в положении государственных крестьян в пореформенный период постепенно трансформировали социально-экономический статус и экономическое содержание арендного земельного фонда казны. Оброчная структура казны оставалась в основном феодальной по юридической природе земельной собственности, по ряду условий аренды, но ее экономическое содержание все в большей степени определялось закономерностями капиталистического развития. Хотя этот процесс к середине 80-х гг. еще находился в стадии своего становления, все же более отчетливо выявлялась дифференциация казенной земельной аренды на предпринимательскую и продовольственную с резким перевесом аренды первого типа. Однако и в пореформенный период сохранялись негативные последствия развития

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

земельного оброчного хозяйства казны как одного из пережиточных элементов государственного феодализма. Его рост шел в значительной мере за счет ограбления крестьян. Пронизанные жесткой регламентацией со стороны чиновничье-бюрократического аппарата условия аренды затрудняли приложение капитала к земле, ее мобилизацию, тормозили рост свободного предпринимательства в сельском хозяйстве и промышленности.

С учетом особенностей земельного оброчного хозяйства казны в дореформенный и пореформенный периоды рассмотрим основные его черты и показатели.

Большая часть земли арендовалась для сельскохозяйственного пользования под сенокос и пашню. В 1889-1893 гг. в Енисейской губернии земельные статьи сельскохозяйственного использования составляли 83-86% казенно-оброчного фонда и приносили 86-91% дохода. В Забайкальской области на долю этих статей в 1889-1892 гг. приходилось 88-90% оброчного фонда и 91-93% дохода. В Иркутской губернии из 284 статей, образованных за 1854-1891 гг., 220 относились к этому типу[10].

Как показывает анализ окладных книг казенно-оброчных статей Тобольской губернии на 1836 г. и Забайкальской области на 1864 г., среди арендаторов преобладали русские крестьяне. Реже арендовали казенные земли лица некрестьянских сословий (мещане, купцы, чиновники, дворяне, офицеры) и коренное население. Лица некрестьянских сословий снимали наиболее крупные статьи[11]. Несколько иное положение в 40-50-х гг. сложилось в Енисейской губернии в связи с бурным развитием золотопромышленности. В районах золотых приисков сельскохозяйственные угодья, особенно сенокосные, приобретали значительную ценность. Этим пользовалась казна, вынуждая арендовать такие угодья. В 1849 г. в Енисейской губернии находилось в аренде 98 казенно-оброчных статей, причем 68 из них в центре сибирской золотопромышленности - Енисейском округе. Аренда носила ярко выраженный предпринимательский характер. Купцы снимали 44 статьи, чиновники - 21, мещане - 11, дворяне - 11, крестьяне - 9 статей[12]. В дальнейшем и в Енисейской губернии крестьяне были основными арендаторами оброчных земель.

К второму типу оброчных статей относились земли, снимавшиеся под мельницы, рыбную ловлю, "домообзаводство", известковые каменоломни, торгово-промышленные предприятия, заводы. В районах золотых приисков земли снимались под приисковые "резиденции". В

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Енисейской губернии с 1870-х гг. получила распространение аренда зимовий и полустанков вдоль золотопромысковых дорог[13]. В Тобольской и Томской губерниях была распространена с конца 1860-х гг. аренда ярмарочных площадей в крупных торговых селах. В Иркутском округе существовало два торгово-промышленных поселка на арендном праве - Никольское и Лиственичное. Они являлись перевалочным пунктом для судов с Байкала на Ангару и обратно[14].

Царская администрация, учитывая интересы торгово-промышленных кругов, разрешала в отдельных случаях арендовать казенные земли под промышленные предприятия на срок до 99 лет[15]. Оброчные статьи обычно сдавались с торгов, проходивших с "переторжкой" через три дня при казенных палатах и окружных управлениях[16]. Если торги не были успешны, то назначались новые, проходившие иногда при волостных правлениях. Торги утверждались генерал-губернатором. При назначении слишком низких цен торги не утверждались.

При заключении контракта арендатором вносился залог равный полугодовой арендной плате. Если в оброчной статье имелись мельницы или другие строения, то залог возрастал еще на треть суммы, в которую оценивались эти сооружения. Арендатор не имел права рубить в пределах оброчной статьи лес и кустарник. В контрактах оговаривались приемы эксплуатации сельскохозяйственных угодий (пахота, сенокошение, севооборот и т.д.). Постройки, возведенные арендатором, по окончании срока аренды сносились или поступали в казну. При нарушении условий контракта статья у съемщика отбиралась[17].

С середины XIX в. стало допускаться для купцов вместо залога поручительство других купцов. С 1860 г. поручительствами могли воспользоваться мещане и крестьяне. В 1889 г. сельские общества Сибири получили право арендовать на 12летний срок казенные оброчные статьи без торгов с представлением в качестве ручательств мирских приговоров. С 1895 г. арендовать казенные земли без торгов могли крестьянские товарищества.

В распоряжении казенных палат не имелось специальных чиновников, заведывавших оброчными статьями на местах. Посредниками между казной и арендаторами выступали волостные правления и местная полиция. Такой "надзор" фактически часто являлся формальным и не достигал цели. Один из чиновников Иркутской казенной палаты в 1892 г. прямо писал: "... Практически надзора за оброчными статьями не существует"[18].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Развитие земельно-арендного хозяйства казны находилось в тесной зависимости от состояния межевого дела в Сибири. Межевые учреждения возникли в Западной Сибири с 1760-х гг., а в Восточной Сибири-с конца XVIII в. Уже в этот период на землемеров возлагалась задача ограничения захватного землепользования и образования казенно-оброчных участков[19].

Как показано в монографии З.Н.Худякова, деятельность этих межевых учреждений фактически слабо касалась крестьянского землевладения и не оказала значительного влияния на формирование казенно-оброчного фонда. Межевые работы несколько активизировались с 30-х гг. XIX в. в Западной и с 50-х гг. в Восточной Сибири, но особенно возросли с упразднением в 1871 г. "Сибирского межевания" и созданием восточносибирского и западносибирского съемочных отделений. Однако и к середине 80-х гг. землеустроительные работы не оказали существенного воздействия на земельные отношения, особенно в Восточной Сибири. И хотя в ходе межевания все же наблюдался рост казенно-оброчного фонда преимущественно в западносибирском регионе, создать посредничеством землеустроительных работ широкую основу для развития земельно-арендного хозяйства казны царизму не удалось[20].

Наряду с отрезками крестьянских земель в казну наблюдалось и обратное явление. Так, при обмежевании малоземельной Итанцинской волости в Забайкальской области в волостную дачу было прирезано 33 казенно-оброчных статьи[21]. Иногда отводились в наделы крестьян оброчные статьи и в Иркутской губернии[22]. В Забайкальской области сложилась практика, когда в случае отрезки земель фактического пользования "обществам предоставлялось пользоваться отрезаемою землею впредь до окончательного утверждения надела". Большинство же наделов к 90-м гг. в области так и не было утверждено[23].

Даже окончательное утверждение надела порой не означало, что местное население признало границы, установленные межеванием. Крестьяне также зачастую самовольно пользовались землей за пределами границ, установленных межеванием, уничтожая межевые знаки. Нередко имели место случаи, когда крестьяне не только запахивали "запланные" земли, оставшиеся за пределами волостных дач при межевании, но и сдавали эти участки в аренду крестьянам соседних селений[24]. Ход межевых работ сдерживался сопротивлением местного населения.

Эксплуатацию оброчного фонда в Восточной Сибири в сложное положение поставил иркутский пожар 1879 г., уничтоживший почти всю

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

плановую документацию о крестьянском землепользовании и оброчных статьях. В 1884 г. Иркутская контрольная палата извещала генерал-губернатора, что "сведения о положении оброчного дела по Иркутской губернии находятся в самом запутанном состоянии". Поскольку пожар уничтожил и контракты арендаторов, то у администрации не имелось сведений даже об ежегодных платежах и недоимках[25].

В целом к 80-90-м гг. XIX в. царизму не удалось существенно ограничить захватное крестьянское землепользование и создать условия для широкого развития земельно-арендного хозяйства казны в регионе. Крестьяне обладали широкими владельческими правами на государственную по юридическому признаку землю. Они сдавали ее в аренду, отдавали под заклад и даже иногда продавали. Регулятором поземельных отношений в Сибири фактически в большинстве случаев оставалось обычное право[26].

Состояние межевого дела, особенности поземельных отношений в регионе, слабый еще приток переселенцев часто не позволяли царской администрации планомерно выделять казенно-оброчные статьи. В этих условиях, особенно в Восточной Сибири, одним из основных источников пополнения земельно-арендного фонда казны стала регистрация и превращение самовольно захваченных земельных участков в казенно-оброчные статьи. При этом арендная плата взыскивалась как за земли, отданные в оброчное содержание с торгов. Таким путем казна получила в Енисейской губернии в 1850 г. 29%, а в 1851 г. - 51% общего дохода от оброчных статей[27]. В 1880 г. в губернии числилось 70 мельничных оброчных статей. Все мельницы были построены самовольно на казенных землях[28]. Управляющий Енисейской казенной палатой признавал, что сведения о самовольном пользовании казенными землями до палаты "доходят случайно"[29].

Оброчные статьи также часто образовывались по личным заявлениям съемщиков. В условиях неразграниченности в подавляющем большинстве случаев казенных и крестьянских земель, отвод таких статей обычно сопровождался спорами со стороны крестьян смежных селений. Сложным был и порядок образования статей: командировка землемера для обмежевания и оценки статьи, утверждение ее генерал-губернатором, назначение торгов и их производство. Командировка землемера производилась лишь в том случае, если заявитель давал подписку о принятии на свой счет расходов по обмежеванию участка, причем расходы доходили до 200 руб. Когда на торгах статья оставалась не за первоначальным

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

а зителем, то расходы эти возлагались на действительного арендатора[30]. По оценке енисейского губернского землемера, для образования оброчной статьи в таком порядке требовалось не менее полутора лет[31].

Несмотря на низкие арендные цены, сложный порядок образования новых статей отпугивал население от вступления в арендные отношения с казной и был доступен лишь в основном состоятельным крестьянам. Газета "Восточное обозрение" в этой связи писала: "Казенно-оброчное пользование угодьями едва ли может быть привито да и желательно в широких размерах: только богатое семейство может оброчить земли, вынести те хлопоты и затраты, которые сопряжены с этим делом (особенно в удаленных от губернских городов местностях)"[32]. В этих условиях казна была вынуждена допускать в наиболее удаленных местах сдачу в аренду необмежеванных участков. В 1879 г. в Енисейском округе числилось 52, в Минусинском - 23 необмежеванных статьи[33].

Поиски путей расширения казенно-оброчного фонда в условиях захватного землепользования привели к изданию 30 марта 1860 г. "Правил об отдаче в Восточной Сибири участков земли под хлебопашество, сенокошение и постройку домов". "Правила" разрешали пользование участками казенной земли для расчистки из-под леса и болот на срок до сорока лет с правом домообзаводства. В течение первых десяти лет съемщик должен был расчистить и обработать участок. За каждую десятину отведенной земли вносился однорублевый залог. При нарушении условий контракта участок отбирался, а залог поступал в казну. По истечении условленного срока участок превращался в казенную оброчную статью.

Право на пользование "росчистью" крестьяне Восточной Сибири имели и раньше[34]. Но теперь, после сорокалетнего срока, такие участки поступали не в волостную дачу, а непосредственно в казну. Казенные земли на этих условиях разрешалось снимать уже лицам всех сословий, а не только крестьянам. Фактически земли сорокалетнего пользования стали особым видом аренды, при которой арендатор брал по отношению к казне определенные обязательства[35].

Кроме того, "Правила" предусматривали также на срок до сорока лет и платное пользование участками, не требующими расчистки и особой обработки. Если один и тот же участок хотели получить несколько лиц, то он сдавался за деньги с торгов независимо от состава его

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

угодий[36]. До издания "Правил" арендовать казенные оброчные статьи обычно разрешалось на срок не свыше 12-24 лет и без права вырубки леса и кустарника.

Земли сорокалетнего пользования снимались мещанами и чиновниками, казаками и ссыльнопоселенцами, русскими крестьянами и коренным населением, сельскими обществами и товариществами крестьян. В индивидуальном порядке участки могли снимать лишь зажиточные хозяева, так как производство расчистки требовало значительных материальных затрат.

Съемщики участков нередко нарушали условия контрактов. Имелись случаи даже продажи расчищаемой земли. Например, крестьянин с.Захаровского Верхнеудинского округа Ефим Решетников, получив в бесплатное пользование пять участков, один из них продал на 40 лет Андрею Решетникову за 30 руб., а другой - Абраму Фадееву за 26 руб.[37] В Забайкальской области "установился фактически такой порядок, что запросившие лесной участок в сорокалетнее пользование немедленно же приступали к разработке его, не дожидаясь разрешения их ходатайств, а предварительное обмежевание участка землемером считалось за окончательный отвод им земли и ввод во владение ею"[38].

В конце 1880-х гг. площадь земель бесплатного сорокалетнего пользования составляла в Иркутском округе 3676 дес. , Балаганском - 428 дес., Нижнеудинском - 475 дес.[39] В Забайкальской области в 1890 г. под этими землями находилось 1895 дес.[40] В Енисейской губернии участки сорокалетнего пользования отводились преимущественно за плату. Как отмечал чиновник губернского управления В.Е.Летунов, "Правилами" 30 марта 1860 г. было положено "прочное начало образования казенно-оброчного фонда" в губернии[41]. В основном к концу XIX в. отвод участков сорокалетнего пользования был прекращен.

Несмотря на то, что земли сорокалетнего пользования не получили широкого распространения в Восточной Сибири и отсутствовали в Западной Сибири, принципиальное значение этого вида аренды не вызывает сомнений. Принцип бессословности, длительность срока аренды, предоставление сравнительно широкой хозяйственной инициативы съемщикам участков сорокалетнего пользования, отражали хотя и непоследовательный процесс приспособления арендной политики казны к условиям развития капитализма.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В целом к 80-90-м гг. XIX в. казенно-оброчное хозяйство в Сибири не получило широкого развития. Аренда земли у казны возрастала лишь в районах с относительной земельной теснотой. Даже имевшийся в наличии земельно-арендный фонд использовался нерационально. В 1880 г. в Енисейской губернии не состояло в оброке 30% земельных и рыболовных угодий[42].

Доходы казны от сдачи земли в аренду в целом были невелики. В 1883 г. от оброчных статей Тобольской и Томской губерний, а также Семипалатинской области поступило лишь 56795 руб.[43] В 1886 г. этот доход составил по Енисейской губернии 13016 руб., Иркутск - 4150, а Забайкальской области только 1501 руб.[44]

В общем русле с курсом на создание земельно-арендного хозяйства казны находилась и лесная политика царизма в Сибири. Однако казна длительное время не могла реализовать этот курс, наладить эксплуатацию лесов Сибири. Законом 30 декабря 1799 г. сибирские леса предоставлялись в свободное пользование "сельских обывателей". Изданный в 1802 г. Лесной устав на Сибирь не распространялся. Тем не менее предпринимались попытки ограничить лесопользование крестьян, особенно в период подготовки и реализации реформы П.Д.Киселева. В 1839 г. был составлен проект о "сбережении" лесов Западной Сибири[45]. В 1840 г. Отделение канцелярии царя предложило при ревизии государственных имуществ Восточной Сибири определить возможность введения лесного управления. Однако проект открытия в Восточной Сибири палат государственных имуществ с лесными отделениями не был одобрен. Лесной комитет признал необходимым прежде открытия в Восточной Сибири палат государственных имуществ "отделить определенные участки леса казенным заводам и селениям"[46].

Правящим кругам было ясно, что в Сибири отсутствовали условия для эксплуатации казенных лесов на общих основаниях. Министр государственных имуществ П.Д.Киселев в записке, поданной в Комитет министров, предложил отказаться от открытия в крае казенных лесных управлений, а для "сбережения лесного запаса на будущее время" ограничиться "отделением лучших и важнейших лесов, особенно при судоходных и сплавных реках, с объявлением оных заказными". Комитет министров на заседании 16 и 30 ноября 1848 г. одобрил заключение П.Д.Киселева, которое после утверждения 30 ноября 1848 г. Николаем I стало законом[47].

21 января 1852 г. царь утвердил мнение Государственного Совета

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

"О наказаниях за порубку леса в Сибири", которым наказания за порубки, установленные для Европейской России, распространялись на сибирские леса[48]. В 50-е гг. на Сибирь распространилось положение лесного устава о наказаниях за поджоги казенных лесов[49].

Однако эти законодательные акты практически не оказали воздействия на лесопользование крестьян. Реальные шаги в создании казенного лесного хозяйства были предприняты лишь в 1860-х гг. 21 апреля 1863 г. император утвердил "Временные правила о попенных и посаженных деньгах за право пользования лесом в Тобольской и Томской губерниях". С этого времени лица некрестьянских сословий потеряли право на беспошлинную вырубку леса, а крестьянам разрешалось бесплатное потребление лесоматериалов лишь для собственных нужд. В остальных случаях лесопотребители обязывались покупать лес по специальной таксе. Эксплуатация лесов возлагалась на волостные правления, а охрана на полесовщиков и пожарных старост, выбранных из крестьян[50]. Эти правила были введены временно на три года, но затем неоднократно продлевались, а с 1875 г. они распространились и на Акмолинскую и Семипалатинскую области[51].

С изданием правил резко ускорился начавшийся еще в 50-х гг. процесс формирования лесных дач единственного владения казны. Особенно возросли масштабом наступления на крестьянское землепользование с 1874 г., когда при Главном управлении Западной Сибири были учреждены должности пяти лесных ревизоров. С 1875 г. по 1878 г. лесные ревизоры провели первичное исследование лесов края, при их участии были разработаны новые лесные таксы и сформированы лесничества. Более жесткому контролю стала подвергаться деятельность волостных правлений по эксплуатации лесов. Это привело к резкому повышению лесных доходов казны. В 1864 г. от продажи леса в Тобольской и Томской губерниях казна получила лишь 6800 руб., в 1873 г. - 22443, а в 1881 г. - 91021 руб.[52]

Столь стремительный рост доходов однако не означал, что казна добилась существенных успехов в эксплуатации лесов Западной Сибири. Свидетельства чиновников лесного ведомства и местной администрации полны признаний о тщетности попыток приостановить вырубку крестьянами леса с целью продажи без оплаты его таксовой стоимости в казну. В Тобольском округе в 1870-х гг. волостные правления даже выдавали крестьянам специальные удостоверения о том, что лес действительно нарублен в крестьянской даче. Это как бы

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

подтверждало законность крестьянина продавать лес[53]. Попытки опереться при охране лесов на институт полесовщиков не достигали цели. "Полесовщики вообще ничего не делают...,- констатировал в 1881 г. лесной ревизор Голенецкий в ходе ревизии лесного хозяйства в Тобольском округе[54]. В материалах по исследованию Тюменского округа отмечалось, что казенные леса до 1883 г. были вне всякой охраны и крестьяне пользовались ими наравне со своими.[55]

В Восточной Сибири реализация законодательных актов 1840-1850 гг. о создании лесных заказников задержалась, хотя еще в 1854 г. на доклад по этому вопросу Николай I наложил резолюцию "требовать"[56]. Вплоть до 1890-х гг. в Восточной Сибири фактически не существовало казенного лесного хозяйства. Леса края по-прежнему находились в свободном пользовании сельского населения. Правительство не имело возможности эксплуатировать крестьян и через продажу им казенного леса. Извлечение лесного дохода осуществлялось в порядке закона 25 марта 1857 г., по которому с хозяев "огнедействующих" заводов взыскивалась плата в соответствии с количеством потребляемого заводами лесного материала.[57] Самая высокая такса устанавливалась на лесные материалы в радиусе 40 верст от Иркутска и Читы, 20 верст от Красноярска, Енисейска, Минусинска и других окружных городов.[58] Однако при отсутствии лесного надзора заводчики практически нередко бесконтрольно пользовались лесом.

Первая в Восточной Сибири заказная лесная дача площадью 21694 дес. была образована лишь в 1884 г.[59] В конце 80-х - начале 90-х гг. назначаются лесничие. Однако более широкие планы организации казенного лесного хозяйства остались в проектах. В 1886 г. иркутский генерал-губернатор А.П.Игнатьев представил в Министерство государственных имуществ проект о выделении в заказ важнейших лесов и открытии в крае казенного лесного управления. Проект был передан на заключение в Министерство финансов, но не встретил там поддержки. И.А.Вышнеградский признал невозможным его реализацию до проведения широких межевых работ и рекомендовал лишь упорядочить обложение "огнедействующих" предприятий лесным налогом. Однако Государственный совет не утвердил даже правил о введении пошлин на топливо, поскольку, согласно его заключению, это могло "только повести к нежелательному сокращению деятельности заводов... затруднить столь необходимое развитие пароходства в Восточной Сибири".[60] В 80-х гг. XIX в. леса Забайкалья не приносили дохода казне, а по двум восточносибирским губерниям в 1889 г. было не менее 6

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тыс. руб.[61]

Таким образом, в рассматриваемый период царизм предпринял ряд мер к расширению земельно-арендного и созданию лесного хозяйства казны в Сибири. Однако особенности Сибири как колонии в экономическом смысле, слабость органов надзора за государственными имуществами, незначительный еще приток переселенцев резко ограничивали возможности казны в эксплуатации земель и лесов. Земельно-лесное хозяйство казны на этом этапе оказывало еще крайне слабое влияние на аграрный строй Сибири. Основным путем экономической реализации земельной собственности государства оставалось взимание оброчной подати и других казенных платежей и повинностей. Вместе с тем, накопившийся у самодержавия опыт по хозяйственному использованию казенных земель и лесов восточной окраины, стал важным слагаемым активизации правящих кругов по укреплению и расширению земельно-лесного хозяйства государства в последующую эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ:

I. См.: Горюшкин Л.М. Из истории земельно-лесного хозяйства казны в Сибири конца XIX - начала XX в. // Из истории экономической и общественной жизни Сибири. Сборник статей к 90-летию академика Николая Михайловича Дружинина.-М.,1976. С.265-289; Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.).-Новосибирск,1976; Пантелеев В.И. Влияние переселенческой и землеустроительной политики царизма на развитие земельно-лесного хозяйства казны в Восточной Сибири в конце XIX - начале XX вв. // Политика царизма в Сибири в XIX - начале XX в.- Иркутск,1987. С.142-167; Он же. Земельно-лесное хозяйство казны в Сибири в период капитализма. Автореф. дис... канд. ист. наук.-Томск,1987; Он же. Хозяйственные заготовки леса как форма предпринимательской деятельности казны в лесной промышленности Сибири в конце XIX - начале XX вв.// Промышленное развитие в Сибири в XIX - начале XX вв.-Иркутск, 1989. С.63-80; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период.-Томск,1986; Он же. Социальная роль земельно-лесного хозяйства государства в Сибири в пореформенный период // Аграрная политика царизма в Сибири в эпоху капитализма.-Омск,1987. С.39-40.

2. Обзор деятельности департамента государственных земельных имуществ по управлению казенными оброчными статьями и другими имуществами, находящимися в его заведывании за 1907 г.-СПб.,1909.С.5.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

3. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева.-М.-Л.,1946.Т.I.С.498.

4. Статистический обзор государственных имуществ за 1858 год.-СПб.,1861. С.744,757.

5. Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII-XVIII вв.-Красноярск,1979. С.63.

6. Худяков В.Н. К вопросу об аграрной политике царизма пореформенного периода в Сибири (2-я половина XIX в.)// Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма.-Новосибирск,1978.С.42.

7. ЦГИА.-Ф.1589.-Оп.I.-Д.550.-Л.57; Ф.1263.-Оп.I.-Д.1736.-Л.88.

8. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ. 1837-1887.-СПб.,1888.Ч.3.Отд.I. С.121,126.

9. ЦГИА.-Ф.1149.-Оп.12.-Д.119.-Л.21-24;ГАЧО.-Ф.56.-Оп.I.-Д.322.-Л.18 об.-19.

10. ЦГИА.-Ф.1149.-Оп.11.-1896.-Д.119.-Л.21-24;ГАЧО.-Ф.56.-Оп.I.-Д.322.-Л.18 об.-19;ГАИО.-Ф.176.-Оп.I.-Д.144.-Л.69. Проценты подсчитаны нами.

11. ТФ ГАТО.-Ф.154.-Оп.20.-Д.1800.-Л.1-136;ГАЧО.-Ф.1(о).-Оп.I.-Д.12268.-Л.6-75.

12. ГАКК.-Ф.160.-Оп.I.-Д.132.-Л.1-99.Подсчеты наши. В Енисейской губернии доходы от оброчных статей возросли с 122 руб.36 коп. в 1840 г. до 10600 руб. 17 коп. в 1850 г. Однако с упадком золотопромышленности доходность казенно-оброчного фонда в губернии резко понизилась, составив в 1868 г. 4758 руб. 55 коп., а в 1876 г. - 4513 руб. (ГАКК.-Ф.160.-Оп.I.-Д.88.-Л.38 об.; Д.145.-Л.16 об.; Д. 347.-Л.70 об.; Д.491.-Л.36 об.).

13. ГАИО.-Ф.24.-Оп.9.-Д.36.-Л.3;Ф.25.-Оп.9.-Д.4.-Л.1 об.

14. Там же.-Ф.24.-Оп.9.-Д.241.-Л.15; Восточное обозрение. 1896. 3 марта.

15. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири.-СПб.,1889.Вып.4.С.108; ЦГАОР.-Ф.1796.-Оп.I.-Д.81.-Л.3;ГАИО.-Ф.157.-Оп.I.-Д.3.

16. В 1880 г. в Западной Сибири "переторжки" при сдаче в аренду казенно-оброчных статей были отменены (ТФ ГАТО.-Ф.152.-Оп.42.-Д. 607.-Л.14).

17. ГАКК.-Ф.160.-Оп.I.-Д.370.-Л.1-820;ГАИО.-Ф.25.-Оп.9.-Д.2571.-Л.14; Оп.27.-Д.1410.-Л.125.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

18. ГАИО.-Ф.176.-Оп.1.-Д.114.-Л.71.

19. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.-Новосибирск,1982. С.249.

20. Худяков В.Н. Аграрная политика...С.48,92-120.

21. ГАЧО.-Ф.1(о).-Оп.1.-Д.13001.-Л.1,2.

22. ГАИО.-Ф.176.-Оп.1.-Д.114.-Л.69 об.

23. ЦГАДВ.-Ф.702.-Оп.2.-Д.35.-Л.111-а.

24. Там же.-Л.116-а.

25. ГАИО.-Ф.24.-Оп.9.-К.2716.-Л.1.

26. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября.-Иркутск, 1966.С.86-92.

27. ГАКК.-Ф.160.-Оп.1.-Д.145.-Л.16 об.; Д.163.-Л.11 об. Проценты подсчитаны нами.

28. Там же.-Д.684.-Л.6 об.

29. ЦГА.-Ф.1149.-Оп.11.-1896.-Д.119.-Л.4.

30. Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года.-СПб.,1896. С.65.

31. ГАКК.-Ф.160.-Оп.1.-Д.975.-Л.265.

32. Восточное обозрение. 1894. 28 января.

33. ГАИО.-Ф.24.-Оп.9.-К.2716.-Д.277.-Л.1.

34. См.:ПСЗРИ.-СПБ.,1830.Изд.2.Т.Ш.№ 2263;Т.XII.№ 9841,10321.

35. Советские историки, писавшие о землях сорокалетнего пользования в Восточной Сибири, не рассматривают их как особый вид аренды казенных земель. (См.:Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.-Улан-Удэ, 1963.С.97-99; Федорова Е.Д. Из истории заселения таежных и урманных пространств Иркутской губернии во второй половине XIX века// Социально-экономическое развитие Сибири XIX-XX вв.-Иркутск,1976. С.31-33). Однако именно так они характеризовались в официальных правительственных изданиях этого периода.(См.:Забайкалье. Свод материалов высочайше утвержденной комиссии для исследования местного землевладения и землепользования.Составитель Н.И.Разумов.-СПб., 1899. С.102).

36. ПСЗРИ.-СПб.,1851.Изд.2. Т.XXXУ.Отд.I.№ 35628.

37. ГАЧО.-Ф.56.-Оп.1.-Д.236.-Л.125.

38. ЦГАДВ.-Ф.702.-Оп.2.-Д.35.-Л.117 об.-118.

39. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний.-М.,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

1890.Т.2.Вып.3.С.24.

40. ЦГИА.-Ф.387.-Оп.5.-Д.32931.-Л.14.

41. Красноярский краевой музей. О/Ф. № 7886/251. Т.2.С.55.

42. ГАПК.-Ф.160.-Оп.1.-Д.684.-Л.6 об. Подсчет наш.

43. Лесное хозяйство Западной Сибири//Сибирский вестник.1886. 16 февр.

44. ГАЧО.-Ф.56.-Оп.1.-Д.322.-Л.322.-Л.48 об.;ЦГИА.-Ф.1149.-Оп. 11.-1896.-Д.119.-Л.21-24;ГАЮ.-Ф.24.-Оп.9.-К.278.-Л.88-89.

45.ЦГИА.-Ф.387.-Оп.2.-Д.1095.-Л.172.

46. Там же.-Оп.1.-Д.446.-Л.1, 44-50, 56.

47. Там же.-Оп.2.-Д.1095.-Л.106 об.-109,112.

48. ПСЗРИ.Изд.2.-СПб.,1853.Т.XXXII.№ 25920.

49. Там же. 1854. Т.XXXIII.№ 27027; 1860. № XXXIII. № 33023.

50. ПСЗРИ.Изд.2.-СПб.,1866.Т.XXXIII.Отд.1. № 39523.

51. ЦГИА.-Ф.1149.-Оп.10.-1883.-Д.98.-Л.92 об.

52. Там же.-Л. 100.

53. ТО ГАТО.-Ф.152.-Оп.42.-Д.44.-Л.35 об.

54. Там же.-Оп.42.-Д.672.-Л.11

55. Материалы для изучения...Вып.2.С.41.

56. ГАЮ.-Ф.24.-Оп.10.-К.1650.-Д.7.-Л.78 об.

57. ПСЗРИ.Изд.2.-СПб.,1858.Т.XXXII.Отд.1.№ 31652.

58. ГАЮ.-Ф.176.-Оп.2.-Д.551.-Л.48.

59. Там же.-Оп.1.-Д.114.-Л.19.

60. ЦГИА.-Ф.1152.-Оп.11.-1890.-Д.115.-Л.28,139 об.

61. Там же.-Ф.1149.-Оп.11.-1896.-Д.119.-Л.21,24.

Никулин П.Ф.

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ АРЕНДЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX В.

В комплексе проблем буржуазной аграрной эволюции Сибири конца XIX – начала XX века важное место занимает вопрос о социально-экономической природе аренды в крестьянском хозяйстве. Он один из ключевых в оценке степени аграрно-капиталистического развития края и поэтому достаточно широко и серьезно изучался историками-аграрниками[1].

В результате среди них сложились две точки зрения на проблему.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Согласно первой из них, в сибирской деревне канун 1917 года преобладал мелкотоварный уклад и, следовательно господствовала продовольственная аренда. Ведущее место она занимала и в кулацком хозяйстве, сделавшем ставку на торговлю и ростовщичество. Большинство исследователей, однако, констатируя господство в сельскохозяйственном производстве края зажиточного крестьянства, квалифицируют его арендную деятельность как предпринимательски-капиталистическую.

Что касается первой точки зрения то она, несомненно, страдает "теоретическим" подходом: характер аренды определяется типом господствующего в крестьянском (в том числе и зажиточном) хозяйстве мелкотоварного уклада, природа которого - она может быть феодальной, полуфеодальной или мелкобуржуазной - в данной концепции четко и доказательно не квалифицирована. Теоретико-схоластические подходы в какой-то мере присущи и сторонникам другой концепции: часть из них выводит предпринимательский характер зажиточной аренды, основываясь на априорном тезисе о преобладании в крупном крестьянском хозяйстве края капиталистического способа производства. Но все же "солью" концепции стали представительные массовые данные о предпринимательских мотивах и факторах в арендной и производственной деятельности состоятельных крестьян. К ним, прежде всего, следует отнести расширяющиеся масштабы товарного производства, введение элементов интенсивных систем земледелия, применение усовершенствованного инвентаря и сельскохозяйственных машин и широкое использование труда наемных работников. Отдельные исследователи вводили и количественные критерии капиталистической аренды[2]. Однако для исчерпывающего решения проблемы всего этого оказалось недостаточно, поскольку - и это главное- не были учтены роль непроизводственных, потребительских факторов зажиточной аренды и их соотношение с предпринимательскими мотивами, что в значительной степени обусловливалась отсутствием в арсенале аграрников необходимых методов.

Таким образом, дальнейшая разработка избранной проблемы должна заключаться, во-первых, в целостном подходе к изучению крестьянской аренды и, во-вторых, в точном измерении соотношения в ней производственных и потребительских факторов, построенном на эффективной методике. В итоге это даст более достоверные и доказательные средства для оценки глубины капиталистической эволюции

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

крестьянского хозяйства края. Попытка достигнуть этих целей и составляет содержание данной статьи.

Крестьянское хозяйство было системой с присущей ей целостностью, выражаемой в структуре и единстве функционирования. Поэтому постичь его социально-экономическую природу возможно лишь при целостном подходе[3], предполагающем анализ его элементов (в том числе и аренды), структуры их взаимосвязей и учет влияющих факторов.

Аренда, как и любой другой элемент хозяйственной системы, несла на себе два качества: свое собственное, присущее аренде вообще, и системное, отражавшее природу крестьянского хозяйства в целом[4]. Поэтому ее общественно-хозяйственный характер определялся типом социально-экономического строя хозяйства. Следовательно, рассмотрев структуру взаимосвязей аренды с другими компонентами экономики крестьянского двора и измерив в случае надобности соотношение воздействовавших на нее причин (факторов) можно выявить ее общественно-экономическую природу и далее определить общественный уклад изучаемого типа крестьянского хозяйства[5].

Системный подход к изучению крестьянского хозяйства требует массовых статистических данных. В связи с этим источниковой основой настоящей работы были избраны подворные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Томской губернии[6], представлявшей две трети крестьянских дворов Западной Сибири. Они репрезентативны и надежны[7]. Сибирская программа переписи содержала сведения о населении двора, размерах семейной и наемной рабочей силы, величине пашни, посевов и количестве голов рабочего и продуктивного скота. Для анализа были взяты существенные в социально-экономическом отношении показатели: 1) население двора, 2) семейные работники обоего пола, 3) наемные работники обоего пола (годовые, срочные и месячные), 4) тягловый скот, 5) продуктивный скот[8], 6)своя пашня (дес.), 7) сданная пашня, 8) арендованная пашня, 9) вся пашня, 10) свой посев, 11) посев на арендованной пашне или арендованный посев, 12) весь посев.

Подворные показатели характеризуют различия хозяйств в плане размеров. Эти различия во многом обусловлены размерами семей. Поэтому были вычислены и более объективные показатели, рассчитанные на одномасштабную единицу - душу. Душевые показатели свидетельствуют о различиях в состоятельности крестьянских хозяйств. Кроме того, производственно-технические признаки (скот, пашня, посевы) рассчитывались на семейного работника, десятину посева и голову тяглового

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

и продуктивного скота. Цель такой сложной четырехуровневой системы показателей - извлечение максимума скрытой информации.

Следующим этапом обработки подворных материалов переписи стало формирование типической выборки хозяйств зерновой специализации. В нее по средним подворным данным, включавшим помимо перечисленных признаков сведения о плугах, усовершенствованном инвентаре и числе мельниц[9], попали Екатерининская и Бурлинская волости (6704 хоз.) Барнаульского уезда[10]. Сохранность подворных карточек по ним составила 91%. Из совокупности сохранившихся карточек способом случайного механического отбора была сформирована для обработки на ЭВМ представительная выборка в 422 единицы.

В дальнейшем полученная выборка в 422 двора была разделена на 5 групп по величине посева: I группа - беспосевные дворы; II - с посевом до 5 дес; III - с посевом от 5,I до 10 дес., IV - с посевом от 10,I до 15 дес.; и V - с посевом свыше 15 дес.[11] Средние подворные и подушевые данные по каждой из групп представлены в таблице I.

Чтобы осуществить целостный подход, нужно подобрать формально-логический аналог (математическую модель) реальной структуры взаимосвязей крестьянского хозяйства. Иначе говоря, требуется выбрать методику измерения силы взаимосвязей между элементами его структуры. В математической статистике такие средства есть. Анализ силы (тесноты) взаимосвязей и степени воздействия на тот или иной процесс различных факторов может быть произведен на основе хорошо разработанных и апробированных корреляционного и факторно-регрессивного методов[12]. Эти методы явились основой завершающей стадии обработки избранных подворных данных.

Главным направлением работы стал корреляционный анализ. Корреляционной обработке на ЭВМ подверглись как групповые данные, так и сведения по выборке в целом.

Чтобы правильно и четко интерпретировать полученные корреляционные модели аренды, необходимо уточнить наши сущностно-содержательные представления об арендных отношениях в дореволюционной сибирской деревне.

Аренда земли выражала собой процесс отделения земли как условия сельскохозяйственного производства от земельной собственности и подчинения ее капиталистическому способу производства[13] и, следовательно, являясь формой буржуазной мобилизации земли. Вызывалась она потребностями товарно-капиталистического производства, функ-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

онировавшего в условиях развитой земельной собственности и формирования монополии на землю как на объект хозяйства. В Западной Сибири конца XIX - начала XX века названные обстоятельства определенно сложились. Здесь существовала достаточно развитая собственность на землю Казны и Кабинета[14] и происходил процесс становления хозяйственной монополии на землю, обусловленной бурной эволюцией крестьянского хозяйства региона, что привело к возникновению относительной земельной тесноты. В результате развивалась аренда земли. В западносибирской деревне господствовала денежная форма аренды. Издольщина была малораспространенной[15].

В условиях господства товарно-денежных отношений и подчинения им аренды в качестве арендатора мог выступать любой владелец денег (капитала) независимо от их размера, будь то крестьянин-капиталист или мелкий товаропроизводитель (мелкий аграрий, середняк, полупролетарий). Это общее условие отражало тот общий факт, что во всех социальных типах крестьянского хозяйства обращение к аренде было следствием потребностей производства, ведущегося на буржуазной, товарно-капиталистической основе, результатом необходимости поддерживать его на уровне общественно необходимых рыночных требований[16]. Природа же данных потребностей обусловливалась характером внутреннего строя той или иной категории крестьянского хозяйства, целью ведущегося в этом хозяйстве товарного производства. Собственно капиталистическое или предпринимательское по тенденции хозяйство, функционировавшее на расширенной основе, имело целью извлечение прибавочной стоимости в форме прибыли. Поэтому аренда в нем приобретала предпринимательский (коммерческий) характер. В потребительском мелкотоварном крестьянском хозяйстве аренда осуществлялась с целью производства необходимого продукта, в связи с чем они носили продовольственный характер.

Итак, в основе коммерческой аренды лежали потребности ведущегося в расширяющемся масштабе предпринимательского земледельческого хозяйства. Поэтому ее уровень и размеры определялись уровнем и размерами экономической мощности двора: "размер аренды, - справедливо писал в этой связи В.И.Ленин, - с полной правильностью возрастает по мере большего обеспечения крестьян,... чем обеспеченнее крестьянин своею землей, тем более арендует он земли"[17]. Следовательно, сущности предпринимательской аренды соответствует такая корреляционная модель, в которой аренда имеет устойчивые прямые взаимосвязи

Таблица I.

Подворная (I) и подушевая (II) обеспеченность основными средствами производства и рабочими ресурсами крестьянских хозяйств зерновой специализации

№ п/п	Показатели	Группы дворов с посевом на хозяйство											
		I		II		III		IУ		У		IУ	
		беспосевные		0,I-5 дес.		5,I-I0 дес.		I0,I-I5 дес.		свыше I5 д.		В целом	
		I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
I.	Население двора	3,7	-	3,9	-	6,4	-	6,0	-	7,3	-	5,I	-
2.	Семейные работники	I,8	0,53	I,8	0,53	2,3	0,46	2,9	0,53	3,5	0,5I	2,4	0,5I
3.	Наемные рабочие	0,02	0,005	0,03	0,0I	0.07	0,02	0,II	0,03	0,6	0,09	0,I3	0,02
4.	Тягловый скот	0,7	0,25	I,6	0,5	3,4	0,75	4,5	0,9	6,5	I,0	3,I	0,7
5.	Продуктивный скот	I,0	0,4	I,7	0,6	3,0	0,7	4,5	0,8	6,6	I,0	3,I	0,7
6.	Своя пашня	2,2	0,9	6,8	2,I	I3,7	2,8	20,5	3,8	32,7	5,0	I3,8	2,7
7.	Сданная пашня	I,0	0.5	0,9	0,3	0,5	0,I	0,2	0,02	0,I	0,0I	0,7	0,I
8.	Арендованная пашня	0,0	0,0	0,5	0,I	I,I	0,3	I,5	0,3	5,I	0,7	I,2	0,3
9.	Вся пашня	I,2	0,4	6,4	I,9	I4,3	3,0	20,8	4,I	37,8	5,7	I4,3	2,9
I0.	Посев на своей пашне	0,0	0,0	2,4	0,7	6,9	I,5	II,4	2,I	2I,9	3,3	7,4	I,4
II.	Посев на арендованной пашне	0,0	0,0	0,3	0,I	0,5	0,I	0,7	0,2	2,I	0,4	0,9	0,2
I2.	Весь посев	0,0	0,0	2,7	0,8	7,4	I,6	I2,I	2,3	24,0	3,7	8,3	I,6
I3.	Количество дворов в группе	43		I4I		I23		53		62		422	
I4.	Доля групп (в %)	I0,2		33,4		29,I		I2,6		I4,7			

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

с основными элементами производственно-технической базы (рабочим и продуктивным скотом, инвентарем и т.д.) и наймом.

Аренда с продовольственной целью вызывалась нехваткой своей земли. В этом случае в корреляционной модели аренды должна присутствовать и доминировать обратная (отрицательная) взаимозависимость между посевом на арендованной пашне и посевом на собственной земле. Взаимосвязь аренды с рабочим скотом и мертвым инвентарем не исключается, так как снимать землю могли преимущественно сельские хозяева, хоть в какой-то степени обеспеченные производственно-техническими ресурсами.

Полученные содержательные (теоретические) модели предпринимательской и продовольственной аренды будут маяком в дальнейшем анализе реальных арендных отношений, сложившихся в западносибирской деревне накануне 1917 года. С этой целью обратимся к результатам корреляционного анализа аренды в различных социальных группах крестьянского хозяйства региона, осуществленного на основе отобранных подворных данных сельскохозяйственной переписи 1917 года по Томской губернии (см. табл. 2).

Среди корреляционных коэффициентов аренды в крестьянских хозяйствах зерновой рыночной специализации сразу же привлекают внимание те, которые характеризуют направление и тесноту взаимосвязи между посевом на арендованной пашне и посевом на надельной земле в хозяйствах бедняков (П группа) и середняков (Ш и IУ группы). Согласно им в данных группах выделенная взаимозависимость была обратной и очень тесной (- 0,50; - 0,68; и - 0,73). Это,безусловно, свидетельствует о единой потребительской природе аренды в полупролетарских и середняцких дворах.

Однако общий продовольственный характер аренды в хозяйствах рассмотренных социальных групп западносибирского крестьянства не означает, что в ней не было различий. Сущность этих различий в разной силе проявления предпринимательских черт. Так в полупролетарской второй и собственно середняцкой третьей группах совершенно отсутствуют какие-либо моменты, указывающие на предпринимательство в арендных отношениях: взаимосвязи арендованного посева на душу с рабочим скотом и уровнем обеспеченности нанятыми работниками здесь либо не значимы, либо весьма слабы. Более того, в группе с посевом до 5 десятин взаимозависимость между тягловым скотом и посевом на арендованной пашне имеет отрицательное значение (- 0,17). Это указывает на абсолютно вынужденный, "голодный" характер аренды в низ-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Таблица 2.

Взаимосвязи арендованного посева на душу с другими показателями крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент О,...).

№ п/п	Показатели	Группы хозяйств с посевом (дес.				
		П	Ш	IУ	У	В целом
	На душу:					
I.	тяглового скота	- I7	I2	39	28	25
2.	посева на надельной пашне	- 38	-38	-20	-15	3
3.	посева на всей пашне	- 8	27	42	43	46
4.	наемных работников	0	- 4	36	44	46
5.	доля наемных рабочих	4	3	34	45	56
6.	надельного посева на двор	- 50	-68	-73	-34	5
7.	арендованного посева на двор	94	87	96	95	93
8.	доля арендованного посева	9	9	97	89	73
9.	тяглового скота на семейного работника	- I4	- 5	28	42	44
I0.	всего посева на семейного работника	0	- I	30	46	45
II.	посев на голову взрослого продуктивного скота	I0	- I	0	32	21
I2.	семейных рабочих на дес. посева	I0	- 4	-25	-38	-I0
	Уровень значимости[I8)]	I4	I5	23	2I	I4

шей группе крестьянства, когда к съемке пашни под посев прибегали, даже не располагая в должной мере рабочими лошадьми и инвентарем. Поэтому такой аренде земли сопутствовали наем "работника с конем" и аренда производственного инвентаря.

Наличие слабой обратной сопряженности между рабочим скотом на душу и арендованным посевом на душу во второй группе свидетельствует

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

также о том, что полупролетарии, не имея денежных доходов от своего хозяйства, были вынуждены вкладывать в аренду деньги, полученные от внеземледельческих промыслов и продажи собственной рабочей силы. Этому есть и прямые доказательства, полученные в результате факторно-регрессионной обработки сведений переписи. Согласно им, в малопосевной группе доля вариации результативного признака "посев на арендованной пашне", объясненная внутрихозяйственными факторами (доходами от своего хозяйства) не превышала 35%[19]. Из чего вполне очевидно следует, что деньги на оплату аренды пашни под посев бедняки брали главным образом из доходов от промыслов и заработков.

Отдельные черты предпринимательской тенденции возникали лишь в хозяйстве зажиточного середняка (IУ группа - с посевом от I0 до I5 дес.). Именно здесь наблюдается наличие слабой корреляции арендованного посева с рабочим скотом на душу (0,39), показателем капиталовооруженности - тягловым скотом на семейного работника (0,28), с количеством наемных работников на душу и с долей наемного труда (0,36 и 0,34). Однако в группе зажиточных середняков, как отмечалось, в аренде были достаточно сильны и потребительские черты. Свидетельствует о том довольно тесная обратная связь (-0,73) между арендой и посевом на надельной пашне. Из сопоставления силы предпринимательских и потребительских взаимосвязей вполне очевиден вывод о том, что у зажиточных середняков, несмотря на наличие серьезной предпринимательской тенденции, в целом аренда была потребительской. Так как ее размеры в основном (более чем на 50%)[20] определялись нехваткой имевшей продовольственное значение надельной земли.

Выяснив в целом потребительский, продовольственный характер аренды в хозяйстве зажиточного середняка, необходимо вновь обратиться к предпринимательским мотивам в его деятельности с тем, чтобы более полно осветить некоторые теоретические аспекты в определении социально-экономической природы переходной аренды.

Проявление черт коммерческой аренды в хозяйственной деятельности зажиточных середняков обусловливалось получением небольших по размеру излишков над необходимым продуктом, что позволяло им получать некоторую прибыль и обращать ее на расширение производства. Получение же в арендующем крестьянском хозяйстве небольших продающихся излишков в сочетании с практическим отсутствием в нем наемного труда, по мнению А.М.Анфимова, есть основание для выделения особого

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

промежуточного вида аренды - товарной аренды[21]. Так что, сообразно предложенной им классификации, аренду зажиточного середняка следует отнести к товарной. Многие из исследователей пореформенного крестьянского хозяйства Сибири такого подразделения и придерживаются[22].

Это, однако, представляется неправомерным по следующего рода соображениям. В основе разработанного А.М.Анфимовым подхода лежат представления о том, что товаром в крестьянском хозяйстве является не весь поставляемый на рынок данным хозяйством продукт, а только та его часть, которая была излишком[23]. Первым выдвинувший настоящее положение П.Г.Рындзюнский опирается в данном случае на известные слова К.Маркса о том, что все "товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев"[24]. В этой мысли К.Маркса, однако, нет определения сущности товара. В ней всего лишь зафиксированы определенные свойства товара, возникающие из отношения "продавец-товар-покупатель". Сам же товар таковым на рынке и вообще в системе общественных экономических отношений уже признан.

Товар,- это прежде всего, категория, которая возникает из общественного разделения труда. "Предметы потребления, - отмечал в этой связи К.Маркс, - становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависимых друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества"[25]. Связь отдельных товаропроизводителей, а значит и общественный учет производимых ими продуктов осуществляется путем обмена на рынке[26]. Исходя из указанных положений "Капитала" В.И.Ленин и сформулировал известное определение товара как продукта труда, предназначенного для обмена путем купли-продажи[27]. Тот же момент, какая часть продукта (излишек над необходимым или часть необходимого) идет на рынок, обусловливался глубиной общественного разделения труда. В любом случае крестьянин объективно имел выгоду от участия в процессе специализации общественного производства[28].

Итак, товаром является всякий продукт, доставленный крестьянином на рынок. А раз так, то товарный характер носила не только предпринимательская аренда и вообще аренда в хозяйстве, производившем излишек, но и продовольственная аренда, осуществлявшаяся с целью получения необходимого продукта, если хозяйство, в котором он производился было подчинено товарно-денежным отношениям. Следовательно нет нужды выделять особую товарную аренду. В условиях господства в Рос-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

сии и Сибири начала XX века рыночных отношений есть основания выделять только два вида аренды: предпринимательскую (чисто капиталистическую и предпринимательскую по тенденции) и продовольственную (потребительскую, мелкотоварную, мелкобуржуазную).

При изучении арендных отношений в крестьянском хозяйстве наибольшую сложность представляет оценка социально-экономической природы аренды в зажиточной группе (с посевом более 15 дес.). Связано это, прежде всего, с присутствием в ней черт как предпринимательской так и продовольственной аренды, соотношение которых обычными методиками не улавливается. "Мистический", переходный характер зажиточной аренды хорошо выявляется путем простого сопоставления средних душевых показателей по состоятельной группе в целом и по выделенным из нее арендующим дворам (см. табл 3). Из сравнения видно, что арендующие хозяйства имеют больше посевов и менее населены, а с другой стороны, имеют меньше лошадей и, самое главное, очень слабо обеспечены надельной землей. Какие факторы - производственные или потребительские - сильнее, определить, разумеется, невозможно.

Таблица 3.

Средняя душевая обеспеченность тягловым скотом и посевами зажиточных хозяйств

№ п/п	Показатели	Зажиточные дворы в целом	Зажиточные дворы с арендой
1.	Количество дворов	62	11
2.	Население двора	8,7	7,9
	На душу:		
3.	Тяглового скота	0,82	0,77
4.	Своего посева (дес.)	2,8	1,9
5.	Арендованного посева	0,2	1,3
6.	Всего посева	3,0	3,2

Переходный характер аренды в зажиточном крестьянском хозяйстве значительно четче и детальней просматривается из результатов структурного, корреляционного анализа (см. табл. 2). В самом деле, во внутреннем строе хозяйства сельского буржуа наблюдается самое рельефное проявление взаимообусловленности между посевом на арендованной пашне и показателями производственной мощности хозяйства. Так, арендованный посев на душу довольно тесно связан с количеством ра-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

бочих лошадей на душу (0,28), посевом на всей земле (0,43) и с показателями капиталовооруженности двора - количеством рабочих лошадей и посева в расчете на семейного работника (0,42 и 0,46). Самое же важное - наличие достаточно тесной взаимосвязи аренды с числом наемных работников на душу и долей наемного труда (0,44 и 0,45). В то же время арендованный посев имеет устойчивую обратную взаимосогласованность с посевом на своей (надельной) пашне в расчете на душу (-0,34).

Ни один из предпринимательских и потребительских факторов не оказывал на уровень аренды определяющего воздействия: уровень корреляции во всех случаях ниже 0,5. Поэтому, учитывая взаимную переплетенность факторных признаков, оценить какие из них (предпринимательские или продовольственные) преобладали, по итогам корреляционного исследования невозможно. Для этого следует обратиться к факторному методу множественного регрессионного анализа. Его результаты отображены в таблицах 4 и 5 в виде регрессионных моделей размеров и уровня посева на арендованной пашне[30].

Как видно из таблиц, аренда оплачивалась из денежных доходов от собственной хозяйственной деятельности. Свидетельствует об этом тот факт, что размеры и уровень аренды практически целиком (на 86,2 и 85,3%) определялись внутрихозяйственными факторами. Сразу же следует сказать, что роль потребительских черт (показатель "собственный посев на хозяйство" и определенная доля воздействия фактора "семейных рабочих на двор"[31]) была в общем невелика: 25,9% для модели размеров аренды и 9,1% для модели ее уровня. Понятно и почему выше значение потребительских моментов в воздействии именно на подворные размеры аренды. Это результат абсолютной нехватки своей земли, низкой ее душевой обеспеченности в части арендующих зажиточных дворов.

Преобладающее значение в воздействии на размеры и уровень аренды имели чисто производственные причины. Главную роль среди них, как об этом свидетельствуют данные таблиц 4 и 5, играли размеры производственно-технической базы хозяйства, представленной показателем количества рабочих лошадей на двор (28,2 и 34,1%). Из других факторов для их характеристики необходимо обратиться к более подробной в плане показа производственно-экономических причин факторной модели уровня аренды (табл. 5). - в модели полушевой аренды представлены следующие. Во-первых, это показатель капиталовооруженности и производительности труда - "рабочих лошадей на семейного работника" (18,3%) и родственный ему показатель "посева

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Таблица 4.

Зависимость размеров аренды (арендованного посева на двор) от различных факторов в хозяйстве зажиточного крестьянина

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на хозяйство	26,2
Семейных рабочих на хозяйство	22,6
Всего посева на семейного работника	20,9
Собственного посева на хозяйство	I4,6
Суммарная роль учтенных факторов	86,2
Роль неучтенных факторов	I3,8

Таблица 5.

Зависимость уровня аренды (арендованного посева на душу) от размеров факторов в хозяйстве зажиточного крестьянина

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на хозяйство	34,I
Рабочего скота на семейного работника	I8,3
Посева на голову продуктивного скота	I5,4
Посева на голову тяглового скота	8,4
Собственного посева на хозяйство	9,I
Суммарная роль учтенных факторов	85,3
Роль неучтенных факторов	I4,7

на голову тяглового скота", который можно интерпретировать как фактор оснащенности хозяйства усовершенствованным мертвым инвентарем (8,4%) и во-вторых, фактор степени рыночной специализации хозяйства – "посева на голову продуктивного скота" (I5,4%). В плане характеристики роли производственных факторов интересно и значение признака "семейных рабочих на двор" в первой модели. Действительно, факт, связанный с тем, что среди денежных доходов, шедших на увели-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

чение абсолютных размеров аренды, доля семейного труда не имела решающей роли (22,6%), показывает определяющее значение в хозяйственных доходах и расходах овеществленного труда: хозяйственных построек, усовершенствованного и простого инвентаря, затрат на совершенствование системы земледелия и т.д.

Таким образом, различия в размерах и уровне аренды в зажиточной группе определялись прежде всего факторами производственно-экономической мощности хозяйства. Говоря шире, уровень и размеры аренды определялись величиной общих затрат капитала, включая затраты на рабочую силу. Это неоспоримо свидетельствует о том, что в хозяйстве зажиточного западносибирского крестьянства начала XX века аренда при наличии как потребительских так и предпринимательских черт, в целом имела четко выраженную предпринимательскую природу.

Вместе с тем следует констатировать, что предпринимательство в аренде было в этот период всего лишь преобладающей социально-экономической тенденцией, господствующим направлением ее развития, процессом "превращения аренды в капиталистическое фермерство, зарождением предпринимательства в земледелии"[32]. Указывают на это все еще относительно низкий уровень корреляции аренды с наймом и производственно-техническими показателями: тягловым скотом и посевом в расчете на работника , десятину посева и голову продуктивного скота (0,4 – 0,5), а также наличие в ней заметно выраженных потребительских качеств. Кроме того, социальный анализ показал, что в зажиточном крестьянском хозяйстве в рассматриваемый период семейный труд все еще преобладал над наемным[33]. Это – прямое свидетельство мелкобуржуазного типа предпринимательства в аренде.

Следовательно, внутренний социально-экономический строй зажиточного крестьянского хозяйства был предпринимательски-мелкобуржуазным. В начале XX века состоятельное крестьянское хозяйство еще не достигло чисто капиталистической стадии. Зажиточный крестьянин был мелкобуржуазным предпринимателем. Вместе с данными о мелкотоварном (буржуазном) характере производства в других социальных группах крестьянства это свидетельствует о мелкобуржуазном строе дореволюционной сибирской деревни.

Что же касается общего характера аренды в крестьянском хозяйстве региона в целом, то в нем, как и в зажиточной группе, господствовало предпринимательское направление. Данные корреляционного анализа прямо свидетельствуют об этом (см. табл. 2). В самом деле, коэффи-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

циенты взаимосвязей арендованного посева на душу с другими производственными и социальными признаками для крестьянского хозяйства в целом практически совпадают по характеру и величине с аналогичными коэффициентами в зажиточной группе. Это говорит о том, что сельская буржуазия господствовала в аренде и тем самым определяла весь строй арендных отношений в западносибирской деревне.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы.-Л.,1962. С.402-411; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября.-Иркутск,1965. С.102-118; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: (конец XIX - начало XX вв.)-Новосибирск,1967. С.126-137, 228-235; Слепцов Е.Я. Аренда земли в старожильческой деревне Западной Сибири накануне 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири.-Томск,1990. С.175-185 и др.

2. К хозяйствам, арендующим землю с капиталистической целью, относились дворы с посевом 20 и более дес. См.: Слепцов Е.Я. Указ. соч. С.185 и др.

3. О целостно-системном подходе к анализу крестьянского хозяйства см.: Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Д., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: (Источники и методы исследования).-М.,1988. С.64-71.

4. О двойственности качества элемента системы см.: Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. 3-е изд.,доп.-М.,1986. С.73-116.

5. Яркий пример такого системно-целостного анализа аренды представляет работа Моисеенко Т.Д. Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XX века// История СССР. 1979.№ 4. С.66-82.

6. ГАТО.-Ф.239.-Оп.16.-Д.211.

7. См.: Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. - источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1981.-М.,1982. С.72-99.

8. Продуктивный скот исчислялся в переводе на голову взрослого крупного рогатого скота: коровы и быки 1:1, молодняк крупного рогатого скота в масштабе 5:1, мелкий скот (свиньи, овцы, козы всех возрастов) 10:1.

9. См.: Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйст-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

венной переписи 1916 года.-Томск,1927. С.22-42, 174-205.

10. См.: ГАТО.-Ф.239.-Оп.16.-Д.5,11,22,27.

11. Среди имеющихся в литературе группировок наиболее обоснованной представляется классификация Л.М.Горюшкина. К беднякам он относит хозяйства с посевом до 4 дес., к зажиточным - с посевом свыше 10 дес. В нашем случае интервалы были скорректированы в сторону их расширения в связи со специализированным, зерновым типом выборки. См.: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство... С.98-104.

12. См.: Количественные методы в исторических исследованиях.-М.,1984. Гл.6.

13. См.: К.Маркс. Капитал//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.II. С.166-167.

14. Подробнее см.: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.).-Новосибирск,1976.С.249-308.

15. См.: Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики.-СПб.,1914. С.67; Сельскохозяйственный обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г.-Омск,1914. С.63; Сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1914 год. С.91; Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии за 1914-1915 сельскохозяйственный год.-Тобольск,1916. С.130.

16. См.: Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX - начале XX века. По бюджетным данным среднечерноземных губерний // История СССР. 1983.№ 5. С.50-81.

17. Ленин В.И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. //Полн. собр. соч. Т.I. С.14.

18. Для доверительной вероятности в 95%.

19. В хозяйствах III и IV групп доля объясненной вариации превосходила 50%.

20. Коэффициент детерминации в этом случае более 50% ($0,73^2$ = 0,53 или 53%).

21. К предпринимательской аренде А.М.Анфимов относит аренду во дворах с посевом 9-10 десятин и с систематическим использованием наемного труда. См.: Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века.-М.,1961.С.98,98,99,100,115.

22. См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.-Новосибирск,-1982. С.262 и др.

23. См.: Рындзюнский П.Г. О мелкотоварном укладе в России XX

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

века// История СССР.1961.№ 2. С.48-70; Он же. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в.//История СССР. 1963. № 4. С. 95-114; Анфимов А.М. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России// История СССР. 1963. № 2.С.141-160; Он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881-1904 гг.-М.,1984. С.5-6.

24. Маркс К. Капитал.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.95.

25. Там же. С.82.

26. Там же. С.82-83.

27. Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т.1. С.85-87.

28. В литературе суть возражений против взглядов П.Г.Рыдзинского впервые сжато сформулировал И.Д.Ковальченко. См.: Ковальченко И.Д.Об изучении мелкотоварного уклада в Россиии XIX века// История СССР. 1962. № 1. С.82,87,88; Он же. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.-М.,1967. С.333-334.

29. Предпринимательская по тенденции аренда, как представляется, присуща предпринимательскому крестьянскому хозяйству, которое в своем развитии еще не достигло чисто капиталистической стадии.

30. Наем как весьма случайный, неустойчивый показатель, из числа факторных признаков исключен.

31. Семейные рабочие производили как необходимый так и прибавочный продукт. Для простоты возьмем на долю потребительских расходов примерно 50% от всего воздействия этого фактора. Это составляет 11,3%.

32. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века//Полн. собр. соч. Т.17. С.88.

33. Этот вопрос станет предметом специальной работы.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

IУ. НЭП В СИБИРИ.

Бурнашева Н.И.

ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ ЯКУТИИ В ГОДЫ НЭПА

Одной из наиболее ярких и интересных страниц истории нашего советского государства является осуществление новой экономической политики, повлекшее за собой крупные перемены в системе управления - от административных методов к экономическим и как результат этого - кардинальных изменений в экономике и политике. Введение продовольственного налога в сельском хозяйстве, отмена всеобщей национализации мелкой и кустарной промышленности, снятие запретов на торговлю, финансовая реформа открыли простор развитию рыночных отношений, частной инициативы и предпринимательства, способствовали выходу страны из тяжелейшего экономического и политического кризиса, вызванного последствиями гражданской войны и политики "военного коммунизма".

Изменения коснулись всех сторон жизни народа, принесли, наконец, надежды на стабильность, лучшую и спокойную жизнь.

Такими же надеждами жили в те годы и трудящиеся одного из самых отдаленных национальных районов Сибири - Якутии. Политика "военного коммунизма", введенная здесь с весны 1920 г., усложнила, и без того непростую, экономическую ситуацию края. В те годы в Якутии можно было наблюдать осуществление всех элементов данной политики. В первую очередь была проведена национализация частных промышленных и торговых предприятий, банков и транспортных средств, государственной собственностью стали электростанции, заводы, мастерские и другие промышленные предприятия. Одним из основных мероприятий данного периода явилось введение продовольственной разверстки в размере 420 тыс. пуд. хлеба, что составляло около 50 урожая 1920 г.[1] С лета 1920 г. проводилась мясная и масляная разверстки, причем, запрещалась всякая торговля мясом и маслом между частными лицами. Помимо всего этого на население тяжким бременем легли различные государственные трудовые повинности, обязательные поставки, карточная система распределения продовольственных и промышленных товаров, предметов первой необходимости и иные тяготы.

Положение усложнилось изматывающей гражданской войной, продолжавшейся в Якутии до 1922 г. и интервенцией армии А.Пепеляева в 1922 - 1923 гг. Трудно даже установить полностью тот урон, который на-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

несли они народному хозяйству. Значительно сократились посевные площади, уменьшилось поголовье крупного рогатого скота и лошадей, одних промышленных товаров, направленных в Якутию из центральной России, белобандиты захватили на сумму 1,5 млн. руб. золотом[2].

Провозглашение новой экономической политики явилось для народов Якутии тем целительным началом, которое буквально совершило переворот в экономике. После ликвидации пепеляевщины весной 1923 г. советским государством была оказана якутянам значительная финансовая помощь, направлены сельскохозяйственные машины, промышленные товары, что способствовало восстановлению народного хозяйства Якутии.

Поворотным моментом для развития сельского хозяйства стала замена продразверстки продовольственным налогом и введение свободной торговли. За короткий срок появилось множество частных предприятий, торговых обществ и фирм, смешанных акционерных организаций, открывались магазины и лавки, что значительно оживило рынок и укрепило этим экономическое положение Якутии.

Утверждение в стране определяющих принципов НЭПа - обмена через торговлю, опоры на личный интерес, хозяйственную инициативу и самостоятельность, переход на самофинансирование - вызвало быстрый рост кооперации. И в Якутии приметой времени, свидетельствовавшей о серьезных переменах в экономике, явилось возникновение и развитие разнообразных форм кооперации и распространение их деятельности на всей ее огромной территории. Объяснялось это тем, что методы управления, принципы экономического механизма 1920-х годов в полной мере соответствовали демократической природе кооперативного труда, были нацелены на активизацию личного интереса при личной ответственности за результаты труда как индивидуального, так и применяемого в коллективном, общественном производстве.

Как известно, для В.И.Ленина новая экономическая политика означала путь кооперирования населения, имеющий своей целью максимальное развитие кооперации, превращение ее во всеобщую форму социальной организации населения страны. "Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения - вот для этого требуется целая историческая эпоха", - писал он[3]. Предстояла долгая, кропотливая работа по привлечению трудящихся к коллективному труду, убеждению их в выгодности и перспективности кооперации.

Годы НЭПа характерны для Якутии активизацией деятельности потребительской, кредитной, снабженческой, сельскохозяйственной кооперации, зарождением и становлением производственной ее формы - промы-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

словой кооперации.

История кооперативного движения в Якутии берет начало еще до Октябрьской революции, когда в 1911 г. было образовано Первое якутское общество потребителей обывателей г. Якутска. Общество имело капитал в 2275 руб. В состав общества входили 46 членов-пайщиков при 25 рублевом паевом взносе. Членами его были жители г.Якутска и пригородного села Марха.

В 1913 г. образуется новый Якутский городской кооператив "Экономия", заменивший "Общество потребителей". Помимо этого в эти же годы стали возникать и более мелкие потребительские общества: чернобочих, Якутское сельскохозяйственное общество, Первая трудовая рыбопромышленная артель, Почтово-телеграфное общество потребителей. В результате, с 1913 по 1916 г. возникло 43 потребительских общества.

В начале 1917 г. продовольственный кризис, вызванный тяжелым политическим и экономическим положением в стране, оказал влияние на рост числа потребительских обществ в крае. Возникли кооперативы и в уездах Якутии. В 1917-1918 гг. по Олекминскому уезду было зарегистрировано 24 кооператива, по Вилюйскому - 15 потребительских и одно сельскохозяйственное общество. По данным 1918 г. по Якутской области насчитывалось 67 потребительских обществ, из которых 8 были городскими и 59 - сельскими.

К 1918 г. оформились и первые кредитные общества. В Якутии в то время существовало четыре типа учреждений мелкого кредита: крестьянские вспомогательные кассы, общественные ссудосберегательные кассы, кредитные товарищества и ссудосберегательные товарищества.

В декабре 1918 г. в г.Якутске состоялся I съезд якутских кооператоров, на котором официально оформился Якутский союз кооперативов "Холбос"[4], до сегодняшнего дня являющийся центром кооперативного движения в республике.

После установления Советской власти в Якутии местные советские и партийные органы уделяли большое внимание распространению кооперативных идей среди населения и развитию разнообразных форм кооперации на территории республики. Направление этой работы выработал I Всеякутский Учредительный съезд Советов, состоявшийся в декабре 1922 г. Съезд рассмотрел вопрос о развитии и перспективах кооперативного движения в республике и вынес резолюцию "О положении якутской кооперации". В декабре 1923 г. при обкоме партии была создана кооперативная комиссия, призванная изучать развитие кооперативного

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

движения и направлять работу кооперации в республике.

В 1920-х годах в Якутии наиболее быстро и успешно развивалась потребительская кооперация. С 1925 по 1928 г. число пайщиков данной системы увеличилось с 20872 человек до 32800[5].

В первые годы новой экономической политики в Якутской республике стало зарождаться новое звено в системе кооперации - промысловая кооперация, сыгравшая в тот трудный период огромное значение в обеспечении населения товарами первой необходимости.

Издавна существующих традиционных ремесел в Якутии насчитывалось более тридцати, среди них: выделка кожи, изготовление изделий из бересты, конского волоса, мамонтовой кости, кузнечное, гончарное, ювелирное дело и другие. В дореволюционный период натуральный характер мелких хозяйств не способствовал быстрому развитию ремесел и промыслов. В 1897 г. по Якутской области было зафиксировано 383 кустаря по металлу и 184 - по дереву[6]. Во второй половине XIX в., вследствие проникновения товарно-денежных отношений, домашняя промышленность, характерная для натурального хозяйства, обособилась в форме ремесла. Излишки же ремесленных изделий все чаще поступали на продажу. По данным 1913 г. из существовавших в то время ремесел и промыслов - 33% составляли промыслы для своего хозяйства, 47% - промыслы на заказ и 20% - на вольную продажу[7].

В начале 1920-х годов в Якутии, по далеко не полным данным, насчитывалось 522 человека, занимавшихся кустарными промыслами[8].

Условия труда и жизни кустарей были очень тяжелыми из-за постоянных трудностей с приобретением сырья и материалов, реализацией готовой продукции, отсутствием каких бы то ни было механизмов. Работа сельских кустарей и ремесленников, которые составляли около 80% всего их числа в Якутии, носила сезонный характер.

В отличие от центральных областей России и Сибири, в Якутии до 1921 г. кустари не были объединены в товарищества и артели. Объяснялось это, по-видимому, их небольшой численностью и разбросанностью на обширной территории. Лишь в марте 1921 г. при губернском союзе кооперативов "Холбос" была создана секция кустарно-промысловых кооперативов[9], призванная заняться объединением кустарей. Таким образом, промысловая кооперация выделилась в виде секции в системе потребительской кооперации. Под руководством секции оформились первые промысловые артели: три шорные, колесная, тележная и смолокуренная[10]. Впервые кустари и ремесленники Якутии ощутили внимание к себе со стороны государства.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Промысловая кооперация полностью отвечала интересам мелких производителей, так как только этот путь мог обеспечить бывшим кустарям полноценную жизнь, труд на самого себя в нормальных человеческих условиях. С другой стороны, только общественная форма хозяйства могла дать стране необходимое количество товаров широкого потребления.

Говоря о целях и значении промысловой кооперации, В.И.Ленин отмечал: "Промысловая кооперация поможет развитию мелкой промышленности, которая увеличит количество необходимых для крестьян продуктов, не требующих большей частью ни дальнейшего подвоза по железным дорогам, ни крупных фабричных заведений"[11]. По существу, промысловая кооперация была ступенью для развития местной промышленности Якутии.

В августе 1921 г. кустпромсекция преобразовалась в кустарно-промысловый отдел Яксоюза "Холбос"[12].

Основной задачей секции, а позже - отдела, стали учет и организация кустарей в артели и товарищества, снабжение кустарей сырьем и материалами, заготовка кустарных изделий. Однако преобладала тенденция объединения кустарей сверху, объяснявшаяся распыленностью их по территории Якутии, отсутствием кооперативных традиций в прошлом.

В целом, артели, существовавшие в период с 1921 по 1925 г. не располагали достаточной материальной базой, были еще неустойчивы в финансовом отношении, работали, как правило, по краткосрочным заказам.

В 1925 г. в стране наметился новый подход к развитию системы промысловой кооперации. Начало этому положили решения XIУ партийной конференции ВКП(б) (апрель 1925 г.), в которых было указано на необходимость установления четких организационных связей между структурными звеньями промысловой кооперации, строгое соблюдение уставов промартелей, принципов добровольности и самостоятельности в работе, использование хозрасчета. Было признано целесообразным разграничить сферы деятельности различных видов кооперации.

Решения конференции позволили по-новому взглянуть на роль и значение промысловой кооперации в Якутии. В 1925 г. создан был Союз кустарно-промысловых кооперативов "Иделях", объединивший 80 человек в 8 артелей[13]. Создание Якпромсоюза явилось попыткой выделиться из системы потребительской кооперации в самостоятельный союз, но не имея достаточной финансовой и материальной базы, в 1928 г. Якпромсоюз распался и промысловая кооперация вошла в качестве секции в состав системы сельскохозяйственной кооперации[14].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

С организацией в 1928 г. единого общесоюзного центра - Всекопромсовета, система промысловой кооперации совершенствовалась организационно, значительно повысился ее статус среди хозяйственных и кооперативных организаций. С другой стороны, постепенно демократические принципы кооперации заменялись строгой централизацией, жесткой системой планирования - кооперация все сильнее попадала под контроль государства.

Под влиянием этих изменений в 1930 г. образовался Якутский промысловый союз (Якпромсоюз)[15]. С этого времени промкооперация Якутии вступила в новый этап своего развития. На I июля 1931 г. в систему Якпромсоюза входило 65 артелей с 1465 членами[16].

За десять лет своего существования промысловая кооперация Якутии превратилась в самостоятельную отрасль народного хозяйства, производящую значительную долю общереспубликанского объема товаров широкого потребления и оказывающую разнообразные услуги населению. Более сорока видов продукции выпускали артели промкооперации, основными из которых были: производство пищевых продуктов - колбасы, хлебобулочных изделий, кваса; выпуск одежды и обуви, мыловарение, кузнечное и кровельное дело, выделка кожи, шорное производство, обработка шерсти и многое другое. С укреплением финансовой и материальной базы артелей расширялся и становился разнообразнее ассортимент выпускаемой продукции, улучшалось ее качество.

Выпуск валовой продукции предприятиями промысловой кооперации Якутии в 1928/29 хозяйственном году составил 446 тыс. руб., а в 1929/30 г. - уже 767,2 тыс. руб.[17]

С каждым годом все активнее проявлялось стремление кустарей-одиночек к вступлению в артели, что объяснялось установлением стабильных заработков членов артелей, укрепляющейся централизацией снабжения сырьем и сбыта продукции. В связи с этим рос процент кооперирования кустарей по республике: если в 1928/29 хозяйственном году он составлял 3,1%, то в 1929/30 г. - 8,8%[18]. Так, шаг за шагом кустарь приобщался к коллективному труду.

В 20-е годы промысловая кооперация Якутии, пройдя трудный путь становления, постепенно совершенствовала свою организационную структуру, увеличивала и разнообразила продукцию, проводила большую работу по привлечению кустарей в промысловые артели. Но все это было достигнуто в годы, когда еще действовали принципы новой экономической политики, открывшие возможность развитию рынка, частного предпринимательства, хозяйственной самостоятельности. К сожалению,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

развитие кооперации в последующее десятилетие проходило в условиях жесткой административно-командной системы, нарушившей принципы свободного, демократического развития экономики и жизни общества в целом и приведшей в конечном итоге, по существу, к свертыванию кооперативного движения в стране.

Осуществляемый в настоящее время курс на возрождение таких хозяйственных форм как индивидуальное производство и кооперация требует, наряду с научной проработкой теоретических вопросов, серьезного и внимательного изучения и обобщения того исторического опыта организации и развития различных форм частного и коллективного хозяйства, который был накоплен в годы НЭПа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917-июнь 1941 гг.)-Новосибирск:Наука,1972.С.45.
2. История Якутской АССР.-М.: Изд.АН СССР,1963.Т.Ш.С.78.
3. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.45.С.372.
4. ЦГА ЯАССР.-Ф.286.-Оп.10.-Д.122.-Л.41.
5. Кооперативно-колхозное строительство в Якутии (1917-1927 гг.) Документы и материалы.-Якутск:Кн. изд-во,1984.С.7.
6. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни).-Новосибирск:Наука,1985. С.73.
7. ЦГА ЯАССР.-Ф.286.-Оп.16.-Д.220.-Л.1.
8. Гоголев З.З. Социально-экономическое развитие Якутии ..С.43.
9. ЦГА ЯАССР.-Ф.286.-Оп.16.-Д.21.-Л.8.
10. Там же.-Д.220.-Л.2.
11. Ленин В.И.Полн.собр.соч.Т.23.С.250.
12. ЦГА ЯАССР.-Ф.286.-Оп.16.-Д.188.-Л.1.
13. Партийный архив Якутского обкома КПСС.-Ф.3.-Оп.3.-Д.564.-Л. 65.
14. Там же.-Д.980.-Л.46.
15. ЦГА ЯАССР.-Ф.807.-Оп.1.-Д.104.-Л.13.
16. Там же.-Ф.70.-Оп.1.-Д.1560.-Л.6.
17. Там же.-Ф.807.-Оп.1.-Д.104.-Л.40.
18. Там же.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Андреенко Г.А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ ПРОФСОЮЗОВ ПО РАЗРЕШЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ, КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ИМИ СОЦИАЛЬНО-ЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ В ПЕРИОД НЭПА

Радикальное самообновление профсоюзного движения, происходящее в настоящее время, требует глубокого и критического переосмысления всей теории профсоюзов в нашей стране и их исторической практики. Комплекс проблем, связанных с необходимостью превращения самых массовых организаций трудящихся в реальных защитников их интересов, в качестве одного из важнейших ставит вопрос об активизации их деятельности, направленной на эффективное разрешение производственных конфликтов. Актуализации этой темы способствуют непрекращающиеся забастовки работников различных отраслей промышленности, создание постоянно действующих стачечных комитетов и т.д.

До недавнего времени теория профсоюзного движения при социализме, которая сама сводилась по сути лишь к набору отдельных положений и цитат из произведений В.И.Ленина, исходила из мысли о невозможности в условиях Советского государства серьезных социальных противоречий. В связи с этим по существу не разрабатывалась теория коллективных трудовых конфликтов, активно не исследовалась практика разрешения производственных споров в различные периоды развития нашей страны. Между тем, исследование этой практики позволяет активно использовать опыт прошлого для разрешения сегодняшних проблем.

Особенно интересен в связи с этим период двадцатых годов. Деятельность государственных и профсоюзных органов по разрешению трудовых конфликтов являлась важным аспектом реализации новой экономической политики. Но до сих пор в советской историографии отсутствуют комплексные исследования о практике разрешения производственных конфликтов в период НЭПа как в целом по стране, так и по отдельным ее регионам.

Целью настоящей статьи является характеристика конфликтной деятельности профсоюзов в двадцатые годы, как формы реализации ими социально-защитных функций, на примере деятельности сибирских профорганизаций.

С переходом к новой экономической политике, кардинально изменившей взгляды большевиков на пути строительства социализма в нашей стране, серьезной трансформации подверглась и концепция профсоюзного движения. Незавершенность ленинских поисков оптимальной модели

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

нового общества и методов его построения оставила незавершенными и ленинские разработки относительно характера и роли профсоюзов при социализме. Но направление этого поиска можно определить, анализируя последние ленинские работы, партийные документы, среди которых принципиальным по вопросу о профсоюзах является написанный В.И.Лениным для XI съезда партии "Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики", который и был принят на съезде. Резолюция XI съезда РКП(б) о профсоюзах знаменовала собой новый курс работы профсоюзов, означающий полный отказ от их огосударствления, и в качестве главной задачи этих самых массовых организаций выдвигавший всемерную защиту интересов объединяемых ими масс.

Новый курс работы профсоюзов налагал на них большую ответственность в сфере разрешения производственных конфликтов. Конфликтная работа профсоюзных организаций становилась одним из важнейших показателей эффективности их защитной деятельности. "В области трений и конфликтов отдельных групп рабочего класса с отдельными учреждениями и органами рабочего государства, - говорилось в резолюции XI съезда РКП(б), - задачей профсоюзов является содействовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса"[1].

Резолюция XI съезда уже не отвергала возможности стачек и забастовок в условиях государства пролетарской диктатуры. В "Проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики" В.И.Ленин сделал принципиальный вывод о том, что в "данный момент мы никоим образом не можем отказаться от стачечной борьбы, не можем принципиально допустить закона о замене стачек обязательным государственным посредничеством"[2]. Принципиальная допустимость стачек признавалась не только по отношению к частным предприятиям, но и по отношению к предприятиям государственного сектора, хотя при этом подчеркивалась разница целей стачечной борьбы в капиталистическом государстве и государстве пролетарской диктатуры: "Конечной целью стачечной борьбы при капитализме является разрушение государственного аппарата, свержение данной классовой госвласти. А при пролетарском государстве переходного типа, как наше, ко-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

н ной целью стачечной борьбы может быть лишь укрепление пролетарского государства и пролетарской классовой госвласти"[3]. Применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью, - писал В.И.Ленин о причинах забастовок, - может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс, с другой"[4]. Но принципиальное признание допустимости стачек в Советском государстве не означало признания их как целесообразного метода борьбы пролетариата в каждом конкретном случае. "Единственно правильным, здоровым и целесообразным методом улажения конфликтов и трений между отдельными частями рабочего класса и органами рабочего государства" резолюция XI съезда РКП(б) признавала "посредническое участие профсоюзов, которые в лице своих соответственных органов либо вступают в переговоры с соответственными заинтересованными хозяйственными органами на основе точно формулированных требований и предложений обеих сторон, либо апеллирует к высшим государственным инстанциям"[5]. В связи с этим резолюция съезда в качестве "одного из важнейших и безошибочных мерил правильности и успешности работы профессионального союза" признавала "учет работы того, в какой мере он успешно предупреждает массовые конфликты на предприятиях путем предусмотрительной политики, направленной к действительному и всестороннему ограждению интересов рабочей массы и своевременному устранению поводов к конфликтам"[6].

С принятием нового курса, ставившего профсоюзы в положение договаривающейся стороны в трудовых отношениях, была определена и новая структура конфликтных органов. КЗоТ РСФСР 1922 г. устанавливал следующие органы, в компетенцию которых входило разрешение трудовых конфликтов: расценочно-конфликтные комиссии на предприятиях (РКК), примирительные камеры и третейские суды при органах НКТ, трудовые сессии народных судов.

Первичными конфликтными органами были расценочно-конфликтные комиссии, которые согласно Положению о РКК, утвержденному НКТ РСФСР в ноябре 1922 г., организовывались в государственных, общественных, частновладельческих предприятиях и учреждениях в целях проведения в жизнь всех положений, вытекающих из коллективных договоров и тарифных соглашений, разрешения споров и конфликтов между администрацией и рабочими на почве применения колдоговоров или по поводу выте-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

кающих из договора, но не могущих быть определенны и целиком или в отдельных своих частях коллективными договорами непосредственно[7].

Расценочно-конфликтная комиссия являлась паритетным органом, который состоял из равного числа представителей от союза (ФЗМК) и администрации предприятия. Рабочая часть РКК назначалась фабзавкомом и действовала на правах его комиссии. Решения РКК принимались соглашением сторон и имели силу договора, нарушение которого каралось как нарушение КЗоТа.

Если в РКК спорящие стороны не могли достигнуть соглашения, конфликт передавался на разрешение примирительной камеры или третейского суда, органов, создаваемых при НКТ и его местных органах. В состав примкамеры входили представители спорящих сторон, а председатель назначался соответствующим органом НКТ. Председательствующий на заседаниях примкамеры не пользовался правом решающего голоса, выступая в роли посредника, "увещевателя", конфликты решались соглашением сторон. Председатель же третейского суда, представитель НКТ, пользовался правом решающего голоса, и от его мнения зависело решение вопроса в пользу той или иной стороны.

В Сибири процесс становления конфликтных органов начался сразу же после изменения курса профсоюзной политики в 1922 г. РКК были созданы на большинстве сибирских предприятий. В 1927 г. расценочно-конфликтные комиссии существовали в 84,3% ФЗМК Сибкрая[8].

Из всех возникающих конфликтов большая часть была связана с заключением, изменением, толкованием или нарушением коллективных договоров. Например, из рассмотренных за период с I января 1924 г. по I июля 1925 г. конфликтными органами при губтрудах Сибири 282 конфликтов 126 было связано с коллективными договорами (57 на почве заключения коллективного договора, 18 - на почве изменения договора, 20 - из-за его толкования, 28 - из-за нарушения обязательств по договору, 3 - из-за отказа от заключения договора)[9].

Преобладающей причиной возникновения конфликтов были вопросы заработной платы (задержка выплаты, низкий ее уровень, снижение расценок, увеличение норм выработки и т.д.). Например, в 1926 г. в восьми крупных союзных организациях Сибири было разобрано 1359 трудовых конфликтов с 8406 участниками. По причине возникновения 84,3% относились к вопросам заработной платы, 3,7% - к вопросам увольнения, 5,7% было связано с охраной труда, прочие причины составляли 6,3%[10].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

По результатам разрешения большинство конфликтов заканчивалось удовлетворением требований рабочих, что свидетельствовало об обоснованности этих требований. На протяжении всего периода двадцатых годов конфликтные органы ЛКТ по Сибири в среднем 50-60% рассматриваемых конфликтов решали в пользу рабочих, 15-20% решалось компромиссно, 25-30% конфликтов заканчивалось в пользу нанимателей[11].

Для характеристики роли профсоюзных организаций в разрешении трудовых споров следует прежде всего выяснить степень эффективности работы низовых конфликтных органов на предприятиях, расценочно-конфликтных комиссий, в деятельности которых профсоюзы участвовали непосредственно через рабочую часть РКК.

Между тем, в деятельности расценочно-конфликтных комиссий на протяжении всего рассматриваемого периода существовал целый ряд серьезных недостатков. Неоднократные обследования, проводимые руководящими союзными органами, обнаруживали, что большое количество вопросов, рассматриваемых РКК, находилось вне их компетенции. Например, обследование деятельности РКК на 28 сибирских предприятиях, проведенное в апреле 1925 г., обнаружило, что 46% всех вопросов, разрешенных РКК, не подлежали их рассмотрению[12]. Расценочно-конфликтные комиссии решали вопросы сокращения штатов, утверждали авансовые отчеты, выносили выговоры и т.д., т.е. происходило расширение прав РКК за счет присвоения ими функций администрации. Это приводило к тому, что профсоюз вынужден был принимать на себя удары недовольства рабочих, а рабочая часть РКК в глазах трудящихся теряла свое истинное значение - быть защитником их интересов.

В многочисленных отчетах о деятельности РКК на сибирских предприятиях постоянно указывалось на недостаточное внимание уделяемое профсоюзными организациями подготовке рабочей части расценочно-конфликтных комиссий, что приводило к тому, что члены комиссий слабо знали трудовое законодательство. По этой причине РКК зачастую выносила решения, противоречащие нормам трудового права. В связи с этим большое количество решений РКК обжаловалось рабочими в инспекции труда. В 1925-26 гг. из всех поданых обжалований инспекцией было удовлетворено 43,7%, что свидетельствовало о достаточной обоснованности недовольства рабочих решениями, выносимыми РКК[13]. Кроме того инспекция отменяла решения расценочно-конфликтных комиссий и в порядке надзора. В среднем около 10% решений РКК отменялось инспекцией в рассматриваемый период. По некоторым предприятиям этот про-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

цент был еще выше. Например, Новосибирская окружная камера инспектора труда за девять месяцев 1927 г. отменила 50% попавших в камеру в порядке надзора решений РКК как незаконных[14].

Другим серьезным недостатком деятельности профсоюзов в области конфликтного разбирательства было стремление снять с себя ответственность за исход разрешаемых конфликтов, переложив его на органы НКТ. На II сибирском краевом съезде профсоюзов (1927 г.) приводились данные о том, что 60-70% конфликтов в Сибири переносятся из РКК в вышестоящие конфликтные органы[15]. При рассмотрении жалоб рабочих союзные организации проявляли порой недопустимую невнимательность и волокиту. Например, в результате обследования союза строителей Омского окротделения в 1928 г. выяснилось, что заявления рабочих по три и более месяцев лежат в правлении союза без всякого разрешения[16]. На совещании по тарифно-экономическим вопросам профсоюзов Томского округа (март 1927 г.) указывалось на то, что невнимательность и стремление союзов "столкнуть конфликт куда-нибудь" приводила к тому, что рабочие были вынуждены бесконечно ходить по различным инстанциям, в инспекцию труда, к юристам, не ощущая при этом никакой поддержки и помощи со стороны союза[17]. В материалах фракции Сибирского краевого совета профсоюзов к III Сибпартконференции (1927 г.) указывалось на то, что неспособность профсоюзных органов действенно разрешать производственные конфликты расценивалась рабочими как "бессилие союзных организаций и порождало неверие в их работу"[18].

Характеризуя деятельность профсоюзов по разрешению трудовых споров, следует учитывать, что практика подчинения самодеятельных организаций руководству партийных органов, переходящему порой в диктат, имевшая место на протяжении всего периода двадцатых годов, приводила к тому, что нередко спорные вопросы между профсоюзами и хозяйственниками решались не в порядке, установленном КЗоТ, а переносились на суд партийных органов.

Во всех официальных документах того периода, в решениях партийных и профсоюзных съездов и конференций подобные факты активно критиковались. Выступая на XIУ съезде ВКП(б), председатель ВЦСПС М.П.Томский случаи, когда "при разногласиях между хозяйственниками и профессионалистами в большинстве бегут в губком или уездком, где вопрос становится и решается" расценил как "замену" партийными органами проф- и хозорганов[19]. Резолюция, принятая XIУ съездом партии по вопросу о профсоюзах, призывала изжить подобные яв-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ления[20]. Этот же призыв содержался и в решениях II Сибпартконференции (1925 г.)[21]. Но принимаемые решения фактически не оказывали влияния на уменьшение числа случаев вмешательства партийных организаций в конфликтную практику союзов. Материалы бюро фракции СМСПС к III Сибпартконференции (1927 г.) содержали немало примеров того, как некоторые сибирские парткомы тормозили нормальное разрешение конфликтов или привлечение к ответственности за явные факты нарушения коллективных договоров, что, как указывалось в тех материалах, приводило к "полному обезличиванию профсоюзных организаций"[22].

На почве неудовлетворенности законных требований рабочих нередко на сибирских предприятиях доходило до забастовок, без анализа которых картина трудовых отношений двадцатых годов является неполной и недостаточно достоверной.

В работах советских историков упоминаются лишь забастовки, происходившие в стране в 1921 и 1923 гг. События эти объяснялись глубоким кризисом политики "военного коммунизма" и более поздним кризисом нэп. Однако документы свидетельствуют, что забастовки в нашей стране, и в Сибири в частности, были и в последующие годы, хотя и в меньших масштабах. Причины этих забастовок были как объективного характера, обусловленные самими процессами перехода к нэпу и его собственными противоречиями, так и, большей частью, субъективного характера, вызванными ошибками в руководстве промышленностью, ее отдельными отраслями и предприятиями.

В первые годы новой экономической политики (1921-1923 гг.) забастовочное движение рабочих было особенно активным. Главным, определяющим причины этих забастовок было бедственное положение людей. Существовало недовольство высокими ценами на рынке, низкими тарифными ставками, постоянными задержками выплаты заработной платы. Рабочие практически не имели достаточного прожиточного минимума, что приводило к ухудшению политических настроений рабочих на госпредприятиях. В информационных письмах сибирских губкомов в Сиббюро ЦК РКП(б) в 1921-1923 гг. указывалось на ослабление трудовой дисциплины, снижение производительности труда, уход рабочих с предприятий и возникающие в ряде мест стачки. С улучшением материального положения рабочих уменьшается и количество забастовок, что также нашло отражение в политсводках по губерниям Сибири. Но факты вспышек недовольства, принимающие характер стачек и волнений, не исчезали совсем. Так, в течение 1926 г. на предприятиях Сибири возникло 47 забастовок с числом участников более 4 тысяч и 30 волн-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

нок[23], причинами которых являлась низкая заработная плата, увеличение норм выработки, тяжелое положение с охраной труда и т.д., т.е. круг вопросов, зависящий от степени защитной работы союзов и от того, насколько чутко они реагируют на непосредственные нужды рабочих. Именно неспособность профсоюзных организаций отразить нажим администрации при довольно тяжелых общих условиях приводила к этим выступлениям рабочих.

Забастовки в госпредприятиях обычно возникали стихийно и не имели организационного руководства. Большинство документов отмечают пассивность местных профсоюзных органов, их неинформированность о назревании забастовок. Во многих стачках функции местного отделения профсоюзов сводились к фиксации факта волынки или забастовки и уведомлению о них райкома, окружкома. Забастовка "помимо и без ведома союза", отмечалось в резолюции XIУ съезда ВКП(б), "всегда является указанием на непредусмотрительную его политику, на разрыв между союзом и массой, на общую слабость союзной работы на данном предприятии"[24]. В качестве примера, иллюстрирующего справедливость этого положения можно привести историю с возникновением в октябре 1925 г. стачки на Ленинском руднике в Кузнецком округе. Она произошла из-за задержки выплаты заработной платы и тяжелого материального положения горняков. Профсоюз не знал о стачке до самого ее факта. На II окружной партконференции Кузнецкого округа (ноябрь 1925 г.), анализировавшей причины, приведшие к забастовке, целый ряд делегатов от Ленинского рудника указывали на полную неосведомленность профсоюза истинным состоянием дел на руднике, на образовавшийся разрыв между рабочими и союзом, на то, что рабочие просто не доверяли союзу[25]. В резолюции конференции говорилось о том, что происшедший на Ленинском руднике конфликт явился результатом, "с одной стороны, отрыва административного аппарата от рабочих масс, систематических задержек зарплаты, невыполнения даваемых администрацией рабочим обещаний, с другой стороны, недоучета партийными и профсоюзными организациями настроений рабочих"[26]. Многие ответственные работники профсоюзов вынуждены были признать на конференции, что в момент забастовки профсоюзные организации находились в положении не защитника, а выполняли роль "уговорщика" рабочей массы, что по сути дела искажало их сущность. В связи с этим на конференции остро ставился вопрос о необходимости заменить линию на уговаривание рабочих более серьезной защитой их интересов[27].

Недовольство рабочих своим положением принимало порой неожиданные формы. Например, летом 1925 г. в сибирских партийных и профсоюзных

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

организациях широко обсуждался инцидент, имевший место на шахте № 9-10 Анжерского рудника. Здесь группа рабочих вывезла с предприятия на тачке заведующего шахтой. Обследование состояния дел на шахте выявило серьезные нарушения в определении норм выработки, что приводило к систематическим обсчетам рабочих, имели также место нарушения норм охраны труда и т.д.[28] Давая оценку анжерскому случаю, выступавший на II Сибпартконференции (ноябрь 1925 г.) председатель Сибкрайпрофа Л.И.Гинзбург отмечал: "Мы не оправдываем метод тачки, как метод борьбы. Но здесь нельзя не признать излишнее ведомственное усердие отдельных администраторов, а союз не сумел вовремя вступиться"[29].

Таким образом, "одно из важнейших и безошибочных мерил правильности и успешности работы профсоюзов", каковым XI съезд партии объявил их работу, направленную на эффективное разрешение трудовых конфликтов, ограждающее интересы рабочей массы, указывало на слабость профсоюзных организаций. Превращение профсоюзов в часть механизма по управлению производством приводило к тому, что при разрешении трудовых конфликтов союзы не могли занять твердую позицию и эффективно отстаивать интересы рабочих, часто идя на поводу у партийно-хозяйственного руководства. Стачки, волынки, имевшие место на предприятиях Сибири в рассматриваемый период, свидетельствовали об отрыве профсоюзных органов от рабочих масс, о неумении их уловить настроения трудящихся, найти правильное решение конфликтных вопросов, а в конечном итоге - о слабости профсоюзных организаций как защитников объединяемых ими масс.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. КПСС в резолюциях...Т.2.С.485-486.
2. Ленин В.И.Полн.собр.соч.Т.44.С.343-344.
3. Там же. С.344.
4. Там же.
5. КПСС в резолюциях...Т.2.С.486.
6. Там же.
7. ЦГАОР.-Ф.5451.-Оп.6.-Д.297.-Л.2-3.
8. Профессиональное движение.1927.№ 23.С.10.
9. Сибирские профорганизации в 1924-1925 гг. Отчет Сиббюро ВЦСПС I Краевому съезду союзов Сибири. Новониколаевск,1925.С.26.
10. Основные показатели работы профсоюзов Сибири (ноябрь 1925-май 1927 г.) Отчет Сибкрайсовпрофа II-му краевому съезду. Новоси-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

бирск, 1927.С.16.
11. Сибирские профорганизации в 1924-1925 гг. С.28; Бюллетень статистики труда Сибирского края. 1926.№ 2.С.52; 1927.№ 5.С.12-13; 1928.№ 6.С.36.
12. Профессиональное движение.1925.№ 30.С.3.
13. ПАНО.-Ф.2.-Оп.7.-Д.164.-Л.107.
14. Профессиональное движение.1927.№ 38-39.С.13.
15. ГАНО.-Ф.627.-Оп.1.-Д.160.-Л.279 об.
16. ГАОО.-Ф.337.-Оп.4.-Д.3.-Л.198.
17. ГАТО.-Ф.402.-Оп.1.-Д.3.-Л.55 об.
18. ПАНО.-Ф.2.-Оп.7.-Д.165.-Л.20.
19. XIУ съезд ВКП(б).Стенографический отчет.М.-Л.,1926.С.735.
20. КПСС в резолюциях...Т.3.С.452.
21. Советская Сибирь.1925.3 дек.;Профессиональное движение. 1926.№ 46.С.2.
22. ПАНО.-Ф.2.-Оп.7.-Д.165.-Л.20-21.
23. Там же.Л.20.
24. КПСС в резолюциях...Т.3.С.454.
25. ПАКО.-Ф.8.-Оп.1.-Д.16.-Л.5-8.
26. Там же. Л.30.
27. Там же. Л.5-8.
28. Профессиональное движение.1925.№ 33.С.11; Советская Сибирь. 1925. 3 дек.
29. Там же.

Демчик Е.В.

ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ 20-Х ГГ.(НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)

Налоговая политика государства является, как известно, мощным методом стимулирования или же, напротив, прекращения того или иного вида хозяйственной деятельности, а ее изучение в историческом аспекте позволяет сделать выводы об отношении государства к этой деятельности. По своему многообразию и эффективности воздействия ни один период в истории советской налоговой политики, пожалуй, не может сравниться с 20-ми годами, когда применение государством различных налоговых принципов по отношению к разным формам хозяйствования в зависимости от формы собственности в сочетании с другими мерами довольно быстро приводили к ожидаемым государством результатам.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Предметом нашего исследования является изучение влияния налоговой политики государства на частно-капиталистический социально-экономический уклад Сибири в последний период существования его - конце 20-х гг.

Постановка этой темы не является абсолютно новой и имеет в советской историографии свои традиции[1]. В соответствии с ними до недавнего времени принято было считать, что в конце 20-х гг. государство с помощью экономических мер воздействия, куда прежде всего относились налоги, и частично административных мер, вытеснило частный капитал из экономики по причине того, что позитивные возможности его использования в условиях НЭПа были исчерпаны, а государственный и кооперативный секторы полностью заменили частный капитал в промышленности и торговле[2]. На наш взгляд, каждое из названных утверждений без исключения нуждается в пересмотре. И в современных условиях выработки новой концепции истории советского общества настойчиво делаются призывы к такому пересмотру[3], ведется конкретная исследовательская работа в этом направлении[4].

В данной статье предпринимается попытка оценить налоговую политику государства в отношении частного капитала в конце 20-х гг., ответив при этом на следующие вопросы: 1) можно ли отнести налоговую практику конца 20-х гг. в отношении частного капитала к экономическим мерам воздействия; 2) было ли усиление налогового пресса на частный капитал в конце 20-х гг. основным методом его ликвидации государством.

Система налогов в отношении частного капитала, сложившаяся к 1926 г., включала взимание промыслового налога, состоявшего из патентного и уравнительного сборов, подоходного налога, рентного, нескольких местных налогов, акцизных сборов с табачных изделий, тканей, спиртных напитков и т.п., а также пошлин, среди которых главную роль играл гербовый сбор, квартирного и военного налогов. Анализ предыдущего развития налоговой практики Советского государства в отношении частного капитала обнаруживает явную тенденцию перемещения центра тяжести обложения частного капитала от промыслового налога, который был основным вплоть до 1923 г., к подоходному. При неизменности законодательных норм обложения промысловым налогом с первого полугодия 1923/24 г., а подоходным - с 1924/25 г., тяжесть обложения первым несколько уменьшилась, тогда как тяжесть подоходного налога для частнокапиталистического сектора увеличилась с 4,9% до 10,6%, т.е в 2,2 раза[5]. Принимая во внимание,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

что по своей сущности промысловый налог относится к почти полностью перелагаемым в отличие от подоходного, очевидно, что подобное направление развития налоговой практики работы органов фиска свидетельствует о все более отчетливо проявляющемся классовом подходе государства к частнокапиталистическому предпринимательству. Еще более ярко выраженную классовую направленность имели реформы 1926 г. в области налогообложения.

В результате проведенного финансово-экономическим бюро наркомата финансов в 1925/26 г. исследования влияния существующей налоговой системы на частную торговлю и промышленность был сделан вывод, что не приходится говорить о переобложении частного капитала в связи с увеличением рентабельности работы частных предприятий, благодаря высокой рыночной конъюнктуре и большим накидкам на цены в розничной торговле. В связи с этим бюро поставило вопрос об изъятии в пользу государства этих временных конъюнктурных прибылей[6]. Способы такого изъятия были найдены незамедлительно. В целях усиленного обложения чрезмерного, как считалось, накопления в частном секторе со второго полугодия 1925/26 г. постановлением СНК СССР устанавливался временный государственный налог на сверхприбыль. Налогом на сверхприбыль должны были облагаться торгово-промышленные доходы не ниже шестого разряда по тарифам подоходного налога, т.е. с полугодовым доходом свыше 1200 руб., когда увеличение дохода являлось результатом использования конъюнктурных условий рынка[7].

Осуществление этого закона на практике вызывало массу вопросов. В июле 1926 г. финансовый отдел г. Канска недоуменно запрашивал Сибирский краевой финансовый отдел: как быть с теми частными предприятиями, доходность которых во втором полугодии 1925/26 г. оказалась выше, чем в первом, вне зависимости от конъюнктурных условий, а явилась следствием расширения предприятия, рационализации постановки дела, сокращения накладных расходов и т.п. причин. На что налоговый отдел Сибирского краевого исполнительного комитета в августе 1926 г., сославшись на циркуляр наркомата финансов от 18 июня 1926 г., заявил, что полученная повышенная доходность хотя бы и вне связи с конъюнктурными условиями рынка и являющаяся следствием увеличения оборота, расширения предприятия, рационализации постановки дела, сокращения накладных расходов и т.п. условий, подлежит обложению налогом на сверхприбыль на основаниях, изложенных в законе от 18 июня 1926 г.[8] Тем самым практически всякое увеличение доходности частного предприятия, неза-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

вимо от его причин, автоматически вызывало сбор с этих предприятий налога на сверхприбыль.

Проведенная в сентябре 1926 г. реформа подоходного налога также значительно усилила налоговый пресс на частных предпринимателей. Ставки налога в отношении владельцев и совладельцев торгово-промышленных предприятий, подрядчиков, комиссионеров и рентьеров были значительно повышены, с доведением прогрессии до 45%, т.е. в полтора раза по сравнению с 1924/25 г., в то время как государственные и кооперативные организации должны были выплачивать постоянно 8%[9]. В совокупности с повышением размеров местных сборов, а также увеличением арендной и квартирной платы в 2-3 раза эти изменения в налогообложении фактически привели к тому, что в ряде случаев процент налогового изъятия в частнокапиталистических торговых и промышленных предприятиях доходил до 78% от суммы всего чистого дохода[10]. И даже пеня за несвоевременную выплату налогов с государственных и кооперативных предприятий вычислялась в размере 0,1% за каждый просроченный день, а с частных предприятий и лиц - 1,3%[11].

Подобный налоговый пресс вызвал ответную реакцию частных предпринимателей, выразившуюся прежде всего в активном уклонении от налоговых выплат путем сокрытия оборотов предприятий. В результате проведенного в 1927/28 г. наркоматом финансов выборочного обследования по ряду городов СССР секцией по промналогам управления этого наркомата был сделан однозначный вывод о том, что основной причиной роста недоимок по частному сектору является преднамеренное сокрытие предпринимателями от органов фиска части облагаемого оборота предприятий[12]. Существовали и другие способы уклонения частных предпринимателей от уплаты налогов. В частности, практиковалось закрытие предприятий перед самым наступлением срока платежа, а затем вновь их открытие (по положению о подоходном налоге, налоге на сверхприбыль взимание этих налогов проводилось через пять месяцев по истечении того года, за который они начислялись); широко применялась "подменщина" - перевод предприятий на имя подставных лиц, фиктивные продажи и дарения. Обследованием рабоче-крестьянской инспекции в 1928 г. было установлено большое число случаев, когда одно и то же предприятие, фактически принадлежавшее одному лицу, на протяжении года три раза переходило к фиктивным владельцам, причем бывший хозяин превращался в продавца, а продавец - в хозяина[13]. Активно использовали частные предприниматели и налоговые льготы, установленные для кооперации, кустарей, инвалидов. Последнее вызвало распространение таких уродливых явлений, как "квартирничество"

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

(по сути феодальная мануфактура с раздачей работы на дом, мизерной заработной платой и чудовищной эксплуатацией работников), лжекооперативы, "дикие" артели и т.д.

Региональные проверки деятельности органов фиска и соблюдения ими классовых принципов налогообложения, как правило, заканчивались, помимо констатации фактов налогообложения частных предприятий и уклонения их от налогов, прямыми обвинениями налоговых органов в "извращении классовой линии, "правом уклоне". Считалось, что в росте недоимок по частному сектору виноваты не одни "частники", а и их "союзники" в финансовых органах. "Советская Сибирь" регулярно печатала подборки материалов "Как проводит сибкрайфо классовую линию", "Финорганы должны исправить свои ошибки", "Полностью вскрыть недочеты в финорганах" и т.п.[14] В них работники налоговых органов открыто обвинялись в сговоре с "частником", настойчиво звучал призыв осуществления пролетарской инспекции деятельности органов фиска. Зачастую инициаторами подобных проверок выступали центральные и местные партийные органы. Так, Барнаульский горком ВКП(б) в декабре 1929 г. предложил секретарям окружкомов по примеру Москвы провести "мероприятия по выявлению и сбору недоимок с частника", включавшие не только проверку рабочими налоговых органов, но и внезапные обыски силами рабочих на квартирах у частных предпринимателей[15].

Подобный поиск врагов отнюдь не был случайным. Ведь надежды за счет изъятия денежных сумм и материальных ценностей у частных предпринимателей пополнить государственную казну оказались во многом несбывшимися, и клапан социальной напряженности был открыт поиском вредителей и классовых врагов.

Началом кампании по открытой ликвидации частного капитала в Сибири, как и по всей стране, стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927/28 г. Во время известной поездки партийной делегации во главе с И.В.Сталиным в Новосибирск зимой 1928 г., так называемым "тройкам", наделенным чрезвычайными полномочиями, было предписано в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статье 107 уголовного кодекса за спекуляцию продуктами сельского хозяйства[16]. При этом поводом к аресту, конфискации товаров и всего имущества частного предпринимателя могла служить скупка им хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства, сокрытие хлеба и последующий невыпуск его на рынок и т.п. действия. Поводом к аресту зачастую мог служить лишь сам факт владения крупным недвижимым имуществом

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

и наличие в магазине большого количества товара. Предусматриваемые 107 статьей уголовного кодекса меры наказания сводились к лишению свободы сроком до одного года и конфискации всего или части имущества. При этом именно Наркомат финансов являлся инициатором мер лишения свободы частных предпринимателей за неуплату налогов или сокрытия оборотов предприятий[17].

Оперативные сводки ОГПУ, сохранившиеся в фонде управления краевого прокурора Новосибирского государственного архива, свидетельствуют, что только во второй половине января 1928 г., или, как говорилось в документах, с начала проведения кампании, до конца месяца, в городах Сибири было арестовано более 100 частных предпринимателей[18]. Среди них - торговцы хлебом, мануфактурой, чаем, мясом. Их имущество было конфисковано, имеющиеся денежные накопления изъяты, магазины, лавки, мастерские закрыты. Сообщения об арестах частных предпринимателей и конфискации их имущества не сходили со страниц "Советской Сибири"[19].

Способы перекачки средств из частнокапиталистического хозяйства в государственный сектор были официально санкционированы и циркуляром наркомата юстиции и Верховного суда РСФСР от 20 апреля 1929 г. "О мерах борьбы с сокрытием доходов"[20], применение которого на практике также приводило к обыскам, арестам частных предпринимателей и их семей, конфискациям имущества и прочим репрессиям.

Деятельность правоохранительных органов поддерживалась широкой пропагандистской кампанией в прессе. "Советская Сибирь" в качестве эпиграфов ко всему материалу время от времени помещала крупно напечатанные, бросающиеся в глаза лозунги: "Будем корчевать корни капитализма", "Даешь твердую классовую партийную линию", "Работники и крестьянки, под руководством Коммунистической партии развертывайте наступление на кулака и нэпмана, стройте социализм", "Надо крепче давать отпор классовому врагу" и т.п. Помимо этого газета регулярно помещала материалы о разорении и закрытии частных предприятий[21].

Действия в отношении частных предпринимателей постепенно стали приобретать все более общий характер и распространяться со сферы непосредственной частнокапиталистической деятельности на чисто бытовой уровень, затрагивать семьи представителей новой буржуазии. Так, в Томском государственном университете после проверки социального состава студенчества более 100 человек были лишены права голоса и исключены из вуза исключительно из-за своей принадлежности

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

к семьям частных промышленников и торговцев[22]. Аналогичные проверки с теми же последствиями были проведены в 1929 г. в большинстве учебных заведений Сибири.

По решению первого краевого съезда жилкооперации "нетрудовой элемент" подлежал в короткий срок полному выселению из кооперативных домов. Предполагалось действовать под девизом: "Ни одного метра жилой площади в муниципализированных домах - нетрудовому элементу"[23].

Вместе с тем сама деятельность правоохранительных органов по отношению к частным предпринимателям приобретала все более наступательный характер, а применяемые к ним меры становились все более суровыми и насильственными. Широкое распространение получили ночные обыски с последующими арестами. Только в ночь с 4 на 5 января 1930 г. в Новосибирске было проведено 196 таких обысков с последующей конфискацией имущества и наложением арестов на денежные вклады в обществе взаимного кредита.[24]. Частный бизнес как таковой стал ассоциироваться с вредительством и злостной спекуляцией, в отношении которых зачастую применялась высшая мера наказания. Заниматься частнопредпринимательской деятельностью, таким образом, становилось опасно для жизни.

Подобные действия привели фактически к полному свертыванию легальной частнокапиталистической деятельности, ее уничтожению или переходу частного капитала на нелегальное положение. К 1930 г. в Сибири не осталось ни одного частного цензового предприятия или крупного магазина.

Таким образом, отвечая на поставленные вопросы о сущности налоговой политики государства в отношении частного капитала на исходе новой экономической политики и ее месте в кампании ликвидации частного капитала, на основании приведенных выше фактов, можно утверждать следующее:

1) Увеличение налогового пресса в отношении частного капитала в конце 20-х гг. достигло той степени, когда дальнейшее развитие хозяйственной деятельности становилось невыгодным. Подобные действия государства однозначно могут оцениваться лишь как административные по своей сути.

2) Ликвидация частного капитала в конце 20-х гг. осуществлялась государством последовательно репрессивными мерами, среди которых решающую роль сыграли обыски с последующими конфискациями имущества и арестами, налоговая же политика государства в совокупности с ограничениями товарных поставок государством частному сектору и

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

и прекращением оказания последнему государственных кредитов сыграли лишь вспомогательную роль.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с непманской буржуазией (Из истории ликвидации капиталистических элементов города. 1926-1929 гг.). М.,1960; Трифонов Я.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР.-М.,1975; Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле.20-е - начало 30-х гг.-М.,1978 и др.

2. Архипов В.А. Этапы и методы регулирования торгово-промышленного предпринимательства//Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму.-М.,1966. С.129; Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921-1928 гг.)-Томск,1978.С.212 и др.

3. Дельчук В.С. Выбор путей и методов строительства социализма. // Вопросы истории. 1986.№ 9.С.18.

4. Демчик Е.В. Частный капитал города в 1927-1930 гг.: вытеснение или ликвидация?// Вестник Ленинградского университета. 1990. Сер.2.Вып.1; Литвина В.И., Агиклаксв В.Т. Частное предпринимательство в Восточной Сибири на исходе нэпа// Россия нэповская: политика, экономика, культура.-Новосибирск,1991; Лихолобова З.Г. Частное предпринимательство в промышленности и торговле Украины в условиях нэпа// Там же и др.

5. ЦГАНХ.-Ф.7733.-Оп.1.-Д.6984.-Л.243.

6. Там же.-Ф.4372.-Оп.12.-Д.116.-Л.148.

7. Гензель П.П. Прямые налоги: очерк теории и практики.-Л.,1927. С.100.

8. ГАНО.-Ф.6.-Оп.1.-Д.1512.-Л.13-14.

9. Законы о частном капитале.-М.,1929.С.13.

10. ЦГАНХ.-Ф.7733.-Оп.1.-Д.6984.-Л.236.

11. Там же.-Оп.7.-Д.360.-Л.54.

12. Там же.-Оп.6.-Д.587.-Л.37.

13. ЦГАОР.-Ф.374.-Оп.1.-Д.499.-Л.253.

14. Советская Сибирь.1929.16 сент.; 1930.9 янв.,5 февр. и др.

15. ПААК.-Ф.4.-Оп.3.-Д.23.-Л.3.

16. ГАНО.-Ф.20.-Оп.2.-Д.176.-Л.9,89.

17. ЦГАОР.-Ф.374.-Оп.1.-Д.499.-Л.136.

18. ГАНО.-Ф.20.-Оп.2.-Д.176.-Л.3-8,14,26,64.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

19. Советская Сибирь. 1928. 26 янв., 2 февр., 17 мая и др.
20. Законы о частном капитале...С.310.
21. Советская Сибирь. 1929. 29 янв., 24 февр., 8 марта, 28 июля и др.
22. Там же. 23 февр.
23. Там же. 1930. 24 янв.
24. ЦГАОР.-Ф.374.-Оп.14.-Д.869.-Л.1-2.

Грих Н.А.

К ВОПРОСУ О РОЛИ НАСИЛИЯ В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ (1921-1933 ГГ.)

Сегодня в нашем обществе озабочены реформами советской экономической системы, которую известный экономист И.Бирман не без основания назвал "экономикой абсурда"[1]. Многие шаги, предпринимаемые новыми руководителями республик половинчаты, непоследовательны и что самое опасное - нередко повторяют ошибки КПСС, стремясь сохранить колоссальную роль государственного аппарата в экономике, тем самым сохраняя командные методы в хозяйственной политике. С этой точки зрения, изучение экономической политики компартии в 1921-1933 гг., когда происходило становление основных институтов советской хозяйственной системы - задача отнюдь немаловажная. Хорошо известно какую роль отводил В.И.Ленин торговле в условиях НЭПа. Известно и другое, чем является сегодня советская торговля, ставшая одной из наиболее коррумпированных элементов советской системы.

Советская историография указанной проблемы весьма представительна, ею накоплен значительный фактический материал, который имеет большую научную и практическую ценность[2]. Однако выводы и оценки этих работ тесно увязаны с господствовавшими партийными установками, которые во многом были связаны со сталинским "Кратким курсом истории ВКП(б)". Поэтому становление советской торговой политики представлено как цепь последовательных побед над частником и его вытеснение к 1929-1931 гг., и совершенствование советской торговли в последующие годы. Увы, подобная картина чрезвычайно далека от истины.

Торговая политика большевиков началась в 1921 г. Правда, в начале они все же попытались использовать привычный по гражданской войне метод, а именно, обеспечить смычку города и деревни с помощью продуктообмена. Однако в августе 1921 г. Ленину стало ясно полное фиаско прямого продуктообмена и необходимость свободы для товарооборота в форме купли-продажи. Этого нельзя было сказать о многих кру-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

гих большевиках, которые еще осенью в дискуссии на страницах прессы пытались найти отдельные просчеты в организации прямого продуктообмена[3]. В.И.Ленин оказался самым большим реалистом в Политбюро. Именно благодаря его настойчивости, а ему порой приходилось прибегать к угрозе отставки[3] - новая экономическая политика и свобода торговли стали свершившимся фактом уже в 1922-1923 гг. Он оказался первым большевиком, который нашел "ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса..."[4]. Но этим строчкам, продиктованным 4 января 1923 г. смертельно больным человеком, в отличии от его идей в 1921 г., не суждено было стать политикой большевистского руководства, поскольку НЭП так и не был ими воспринят "всерьез и надолго". Уже в 1923 г. среди большевиков заметно растут опасения и подозрительность к рынку. Наглядно это было продемонстрировано в докладе Л.Д.Троцкого на XII съезде РКП(б), в статьях Е.А.Преображенского и Г.Л.Пятакова. Конечно, в большевистском руководстве тогда еще были достаточно умеренные деятели: А.И.Рыков, Л.Б.Красин, Ф.Э.Дзержинский, А.Д.Цюрупа. Однако они были в явном меньшинстве в ЦК партии. Кроме того, надо учитывать, что хотя их подходы к экономике и отличались от "левых" большей взвешенностью и реализмом, вместе с тем, несли на себе печать большевистской идеологии, а именно, временности существования рынка. Так, А.Д.Цюрупа, один из немногих сразу поддерживавших Ленина в его стремлении изменить экономическую политику, допускал возможность власти не только влиять на торговлю, но и полностью распоряжаться ею[5]. Весьма распространенным среди большевиков было упрощенное понимание механизма овладения рынком и торговлей, которое сводилось к сосредоточению в руках государства больших запасов товаров.

В свете этого становится более понятной та приверженность большевиков к административным, насильственным приемам в овладении рынком и торговлей уже в начале 20-х годов.

Уже в мае 1922 г. была организована Комиссия внутренней торговли при СТО - первый специальный аппарат управления торговлей. Многие в ЦК партии считали необходимым иметь Наркомат торговли и лишь настойчивость Ленина не дала реализоваться подобной идее. Но через два года, в мае 1924 г., по решению XIII съезда РКП(б) Наркомат внутренней торговли все-таки был создан. Такой ход событий в 1924 г., по нашему мнению, характеризует общий подход большевиков о необходимости жесткой административной линии в области товарооборота и рынка. В пользу такого вывода свидетельствует содержание резолю-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ции XII съезда "О внутренней торговле", внешне носивший новый характер и принятую без дискуссии. Обращает на себя внимание постановка задач перед Наркомторгом и всей партией. Во-первых, признавая необходимость частного капитала для обслуживания крестьянских хозяйств, партия ставит впервые глобальную задачу - подчинить своему влиянию весь процесс рыночного товарооборота, вновь забывая свой же печальный опыт периода "военного коммунизма". Во-вторых, Наркомторг наделялся правом регламентации всей внутренней торговли, правом устанавливать твердые цены и наблюдать за их действенным проведением в жизнь. В-третьих, ближайшей задачей нового наркомата ставилось планомерное проведение заготовительной кампании[6]. Последняя установка этого документа шла вразрез с недавними решениями XII съезда и постановления ЦК "Об очередных задачах экономической политики" (декабрь 1923 г.) о длительности процесса внедрения планового начала. То есть, колебания в темпах осуществления планового хозяйства, с которых в 1923 г. говорил А.И. Рыков[7], отбрасывались уже в мае 1924 г. О том, что насильственные методы в экономической политике большевиков становились ведущими в 1924 г. убеждает и доклад Г.М.Кржижановского на том же XIII съезде "О товарообороте и плановой работе". В нем резко противопоставлялись как несовместимые плановое хозяйство с госсектором и рынок, и заявлялось, что большевики не допустят над собой власть денег[8].

Не случайно, что именно в это время в недрах партии родился план завоза промышленной продукции в сельскохозяйственные районы, сыгравший в последствии заметную роль в подрыве рыночных отношений. Планы эти разрабатывались в центре Наркомторгом и сразу же оказались оторванными от оперативной работы, поскольку за основу распределения принимались приблизительные, не учитывающие специфику районов показатели, остатки в товаропроводящей сети. Кроме того, планы завоза планировались и осуществлялись по кварталам вне зависимости от конъюнктуры рынка. Закономерно, что первый опыт их осуществления в 1924/25 г. вызвал критику со стороны специалистов и даже самих большевиков. Наиболее остро эти планы в 1925-1926 гг. критиковал руководитель ВСНХ Ф.Э.Дзержинский, справедливо видевший в них угрозу бюрократизации товарооборота, а значит и рост затруднений в снабжении деревни промышленными товарами[9]. В начале 1927 г. один из руководителей государственной статистики,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

профессор А.С.Перушин, среди причин замедляющих рост спроса деревни выделял именно планы завоза промтоваров[10]. Между тем практика плана завоза из года в год расширялась (охват планами больших территорий, рост новых товарных номенклатур) и углублялась распределением товаров до уезда включительно[11]. Главным проводником и защитником планов завоза выступал Наркомат торговли СССР. Председатель торговой секции Госплана СССР Н.Виноградский со знанием дела писал в середине 1928 г., что "именно НКТорг через планы завоза все ломает, перекраивает и распределяет по-своему"[12]. С января 1928 г. они стали главной формой плановоого товарооборота страны. И в октябре 1932 г. ЦК ВКП(б) пребывал в уверенности, что с помощью плана завоза можно изжить затоваривание, принудительный ассортимент[13], забывая, что именно эти планы в 1925 г. назывались главными виновниками указанных отрицательных явлений в товарообороте.

Мощную поддержку такому насильственному методу в торговле оказывала кадровая политика ЦК большевиков, которая не претерпела существенных изменений после гражданской войны. В 1921-1923 гг. кадровая политика в какой-то степени смягчалась позицией В.И.Ленина, А.И.Рыкова, Л.Б.Красина, Ф.Э.Дзержинского в отношении к специалистам. Однако очень скоро господствующей среди большевиков стала позиция подозрительности и неприязни к специалистам. Весной 1923 г., т.е. еще в условиях становления НЭПа, на XII съезде партии Г.Е.Зиновьев в угрожающей форме потребовал от специалистов "забыть" свои обвинения большевиков в некомпетенции[14]. Через год XIII съезд РКП(б) поставил задачу "снабдить новый наркомат и его местные органы достаточным числом испытанных членов партии"[15]. Ясно, что к маю 1924 г. "испытанными" кадрами в своем большинстве являлись люди, проявившие себя в условиях "военного коммунизма", когда насилие и нажим были основными методами хозяйственной деятельности. Поэтому становится понятным почему предупреждение Л.Б.Красина на XII съезде о необходимости продолжительной выучки и учения для хозяйственной работы не было услышано и поддержано[16].

В октябре 1924 г. ЦК партии принял решение перевести на кооперативную, торговую и кредитную работу не менее трех тысяч коммунистов, а в начале 1925 г. сия установка была выполнена на 90 процентов. В марте 1925 г. ЦК утвердил положение об оргаспреде, который должен был ввести систематический учет, подбор и распределение партработников для центральных и местных органов. Кадровую политику помогало проводить и ОГПУ, его четвертое отделение экономического

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

управления регулярно информировало ЦК о партийном составе хозяйственных органов[17].

На протяжении всех 20-х годов подобная кадровая политика была доминирующей, а после "шахтинского дела" и откровенно репрессивной. Так, признав работу Наркомснаба в 1930 г. неудовлетворительной, ЦК дал санкцию на расстрел 48 человек[18]. Результатом подобной кадровой политики большевиков явилось то, что к концу первой пятилетки ЦК сам вынужден был признать крайне низкую профессиональную подготовку значительной части работников торгового и кооперативного аппарата[19].

Таким образом, на протяжении 1921-1933 гг. шел непрерывный процесс нарастания насилия в одном из важнейших звеньев рынка - в торговле. Не удивительно, что уже в 1925-1926 гг. наблюдается рост "странных вещей", которые ставили в тупик даже "железного" Ф.Э.Дзержинского, считавшего в 1926 г. госторговлю и кооперацию бюрократически разбухшими аппаратами[20].

Что же еще было странного в торговой политике большевиков в условиях расцвета НЭПа? Известно, что торговля в начале 20-х годов фактически создавалась на пустом месте. Между тем предстояло охватить огромную страну, покрыть ее сетью торговых баз, магазинов, лавок. В 1925/26 гг. торговая сеть достигла своего кульминационного развития, составляя 35-40 процентов довоенного уровня. Но после 1925/26 г. торговая сеть стала безостановочно сокращаться. Только в РСФСР за 1926/27 г. убыло 17,8 процентов всех торговых предприятий[21]. Несмотря на словесные разъяснения ЦК ВКП(б) в 1931-1932 гг., что вытеснение частника не означало уничтожение всякой торговли - розничная сеть госторговли и кооперации с 1926/27 по 1933 г. в целом по стране сократилась почти в два раза с 551,6 тыс. до 284,4 тыс. торговых предприятий[22].

Отмеченное явление, по нашему мнению, объяснялось рядом причин: во-первых, советским вариантом удешевления чрезвычайно дорогого торгового аппарата; во-вторых, недооценкой торговли, как необходимой сферы расширения воспроизводства; в-третьих, расстройство товарооборота вело к росту натурализации народного хозяйства; в-четвертых, укрупнением торговых предприятий за счет мелких. Последняя тенденция в торговой политике большевиков была теснейшим образом связана с всеобщим администрированием в товарообороте. Ведь не секрет, что осуществлять приказы и контролировать их осуществление проще, когда имеешь дело с меньшим количеством и достаточно крупными торговыми предприятиями. Партийные документы уклонялись от

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

оценки сокращения торговой сети, ее последствий для народного хозяйства. Специалисты же отмечали, что сокращение торговой сети резко усиливало ажиотажный спрос, особенно в деревне, где всего сильнее шло указанное сокращение[23]. Рассмотренный процесс в партийной торговой политике являет собой яркий пример лицемерия большевистского руководства, когда насущные интересы человека полностью подменялись политическими и идеологическими интересами партийного и государственного аппарата.

Наиболее воинственно использовались большевиками насильственные методы в области ценообразования. Это и понятно, поскольку в рыночных отношениях оно играло ключевую роль. И здесь партийная политика претерпела стремительную эволюцию. Если в 1923-1925 гг. руководство партии хотя и с оговорками, но признавало необходимость рыночного равновесия, то уже в 1927-1928 гг. напрочь от него отказывается. Если в 1924-1926 гг. товарный голод вызывал беспокойство в ЦК большевиков, то в 1928-1930 гг. его начинают преподносить чуть ли не источником движения в советском хозяйстве. Весьма показательно в этом отношении заявление В.В.Куйбышева на заседании СНК СССР в ноябре 1928 г., который возражая А.И.Рыкову подчеркивал, что "говорить о полном равновесии спроса и предложения есть кардинальная ошибка, наоборот несоответствие спроса предложению и толкает промышленность на быстрое развитие и свидетельствует о роли благосостояния[24]. Желание же вмешаться в ценообразование у большевистского руководства было уже в самом начале НЭПа. Об этом вспоминал в декабре 1923 г. А.И.Рыков[25].

Первая серьезная попытка регулирования цен в сторону уменьшения была предпринята в конце 1923 г. в связи с "кризисом сбыта". В целом эта кампания, хотя по словам Ф.Э.Дзержинского проделанная "топорно", принесла положительный эффект - удалось завершить денежную реформу. Как известно, политика снижения в основном коснулась цен на промышленные товары. Однако часто в тени остается другой факт, а именно, установление нормированной цены на керосин, соль, сахар. Л.Б.Каменев называл их "твердыми" и полагал это решение большим шагом вперед в экономической политике партии. В декабре 1923 г. он разъяснял почему советская власть "пока не может взять на себя назначение и регулирование цен на все продукты", поскольку для этого нужен "грандиозный аппарат"[26]. Если же принять во внимание исторический опыт, а также способность Л.Б.Каменева выражать общее мнение, замеченное еще В.И.Лениным в апреле 1917 г., то безусловно,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

что подобные оценки не являлись лишь его личным мнением.

Партийная политика в области цен не обделена вниманием исследователей. Многие отечественные историки склонны видеть в ней одну из главных причин поражения НЭПа в 1927 г. Английский ученый А.Ноув доказывает, что политика цен окончательно подорвала НЭП уже в 1926 г.[27] Нам представляется, что в свете высказываний А.И.Рыкова и Л.Б.Каменева, декабрьской резолюции 1923 г. "Об очередных задачах экономической политики", заклинающей, что коммерция, бюджет "должны контролироваться соображениями политическими"[28], можно утверждать: большевики и в начале НЭПа серьезно и глубоко не воспринимали законы рыночных отношений, хотя и призывали друг друга с ними считаться.

В начале 20-х годов силовые методы, нашим встречали известное сопротивление получивших свободу рыночных отношений. Кроме того, напуганные разразившемся в конце гражданской войны политическим и экономическим кризисом, умеренная часть руководства большевиков стремилась освободиться от самых крайних традиций "военного коммунизма". Поэтому наряду со все нарастающим насилием административного вмешательства в торговлю со стороны партии в 1924-1925 гг., предпринимались меры и рыночного характера (перевод сельскохозяйственного натурального налога в денежную форму, его сокращение в 1925 г., упорядочение аренды, найма рабочей силы в сельском хозяйстве и т.п.). Однако в условиях политической монополии большевиков силы были явно неравны, поскольку уже в 1924 г. насильственные методы большевиков в экономике оказались сильнее рыночных законов. Это подтверждается современными исследователями, в частности, В.А. Ильиных[29]. Так, в связи с недородом во многих районах европейской части страны в 1924 г. резко поднялись цены на хлеб. Партийное руководство не нашло ничего иного как установить план государственным и кооперативным заготовителям с предельными закупочными ценами (лимиты). Существование параллельной государственному вольного хлебного рынка естественно парализовало централизованные заготовки. Партийное руководство виновником этого объявило частный торговый капитал, который с осени 1924 г. стали всячески ограничивать преимущественно административными методами. И хотя эти меры не дали желаемого результата и большевикам пришлось отменить лимиты, но повторение затруднений с заготовками в 1925 г. вновь вызвали волну административных ограничений частника.

Может быть подобные оценки большевистской политики исследовате-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

лями 90-х годов субъективны и продиктованы неприятием советской хозяйственной системы? Ничего подобного. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к выводам современников НЭПа, которые непосредственно были связаны с рынком. Например, резолюция расширенного пленума совета съездов биржевой торговли (июль 1925 г.) с которой наверняка был знаком Д.А.Цюрупа, без обиняков указывала на слом действующих ценообразующих факторов в результате действия двух рынков: частного и кооперативного. Авторы документа справедливо считали, что заготовительные цены должны строиться с учетом получения "нормальной коммерческой прибыли", а не на убытках заготовителей. В резолюции особо подчеркивалось - хлебная котировка должна быть свободна от каких-либо искусственных комбинаций[30]. Конечно, рынок обладая силой естественного, жизненного начала оказывал "плановым началам" сопротивление и даже исправлял промахи регулирующих органов. Однако командный стиль становился все более жестким и неуступчивым. 1926 г. ознаменовался новым наступлением против повышения цен. В июле СТО издал указ "О снижении цен" на дефицитные промышленные товары в условиях непрекращающегося товарного голода. Аналогичные установки были сделаны большевиками и в отношении заготовительных цен на сельхозпродукты и сырье. Борьба за снижение цен неминуемо превращала их в "твердые" или "застывшие", что в свою очередь перемещало товар на нелегальное положение, вело к росту спекуляции, значительным финансовым потерям государства. Но большевистское руководство несмотря ни на какие издержки твердо шло по курсу администрирования. При этом пытались превратить даже товарные биржи в свой инструмент насильственных методов. В мае 1927 г. большевистская фракция Ш съезда товарных бирж потребовала от биржевиков внедрять в торговлю директивные цены, проводить линию снижения цен[31]. Последствием такой политики большевиков был рост бюрократизации и дорогоизны торгового аппарата с одной стороны и окончательное расстройство товарообмена с другой.

Но возникает естественный вопрос - знало ли руководство партии о результатах собственной политики или действительно, например, хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. оказался для многих из них неожиданным? Представляется, что лидеры умеренных большевиков А.И. Рыков, Н.И.Бухарин в определенной степени лукавили, говоря о неожиданности для них этого кризиса. У них было достаточно информации. Другое дело - реализма и трезвости в ее оценке им недоставало. Обоснованные и научно взвешенные предостережения были высказаны учены-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ми, работавшими в центральных хозяйственных органах, В.В.Новжиловым, Л.Н.Кровским в 1926 г., А.Л.Вайнштейном и другими сотрудниками конъюнктурного института в 1927 г.[32] Была у них и более доверительная" информация своих органов. В марте 1926 г. в докладной записке в ЦК четвертого отделения экономического управления ОГПУ указывалось, что лимитные цены Наркомторга доводят кооперацию до убытков[33]. В начале 1927 г. учетнораспределительный отдел ЦК партии обращал внимание Оргбюро на пагубность установления Наркомторгом всевозможных ограничений в товарообороте (на цену, планы заготовок, их распределения по районам). Авторы этого документа с видимой тревогой отмечали рост "дефектов" в области заготовительных цен, их недостаточную гибкость в процессе заготовок и несоответствие цен стандартам и сортам[34].

Причину равнодушного отношения к нарастанию рыночного хаоса со стороны руководства партии, по нашему мнению, наиболее точно определил известный экономист, современник НЭПа, А.Л.Вайнштейн. Вспоминая события 20-х годов он полагал, что идеи рыночного равновесия не могли найти понимания среди многочисленных большевиков, для которых рынок, торговля, равновесие являлись в лучшем случае временной необходимостью, с которой предстоит бороться[35]. Кстати, эта оценка совпадает с утверждением Н.Валентинова, что большевики не приняли НЭП "всерьез и надолго". Кроме того, легковесное отношение большевиков к рынку было связано с крайне низким уровнем их образования[36]. По-видимому идеологическая антипатия к рынку, элементарная безграмотность и опыт гражданской войны, когда с помощью насилия можно было решить почти любую хозяйственную задачу - порождало у большевиков уверенность в универсальности насилия в условиях НЭПа. Весьма типично и характерно в этом отношении выступление в апреле 1927 г. одного из руководителей Сибирского края Р.И. Эйхе, который безапелляционно утверждал, что единственно верным способом воздействия на торговлю является силовой нажим-"дубинка"[37]. Поэтому и глубину последствий нарушения рыночного равновесия путем подрыва ценообразования и товарооборота вряд ли осознавали даже лидеры умеренных большевиков: А.И.Рыков и Н.И.Бухарин. Никто из них в 1925-1927 гг. не выражал своего протеста против силового воздействия на цены.

Насилие над ценообразованием сопровождалось стремительным вытеснением частного торгового капитала, что в свою очередь лишь ускоряло кризис в области товарооборота. Ведь не секрет, что крестьяне "

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

кустари, при невыгодной для них цене, установленной Наркомторгом, обращались к частнику. Однако большевики преимущественно нажимом очень быстро изгнали частный капитал из торговли. Так, если к концу 1925 г. на долю частника приходилось 8,5% оптовой и 42,3% розничной торговли, то уже к концу 1928 г. в опте частника вытеснили почти полностью, а в розниде частная торговля составляла чуть более 20%[38]. При этом большевики в своем желании как можно быстрее покончить с частной торговлей мало считались с огромными экономическими потерями, которые несло советское хозяйство. О масштабе таких потерь говорит хотя бы то, что только отказав частнику в перевозке грузов по железной дороге с октября 1927 по февраль 1928 г. государство сократило свои доходы по этой статье на 62%[39]. Стремительно росли накладные расходы, которые к концу 1927 г. на сельскохозяйственные продукты составили в среднем 275% (в 1913 г. - 100%). Доля же производителя в реализационных ценах внутреннего рынка составила 49,1% против 67,1% в 1913 г.[40] Поэтому совершенно точное замечание было сделано еще в конце 1928 г. известным экономистом Б.Ерушкусом, что существовавшая государственная и кооперативная торговля была непомерно дорога и способствовала сильной натурализации сельского хозяйства[41]. Не случайно и то, что в официальных кругах в начале 1928 г. частную торговлю рассматривали как "пережиток прошлого"[42].

Насилие над ценообразованием и частным торговым капиталом сделало к середине 1928 г. госторговлю и кооперацию полными монополистами, что в свою очередь поставило перед большевиками новую проблему - организацию контроля за торговым аппаратом[43]. Ясно, что подобная перспектива способствовала дальнейшему разбуханию государственного аппарата. Неприятие торговли как купли-продажи, стремление ликвидировать посредников в товарообороте, отрицание частной собственности, закона стоимости большевистскими лидерами привело к резкому сворачиванию товарного характера советской хозяйственной системы в 1929 г. Указанное перерождение хозяйственной системы было очевидным фактом для современников. Правда оценки подобного явления не совпадали. Если Президиум Госплана СССР в апреле хотя и робко, но указывал на пагубность сокращения товаров в обороте для рынка и народного хозяйства[44], то более распространенным мнением в 1929-1930 гг. являлось утверждение естественности натурализации советской экономики в условиях развернутого наступления социализма по всему фронту. Например, один из авторов двухтомника "На но-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

вом этапе социалистического строительства", подготовленный институтом экономических исследований под руководством С.Г.Струмилина к XVI съезду ВКП(б) совершенно верно писал "о возрастающей роли натурального аспекта плана, натуральных балансов и все суживающих роль рыночных балансов", о падении эффективности цены[45].

К подобным выводам приходят и многие современные исследователи. В частности, известный английский ученый Р.Дэвис указывает, что в 1930 г. думали об исходе торговли и переходе к плановому снабжению и распределению как универсальному средству[46]. Правда, он полагал, что весной-летом 1931 г. в связи с экономическим кризисом советское руководство начинает реабилитацию термина торговли, понимая невозможность полного огосударствления регулирования цен. Думается, что Р.Дэвис все-таки переоценивает разрешение большевиками колхозной торговли и литературные упражнения публицистов о неонэпе. Содержание резолюций о торговле октябрьских пленумов ЦК ВКП(б) 1931 и 1932 гг., практика регулирования цен и торговли в годы первой пятилетки свидетельствовало о том, что И.В.Сталин и не помышлял об отказе от полного огосударствления товарооборота.

Таким образом, на протяжении всего периода, начиная с 1921 г. большевики взяв курс на огосударствление товарооборота, административное формирование цен к концу 1929 г. добились монополизма советской торговли и натурализации народного хозяйства. Подобный результат явился плодом систематического насилия со стороны большевиков над экономикой. Торговая политика большевиков в 1921-1933 гг. усугубляла товарный дефицит, поскольку насилие со стороны власти подрывало закон стоимости, не позволяло коммунистам правильно соизмерить затраты с результатами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бирман И. Реформа экономики абсурда//США: экономика, политика, идеология. 1991.№ 8.С.66.

2. См.: Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма.-М.,1961; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. -Л.,1964; Дмитриенко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу (1921-1924 гг.)-М.,1971; Он же. Советская экономическая политика в первые годы нэпа: проблема регулирования рыночных отношений.-М.,1986 и др.

3. Дмитриенко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу...С.53.

4. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.45.С.370.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

5. Цит. по: Цорупа В.А. Колокола памяти.-М.,1966.С.176.

6. XIII съезд Российской коммунистической партии(большевиков). Стенографический отчет.-М.,1963.С.623,624.

7. Рыков А.И. Доклад на собрании бюро ячеек и активных работников московской организации. 29 декабря 1923 г.//Об очередных задачах экономической политики.-Витебск,1924.С.67.

8. XIII съезд Российской коммунистической партии....С.398.

9. Бухарин Н.И., Рыков А.И.,Дзержинский Ф.Э. Пленум ЦК и ЦКК (июль 1926 г.)-М.,1926.С.86,89.

10. Первушин А.С. Основные явления в области народного хозяйства в первом квартале 1926/27 г. в связи с основными явлениями 1925/26 г.//Экономическое обозрение.1927.№ 2.С.22.

11. Виноградский Н. Система и практика регулирования торговли (из истории регулирования товарооборота в 1927/28 г. и к ближайшим задачам в этой области)//Экономическое обозрение.1928.№ 6.С.49.

12. Там же.С.50.

13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1896).9-е изд.-М.,1984.Т.5.1929-1932. С.422.

14. XII съезд Российской коммунистической партии(большевиков). Стенографический отчет.-М.,1968.С.47.

15. XIII съезд Российской коммунистической партии...С.625.

16. XII съезд Российской коммунистической партии...С.125.

17. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ), бывший Центральный партийный архив при ЦК КПСС. -Ф.17.-Оп.68.-Д.33.-Л.40; Д.434.-Л.27;Д.44.-Л.9,11; Оп.69.-Д.99.-Л.156.

18. КПСС в резолюциях...Т.5.С.238.

19. Там же.С.366.

20. РЦХИДНИ.-Ф.76.-Оп.2.-Д.286.-Л.36.

21. Товбин П. Проблема торгового аппарата//Экономическое обозрение.1929.№ 1.С.65.

22. Советская торговля.Статистический сборник.-М.,1956. С.15, 137.

23. Товбин П.Указ.соч.С.73.

24. Наше Отечество: опыт политической истории.-М.,1991.Ч.2.С. 248.

25.Рыков А.И. Указ.соч.С.65

26. Каменев Л.Б. Доклад об очередных задачах экономической политики, прочитанный на заседании ответственных работников Красно-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

пресненского района 27 декабря 1923 г.//Об очередных задачах экономической политики.-Витебск,1924.С.33.

27. Ноув А. О судьбах нэпа//Вопросы истории.1989.№ 8.С.173.

28. Резолюция ЦК РКП(б) "Об очередных задачах экономической политики", принятая Политбюро 24 декабря 1923 г., во исполнение постановления пленума ЦК и ЦКК от 25 октября, подлежит окончательному утверждению пленума//Об очередных задачах экономической политики.-Витебск,1924.С.9.

29. Ильиных В.А. Государственное регулирование хлебного рынка в 1921-1927 гг.//Россия нэповская: политика, экономика, культура.-Новосибирск,1991.С.99-100.

30. ЦГАОР.-Ф.5446.-Оп.26.-Д.43.-Л.4.5,7.

31. РЦХИДНИ.-Ф.17.-Оп.68.-Д.504.-Л.47.

32. Новожилов В. Недостаток товаров//Вестник финансов.1926.№2; Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе//Вестник финансов.1926.№ 12; Экономический бюллетень конъюнктурного института.1927.№ 11-12.

33. РЦХИДНИ.-Ф.17.-Оп.69.-Д.99.-Л.158.

34. Там же.-Д.320.-Л.30,31.

35. Цит по.: Ноув А. Указ.соч.С.173.

36. См.: Андреев В.П. Руководство коммунистической партии городскими советами РСФСР (1926-1937 гг.)-Томск,1990.С.118,170; Второй краевой съезд Советов Сибири (1-6 апреля 1927 г.).-Новосибирск, 1991.С.214-221.

37. Второй краевой съезд Советов Сибири...С.127.

38. История КПСС.-М.,1970.Т.4.Кн.1.С.375-376; Экономическая история СССР.-М.,1986.С.216.

39. Товбин П. Указ.соч.С.65.

40. Подсчитано по: Экономический бюллетень конъюнктурного института.1927.№ 11-12.С.62.

41. Брудкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьба//Вопросы экономики.1991.№ 10.С.144. Сходную мысль о росте натурализации сельского хозяйства в связи с регулированием цен и торговли высказал в советской периодике В.Макаров. К вопросу о системе цен//Экономическое обозрение.1929.№ 1.С.89.

42. Коломойцев П. Об основных задачах регулирования торговли// Экономическое обозрение.1928.№ 1.С.21.

43. Там же.С.25.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

44. ЦГАНХ.-Ф.4372.-Оп.26.-Д.130.-Л.1.

45. Гатовский Л.М. О природе меновых связей на новом этапе//На новом этапе социалистического строительства.-М.,1930.Т.2.С.7,10.

46. Дэвис Р. Кризис советской экономики 1931-1933 гг.: некоторы нерешенные проблемы//Экономические науки.1990.№1.С.82.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 3
I. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. 5
ЗИНОВЬЕВ В.П. Этапы индустриального освоения Сибири... -
АНДРЮЩЕНКО Б.К. Правовое положение сибирских рабочих во второй половине XIX века..... 29
КОНОВАЛОВ П.С. Строительство и эксплуатация Ачинск-Минусинской железной дороги (1914-1926 гг.)..... 41
РЕМНЕВ А.В. Комитет Сибирской железной дороги как орган регионального управления..... 49
II. ТОРГОВЛЯ В СИБИРИ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. 61
НОСОВА Е.А. Северный морской путь в планах сибирского купечества (вторая половина XIX в.)..... -
ПРОНИН В.И. Вывозная хлебная торговля в Сибири в конце XIX-начале XX вв..... 71
ДМИТРИЕНКО Н.М. Дороговизна в Томске в 1914-1917 гг... 89
III. АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ 99
ПАНТЕЛЕЕВ В.И. Земельно-лесное хозяйство казны в Сибири к концу XIX в..... -
НИКУЛИН П.Ф. О социально-экономической природе аренды в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в... 114
IV. НЭП В СИБИРИ 131
БУРНАШЕВА Н.И. Промысловая кооперация Якутии в годы НЭПа..... -
АНДРЕЕНКО Е.А. Деятельность сибирских профсоюзов по разрешению производственных конфликтов, как форма реализации ими социально-защитной функции в период НЭПа..... 1[illegible]
ДЕМЧИК Е.В. Частный капитал и налоговая политика советского государства в конце 20-х годов (на материалах Сибири)..... 147
ГРИК Н.А. К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики (1921-1933 гг.)..... 155

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Подписано к печати 27.09.94г.
Формат 60x84 I/16. Печать офсетная.
Печ. л. 9,8. Тираж 200 экз. Заказ № 373.
РИО ТГУ. 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru
1-813830
Томский государственный университет
Научная библиотека 00286102